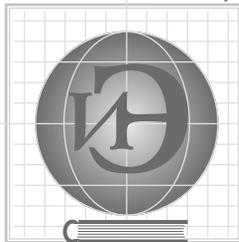

Российская академия наук

Институт экономики

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Выпуск 5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ

Сборник статей

Москва
2016

ББК 65.9(2)-1
Э40

Редакционная коллегия:

Ю.П. Бокарев (отв. редактор), Г.Д. Гловели,
М.А. Давыдов, В.Л. Степанов, К.А. Фурсов (секретарь)

Рецензенты: д.э.н. П.А. Ореховский, д.э.н. М.Г. Покидченко

Э40 **Экономические теории и рыночные реформы.** История мировой экономики, вып. № 5. Сборник статей. М.: ИЭ РАН, 2016. — 350 с.

ISBN 978-5-9940-0545-3

Выпуск 5 сборника «История мировой экономики» посвящен теоретическим проблемам экономических реформ, экономическим преобразованиям в истории России, СССР и РФ, а также экономическому опыту ряда зарубежных стран и регионов (Германия, Индия, Латинская Америка).

В статьях первой (теоретической) части сборника рассмотрены следующие проблемы: феномен экономических реформ как элемент глобального управления, соотношение неоклассической экономической теории и реальной экономики, взгляды неомальтузианства на экономические законы истории. Вторая часть посвящена истории конкретных экономических преобразований, в том числе проблеме денежных реформ Германии и России начала 1920-х годов, выбору модели социалистической модернизации сельского хозяйства СССР, источникам дохода сельской семьи в России в 1985–2002 гг., налогам в системе социально-политических преобразований современного российского общества, реформам в Латинской Америке последних десятилетий и др. В третьей и четвертой частях представлены тезисы докладов на постоянно действующем семинаре Института экономики РАН «Теория и практика экономических реформ» и обзор работ известного специалиста по экономической истории Индии.

Сборник рассчитан на специалистов по экономической истории, преподавателей и студентов экономических вузов и факультетов, а также на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-9940-0545-3

ББК 65.9(2)-1

© Институт экономики РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

М.Г. Делягин Феномен экономических реформ: от инструмента глобальной конкуренции к элементу глобального управления	10
Ю.П. Бокарев Неоклассическая школа и рыночные реформы.....	33
С.А. Нефедов Неомальтузианство об экономических законах истории.....	58

Часть II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В XIX—XX вв.

А.В. Бугров Русская армия и ассигнации в 1813—1815 гг.: малоизвестная страница антинаполеоновских войн.....	82
А.В. Мамаев Муниципальные финансы и особенности развития городского хозяйства в России накануне революции 1917 г.....	102
А.С. Соколов Денежные реформы в Германии и России: опыт перехода к твердой валюте (1921—1924 гг.).....	132
Л.А. Фадеев Экономические и организационные аспекты снабжения рабочих машиностроительных предприятий в годы первых пятилеток.....	168

- В.А. Ильиных**
Социалистическая модернизация сельского хозяйства: выбор модели 197
- Л.Б. Шейнин**
Проблема постоянства владения сельскохозяйственной землей (на примере России) 225
- О.М. Вербицкая**
Источники дохода сельской семьи в 1985–2002 гг. (рокировка по значимости) 255
- И.В. Караваева**
Налоги в системе социально-политических преобразований российского общества 290
- Г.Г. Костромина**
Экономические реформы в Латиноамериканском регионе в 1970–2000-е годы 318

Часть III

МАТЕРИАЛЫ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИХ СЕМИНАРОВ (ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ)

Б.М. Шпотов

Роль американского капитала в экономическом развитии Германии и СССР в 1920–1930-е годы... 330

Д.В. Диденко

Накопление человеческого капитала и экономическое развитие в странах бывшего СССР 334

Часть IV

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Фурсов

Работы Тиртханкара Роя – новейший пласт изучения экономической истории Индии 340

ВВЕДЕНИЕ

Замысел этого сборника состоит в том, чтобы на широком историческом фоне показать, насколько далеко разошлись между собой теория и практика экономических реформ. Арсенал экономистов-теоретиков практически исчерпан, тогда как действительность ставит перед ними все новые и новые вопросы. И это – картина не только сегодняшнего дня. Расхождение между теорией и практикой имело место и в ходе экономических преобразований XIX в. и более ранних веков.

Пропасть между теорией и практикой самым непосредственным образом отражается на исследованиях в области экономической истории. Прежде всего это влечет за собой некоторую примитивизацию изображения экономических процессов. Если историк старается следовать теории, то для него десятилетия советской власти, например, представляются сплошным насилием большевиков над народом, тогда как в действительности на протяжении семидесяти лет теория марксизма шаг за шагом отступала перед продиктованными практикой проблемами, освобождая творческие силы населения. Собственно говоря, это и позволило социализму не только достаточно долго просуществовать, но довольно динамично развиваться.

В настоящем сборнике читатель найдет статьи как по теоретическим, так и конкретно-историческим проблемам экономических преобразований. Приведены также материалы организованных секторов материалов. Но не следует думать, что содержание сборника отражает позицию его редколлегии. Мы даем возможность авторам свободно изложить свою позицию. О содержании пусть судит читатель.

20 сентября 2015 г.

Ю.П. Бокарев

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
РЕФОРМ

М.Г. Делягин¹

ФЕНОМЕН ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: ОТ ИНСТРУМЕНТА ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ К ЭЛЕМЕНТУ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ²

В статье рассмотрено содержание реформы как специфического вида деятельности, характерного для нового времени, находящегося в неразрывной связи с либерализмом. Проанализирован процесс трансформации сущности реформаторской деятельности под воздействием смены технологического базиса и изменения взаимодействия личности с обществом, а бизнеса с государством. Показано кардинальное изменение содержания понятия «общественное благо» в результате перехода от индустриальных технологий к информационным. Описана сущность «реформаторского мифа» и его несовместимость с демократией. Выявлена объективная обусловленность деградации личности и общества, показана возможность слома этой тенденции только под прикрытием возвращения к традиции.

Ключевые слова: реформа, либерализм, индустриальные технологии, информационные технологии, глобальные монополии, общественное благо, прогресс, деградация, архаизация, новое время, Просвещение, информационный взрыв, миф, Бреттон-Вудское соглашение, МВФ, Мировой банк, Международная финансовая корпорация, Международная торговая организация, ВТО, демократия, консерватизм, традиция.

Предисловие: реформа как признак нового времени

Термины – особенно общеупотребительные и так называемые само собой разумеющиеся – имеют не только буквальное, но и символическое значение, и в этом последнем

-
1. Михаил Геннадьевич Делягин – д.э.н., директор Института проблем глобализации, главный редактор журнала «Свободная мысль» (до 1991 г. – «Коммунист»).
 2. Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на заседании постоянно действующего семинара Института экономики РАН «Теория и практика экономических реформ», организованного сектором экономической истории 21 мая 2015 г.

качестве представляются весьма действенным инструментом социального программирования. Их использование само по себе воздействует на аудиторию и настраивает ее определенным образом, зачастую отнюдь не связанным с формальным, и даже наиболее распространенным в соответствующий период времени, смыслом термина.

Это хорошо знают политтехнологи и политики, введшие в оборот стремящихся к толерантности обществ понятие «язык вражды», т. е. использование терминов, которые сами по себе вызывают враждебность к описываемым явлениям. Но термины способны провоцировать и иные чувства, включая позитивные: доверие, успокоение, и даже стремление присоединиться к описываемому ими процессу.

Поэтому подбор и использование терминов представляется важным инструментом управления, воздействие которого далеко не всегда полностью осознается (да и осознается вообще) не только управляемыми, но и осуществляющими управление.

Как ни парадоксально, привычный нам, вошедший в плоть и кровь современной общественной жизни, термин «реформа» сравнительно молод. Означающий не просто существенное, но обязательно сознательное изменение к лучшему, он является одним из основных признаков уже нового времени. Его принципиальной особенностью представляются не только сравнительно масштабные изменения и относительно устойчивый общественный прогресс (что уже является новым по сравнению с предшествовавшей эпохой), но и систематически осуществляемые попытки сознательного управления ими, в том числе при помощи специально создаваемых для этого управленческих, образовательных и культурных структур.

Знаменем нового времени стало приобретение человеческим развитием проектного характера, дополнение объективных общественных процессов взаимодействием (как осознаваемым, так и стихийным, неожиданным для его участников) сознательных стремлений различных общественных групп. (Интересно, что ленинцы довольно подробно описали такое

проектное воздействие на общественное развитие на примере себя, любимых, укрывшихся под псевдонимом «субъективного фактора революционной ситуации», но не предпринимали серьезных попыток комплексного изучения аналогичных воздействий на примерах иных эпох и цивилизаций. Причиной этого, вероятно, являлась не столько их погруженность в текущую политическую борьбу, сколько чрезмерный объективизм, органически присущий марксизму, не говоря уже о понятной и простительной в силу тогдашних исторических обстоятельств интеллектуальной мании величия.)

Таким образом, несмотря на свою кажущуюся привычность и естественность для нас, реформа как таковая является относительно новым видом человеческой деятельности. Его новизна и значимость закреплены в термине «реформация» и названии английского клуба, созданного для закрепления и развития результатов Великой парламентской реформы (обеспечившей переход от средневекового принципа цехового представительства к пропорциональному представительству населения) и сыгравшего большую роль во всей последующей истории.

Технологической основой Реформации явилось книгопечатание: не случайно Лютер только не молился на печатный станок.

Породив второй информационный взрыв после изобретения письменности, книгопечатание кардинально увеличило число людей, задумывающихся об абстрактных, т. е. не связанных с их текущим выживанием, явлениях. Плоды их размышлений становились частью их личности, причем частью, созданной не внешними обстоятельствами и авторитетами, но ими самими. Какой бы незначительной ни казалась эта самостоятельно созданная часть их личности с высоты последовавших столетий саморазвития человека, по тем временам это было колоссальное изменение ее структуры, качественное расширение ее самостоятельности.

Поскольку начавшие размышлять об абстрактном люди не имели опыта в том, что не касалось их непосредственно, они, конечно, зачастую приходили к формально неправиль-

ным выводам, однако для увеличения степени их самостоятельности это не имело значения. Главное же заключается в том, что, однажды сделанные, эти выводы становились частью их личности и индивидуальной судьбы, от которой они не готовы были отказываться и которые готовы были отстаивать, в том числе воспринимая доводы логики и специалистов как покушение на самих себя.

Управляющая система, сформировавшаяся до этого информационного и мыслительного взрыва в качественно иной реальности, не могла контролировать таких людей, и даже просто нормально взаимодействовать с ними, что привело к глубочайшему управленческому кризису и стало, насколько можно судить, одной из причин Реформации. (Разумеется, ни в коем случае не главной, но лишь одной из многих, начиная с изменения климата.)

Представляется принципиально важным, что человека разбудила к сознательному широкому социальному творчеству (которое мы и называем реформой) вторая после изобретения письменности информационная революция.

После этого сознательная деятельность человека по улучшению общественного устройства в интересах большинства членов общества была в целом успешной (хотя, разумеется, далеко отставала от его мечтаний) и описывалась в терминах проведения реформ.

С точки зрения формальной логики нынешняя, третья информационная революция должна в соответствии с законом отрицания отрицания кардинально изменить ситуацию, вернув ее назад, в состояние до Реформации и до изобретения книгопечатания, но на качественно более высоком уровне общественного развития.

Признаки этого мы уже наблюдаем.

С одной стороны, общественный прогресс по сугубо внутренним для человечества причинам все более наглядно сменяется регрессом, причем таким, что ряд исследователей вынужден говорить о возвращении в некоторое подобие раннего Средневековья как о вполне реальной перспективе.

С другой стороны, реформы как специфический управленческий прогресс из инструмента улучшения условий жизни большинства общества стали инструментом их ухудшения.

Причина этого заключается в изменении их характера. Из назревшего внутри общества и самостоятельно реализуемого им изменения они стали изменением, навязываемым ему извне: либо сбоку — со стороны более сильных обществ, либо сверху — со стороны глобального бизнеса. Соответственно, стали осуществляться не в интересах реформируемого общества, а в интересах посторонних сил, как минимум, не заинтересованных кровно в его благополучии, т. е. помимо общества и за его счет.

Однако перед тем, как рассмотреть эту трансформацию более подробно, следует зафиксировать постоянные черты реформ, характерные для них именно как для специфического вида деятельности.

Специфика реформы как вида деятельности

Прежде всего реформа является сознательным изменением общественного устройства, преследующим заранее определенную цель в интересах значимой части тех, кто считается в соответствующую эпоху полноценными членами общества, и направленным на расширение их числа.

Реформа по самой своей природе — открытое, публичное действие, само манифестирующее себя, объединяющая своими обещаниями (не важно, добросовестными и реалистичными или нет) заинтересованную часть общества и парализующая своих потенциальных противников ощущением их слабости, архаичности и несправедливости.

Строго говоря, реформа есть основная форма существования публичной политики, и публичная политика в традиционном понимании этого слова появляется как раз с началом реформирования общества и как процесс этого реформирования. По сути, термины «публичная политика» и «реформа» обозначают один и тот же процесс, просто рассматриваемый

по-разному: первый — с точки зрения организации общественной жизни на основе тех или иных ценностей, институтов и норм поведения, а второй — с точки зрения конкретных внутренних целей, на достижении которых фокусируется эта общественная жизнь.

Принципиально важной особенностью реформы как вида деятельности представляется ее нацеленность на изменение именно внутреннего состояния общества, которое предполагается улучшить; изменение за счет достижения внешних по отношению к нему целей не является непосредственным предметом реформы. (Таким образом, предметом, например, военной реформы может быть не завоевание соседей, но лишь такое улучшение вооруженных сил, которое сделает такое завоевание возможным.)

Поскольку реформирование общества осуществляется с опорой на его значительную, пусть даже и не преобладающую, часть, оно не только основано на вере в благотворности любых изменений как таковых (раз их поддерживает активная и сознательная часть общества), но и, по мере улучшения положения, укрепляет эту веру, расширяет круг ее приверженцев и постепенно делает ее доминирующей в соответствующем обществе.

«Изменение равно улучшению» — написано на знаменах реформаторов, а термины «ретроград» и «консерватор» становятся символами не только политического поражения, но и содержательной неадекватности.

При этом реформа достигает успеха, лишь когда вызревает в самом обществе и опирается на сложившиеся в нем самом требования и выражающие их социальные группы. Попытки принести на штыках счастье или экспортировать демократию, даже если абстрагироваться от их реальной корыстной мотивации, систематически ведут к ухудшению положения общества, на которое они направлены, и к его регрессу просто из-за непонимания его реального состояния и нахождению основных интересов осуществляющих реформы за пределами реформируемого общества.

Между тем усиление коммуникаций, связанное с процессом глобализации, породили невиданную ранее ситуацию, когда нормальным даже для крупного, успешного и в целом благополучного общества является доминирование в нем внешних, не укорененных в нем самом интересов. Соответственно, обычным стала и ситуация реформ, не вызревших изнутри, а навязанных извне, и, соответственно, ведущих к социальному регрессу вместо прогресса.

С момента зарождения либерализма как идеи суверенитета и самоценности личности реформа является его инструментом и его образом деятельности. Именно либерализм, единственный из значимых течений общественной мысли, выделяющий личность из общества и ставящий ее в центр мироздания, не мог не задуматься о проблеме взаимодействия личности с обществом. Более того: для него, на первых порах более всего озабоченного вопросом даже не развития, а сохранения личности как самостоятельной единицы во враждебном и подавляющем ее мире, вопросом избегания ее возвращения в слитно-роевое существование до эпохи Просвещения, ее обратного поглощения социумом и растворения в нем, для него единственным проблема взаимодействия личности с обществом была центральной.

Задача осознанной трансформации общества в интересах составляющей его личности воспринималась либерализмом как задача самосохранения вдруг осознавшего себя и пробудившегося к разумному отдельному существованию индивидуума, а с ней и задача самосохранения самого либерализма как общественного течения, единственным носителем которого был данный индивидуум.

Поэтому либерализм с самого начала своего формирования был объективно нацелен на социальное творчество, на преобразование общества, в которое были погружены его носители. Это внимание к социальной проблематике, вынужденное интересами прежде всего самосохранения, обусловило наибольшую социальную развитость и рефлексивность носителей либерализма: они исторически, исходно были ори-

ентированы на тщательное изучение и последовательное преобразование того, что остальным обществом полагалось незбылемым либо не воспринималось вовсе.

Соответственно, «реформа» является не только либеральным термином, но и либеральным образом мышления и действий, и потому трансформация реформы как вида деятельности неразрывно связана с трансформацией самого либерализма как ее первоисточника (в организационном плане) и ее базового содержания (в плане идеологическом).

Трансформация либеральных ценностей

Служа личности как идее, очень легко соскользнуть на службу отдельной личности, на каком-то первоначальном этапе развития кажущейся если и не воплощением идеала, то, по крайней мере, максимально возможным приближением к нему.

Нечто подобное, хотя и в неизмеримо более широком историческом плане, произошло и с либералами.

Ключевым для них стал выбор между служением личности и ее интересам как высшей ценности, с одной стороны, и служением свободе как высшему смыслу и цели существования этой личности, с другой.

Первый путь ставил сделавших выбор на службу обществу, превращал их во все более последовательных социал-демократов и, далее, в коммунистов. Второй путь вынуждал идущих по нему ради идеи свободы абстрагироваться от личности как ее носителя и в конечном итоге переходить на службу наиболее свободной части общества, т. е. предпринимателям, вставая затем на позицию защиты их интересов против интересов всего остального общества.

В этом выборе, как представляется, и заключается различие пониманий термина «либерализм» в США и Европе: в первых он означает (в традиционных для нас терминах) социал-демократа, во второй — обслуживающий персонал бизнеса, специализирующийся на политической деятельности.

При этом в силу положительного имиджа термина «либерализм» он, как и многое другое, был приватизирован глобальным бизнесом, в результате чего наиболее распространенным стало понимание этого термина, связанное именно с реализацией его интересов.

Путь, пройденный защитниками свободы как высшего принципа и высшей ценности, был достаточно прост и внутренне логичен: встав на службу наиболее свободной части общества – бизнесу, они обнаружили, что неумолимая логика политической борьбы требует опираться на наиболее мощную его часть. По мере развития производительных сил общества такой частью являлись сначала крупнейшие национальные монополии (в своей финансово-торговой части немедленно вышедшие на мировые рынки), затем монополии, сросшиеся с государством и поставившие его под свой контроль, затем транснациональные корпорации, служившие экономическим инструментом капиталистических государств в их борьбе против социализма. Наконец, после крушения последнего наиболее сильным элементом не только мира коммерции, но и всего мира как такового стал глобальный бизнес, освободившийся от государственной скорлупы и отбросивший ее после выполнения государствами его главной задачи: формирования замкнутого и внутренне принципиально однородного мира при помощи победы над социализмом.

Так незаметно для себя (переход осуществлялся тем легче, что занял на Западе несколько поколений) поборники свободы личности оказались на службе у глобального бизнеса, а точнее – у глобальных монополий, свободных от какого бы то ни было внешнего контроля (у них нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни отличающихся от них по своим интересам и мотивациям влиятельных акционеров) и, соответственно, от ответственности перед кем бы то ни было вовне.

В результате практическая реализация либеральных ценностей вывернула их наизнанку, и современные либералы, выродившиеся в сросшуюся с глобальным бизнесом и обслу-

живающую его тоталитарную секту, своей повседневной деятельностью полностью отрицают первоначальные ценности либерализма (в том числе и те, верности которым они продолжают клясться, что, разумеется, порождает определенную терминологическую путаницу).

Патологическая стремительность, с которой в силу обычного для социальной истории нашей страны запоздания прошли этот путь российские либералы, лишь подчеркивает его объективную обусловленность.

Вместо права частной собственности современные либералы выступают за собственность глобальных монополий, разрушающую мелкую и частную собственность и сталкивающую их владельцев в нищету, вместо свободной конкуренции — за свободу произвола тех же глобальных монополий, разрушающую конкуренцию, вместо свободы слова — за свободу слова исключительно представителей глобальных монополий при монополизации медиарынка и жестким управлением им.

Этот перечень можно продолжать бесконечно долго; по сути, нет ни одной либеральной ценности, которая не была бы извращена, вывернута наизнанку и превращена в свою противоположность современными либералами.

Свобода, предоставляемая монополиям (да еще глобальным, т. е. заведомо свободным в силу своего положения от всякого адекватного регулирования), означает закрепощение всех, оказывающихся в сфере их влияния. В случае глобальных монополий это означает рабство для всего остального, некорпоративного мира.

Однако это вызвано не их собственными недостатками или даже пороками, а неотвратимой логикой исторического развития, выразившейся в кардинальном изменении общественного значения коммерческой деятельности. Бывшая прогрессивной во время самосознания и эмансипации личности, при зарождении либерализма и реформ как его образа действия, к настоящему времени в силу изменения характера технологий она носит регрессивный характер, способствуя

деградации общества и не освобождению, раскрытию и развитию, а закреплению и примитивизации личности.

Следующий этап на этом пути вполне очевиден и уже осуществляется в настоящее время: это уход (а точнее, вытеснение) становящейся лишней для глобального бизнеса человеческой личности из реальности при помощи компьютерных аналогов наркотиков – разнообразных игр и иных инструментов искусственной реальности.

Технологии и рыночная среда их существования, ранее требовавшие всемерного и всестороннего развития личности и породившие для этого либерализм как идеологию и реформы как метод его реализации, изменились и теперь требуют деградации личности, реализуя это прежними, трансформированными под новую задачу инструментами.

Высвобождение индивидуума из слитно-роевого существования в человеческом коллективе, осуществленное либерализмом и бывшее безусловно прогрессивным (как с точки зрения личности, так и с точки зрения обогащавшегося этим, качественно развивавшегося и усложнявшегося коллектива) завершается на наших глазах сведением тем же либерализмом к своей противоположности: десоциализацией, атомизацией личности с ее деградацией и расчеловечиванием, а также с исчезновением распадающегося коллектива.

Непосредственным методом реализации этого процесса, как и предыдущих процессов общественного развития, остаются реформы как основной образ деятельности либералов.

Специфика экономических реформ

Как ни удивительно, но привычные нам экономические реформы – еще более молодой вид человеческой деятельности, чем реформы как таковые. Причина этого проста: реформа есть вид деятельности относительно централизованного управленческого механизма (не обязательно государства, примером чему служит Реформация, но в основном его) и может осуществляться только в сфере его деятельно-

сти. (Интересно, что по мере реализации реформы она сама частью существенно корректирует, частью создает заново необходимый для своего осуществления управленческий механизм, остающийся и функционирующий после ее формального завершения. Таким образом, реформа всего есть, пусть невольно и побочно, процесс еще и управленческого творчества.)

Поскольку на заре эмансипации и самосознания личности государства вели систематическую деятельность почти исключительно в политической и военной сферах, реформы осуществлялись именно в них: иного пространства для них, как правило, в тогдашних обществах просто не было.

Сама принципиальная возможность экономических реформ в их современном понимании появилась лишь тогда, когда государство от эпизодических изменений таможенных пошлин и налогов перешло к комплексному постоянному экономическому регулированию. Реформировать экономику стало возможным лишь после того, как она вошла в сферу систематического государственного воздействия, т. е. после того, как государство начало проводить сознательную макроэкономическую политику.

Это случилось поразительно поздно – уже после формирования государственно-монополистического капитализма. Понадобились чудовищные общественные катаклизмы, вызванные свободной реализацией произвола коммерческих монополий, превративших государства в свои придатки, чтобы оказавшиеся на грани катастроф общества смогли перевернуть ситуацию и поставить монополии под контроль государства, создав государственное регулирование в его традиционном, привычном для нас виде.

В США это произошло лишь после начала Великой депрессии, с приходом к власти Рузвельта, а мировым пионером комплексного государственного регулирования экономики на национальном уровне была, насколько можно судить, Советская Россия (еще не Советский Союз) с планом ГОЭЛРО.

В широком масштабе экономические реформы как сознательная управленческая деятельность развернулись уже после войны, причем в силу специфики тогдашнего мира они в значительной степени осуществлялись извне.

Западная Европа и Япония развивались в соответствии с «планом Маршалла», и экономические реформы в основном диктовались США (даже Великобритании — в силу ее полного хозяйственного истощения), пусть даже и с существенным учетом местной специфики.

Социалистический мир развивался на основе примера Советского Союза и под его определяющим (а порой и управленческим) влиянием. Поразительно, что, если в то время в относительно развитых странах Запада реализовывались в основном кейнсианские концепции, что обеспечивало экономическое развитие и достаточно быстрое восстановление уровня жизни, экономическая практика социалистического лагеря носила жестко монетаристский, либеральный характер, что оборачивалось низким уровнем жизни и нарастанием социально-политической напряженности. Отказ от этой политики осуществлялся лишь в результате массовых волнений или даже вооруженных восстаний (вроде восстания в ГДР в июне 1953 г., в Венгрии в 1956 г., «пражской весны» в Чехословакии в 1968 г. и сопровождавшихся уличными боями с десятками убитых «волнений» в Польше в 1956 г., при том, что, например, при подавлении восстания в ГДР были убиты и казнены немногим более 40 человек).

Разрушительный характер внешнего управления умерялся (причем весьма существенно) биполярным противостоянием. Строго говоря, управление было внешним лишь с национальной точки зрения, а с точки зрения противостоящих друг другу блоков оно было привычным, внутренним, — просто его центр был поднят на уровень ключевых членов обоих блоков, США и Советского Союза.

Характерно, что экономические реформы и в этих условиях, как правило, сохраняли свою связь с либерализмом: словом «реформы» обычно назывались именно либеральные

по духу хозяйственные преобразования, в то время как для обозначения иных общества находили совершенно иные термины (обычно связанные с содержанием этих преобразований — «коллективизация», «индустриализация», «реконструкция», «химизация» и т. д.).

Сразу после войны были созданы и институты глобального регулирования, однако «холодная война» не позволила Советскому Союзу участвовать в их деятельности, и они остались частичными, регулирующими деятельность лишь несоциалистического мира.

Эти институты изначально были ориентированы на реализацию интересов транснациональных корпораций, стремившихся вскрыть рынки социалистического мира и расширить таким образом осваиваемый и контролируемый ими рынок на весь земной шар. Сферы их деятельности и решаемые ими задачи первоначально были весьма строго (и рационально) разграничены.

МВФ обеспечивал макроэкономическую стабильность обращающихся к нему национальных экономик, предоставляя им льготные кредиты для реализации соответствующей интересам транснациональных корпораций социально-экономической политики. После обеспечения макроэкономической стабильности в страну приходил Мировой банк, финансировавший создание необходимой инфраструктуры, включая не только энергетическую, транспортную и коммунальную, но весьма часто и социальную. Затем наступала очередь Международной финансовой корпорации, оказывающей поддержку нуждающейся в ней части транснационального бизнеса.

Бреттон-Вудские институты работали в рамках единой логики всемерной либерализации торговли, воплощаемой на практике в рамках расширяемого и углубляемого Генерального соглашения по тарифам и торговле. (Попытка создания полноценной Международной торговой организации сразу после Второй мировой войны провалилась из-за начала «холодной войны», и реализовать ее замысел в виде

Всемирной торговой организации удалось лишь после ее завершения и уничтожения Советского Союза, уже в 1993 г.)

Навязываемые этими институтами преобразования были либеральными по духу и, как правило, назывались реформами.

Разумеется, значение и роль, да и образ деятельности этих институтов (как и характер продвигаемых ими реформ) менялся во времени.

Так, укрепление и развитие транснационального бизнеса привело к снижению роли Международной финансовой корпорации и ее постепенному отходу на второй план: крупные корпорации могли решать свои вопросы и без поддержки международной бюрократии, а средние и малые не имели политического значения.

Бреттон-Вудская система была основана на золотом стандарте: доллар был мировой резервной валютой, свободно обменивающейся на золото. Банкротство США в 1971 г. было вызвано не только демаршем Франции, экономическим кризисом и сдерживающим влиянием золотого стандарта на развитие кредита, этого мотора рыночной экономики, но и фундаментальным изменением в структуре собственно американской власти. Национальная бюрократия именно при Никсоне дала свой последний бой транснациональным корпорациям, стремившимся подчинить ее своей системе мотиваций и ценностей. Понятно, что им не нужно было сильное американское государство, и тем более непосредственное глобальное управление со стороны этого государства, осуществлявшееся в рамках золотого стандарта и во многом благодаря ему. В результате в ходе нефтяного кризиса 1973–1974 гг. «золотой доллар» был заменен «нефтяным».

Именно тогда был создан механизм современного американского доминирования: арабские экспортеры нефти в обмен на почти гарантированное получение высоких доходов стали хранить их в американских банках и номинировать цены на нефть в долларах. В результате влияние американ-

ских корпораций, на первом этапе финансовых, а затем и технологических, качественно выросло.

Бреттон-Вудские институты трансформировались в соответствии с требованиями новой системы уже на Ямайской конференции стран – членов МВФ в январе 1976 г., но кризис продолжался: в конце 70-х годов Запад, исчерпав модель традиционного рыночного развития, сполз в стагфляцию.

Выходом стала либеральная «революция элит», начатая Тэтчер и возглавленная Рейганом; логично, что осуществляемые ими изменения социально-экономической политики также обозначались традиционным для либеральных преобразований термином «реформа».

Тэтчеризм и рейганомика обычно связываются с беспощадным урезанием социальных расходов, помощи национальной экономике и в целом государственного регулирования при «военном кейнсианстве» – попытке стимулировать экономический рост, и в особенности технологический прогресс, существенным наращиванием военных расходов. Однако главное изменение экономической политики, осуществленное при Рейгане, обычно парадоксальным образом остается вне поля зрения наблюдателей: в 1981 г. произошло кардинальное смягчение финансовой политики США.

Если до 1981 г. необходимое обеспечение кредита должно было обеспечивать его возврат, то с этого момента оно должно было обеспечивать лишь его обслуживание, т. е. погашение процентов; сам кредит при аккуратном обслуживании мог быть рефинансирован, т. е. по сути продлен, фактически без ограничения.

Это смягчение финансовой политики было при своей неинфляционности настолько значимым, что именно благодаря ему США вышли из стагфляции и, резко повысив экономическую активность, через несколько лет смогли одержать убедительную победу в «холодной войне». В политическом плане оно качественно повысило влияние финансового сектора США и, кардинально нарастив его ресурсы, создало

предпосылки для превращения его в основу, а во многом и в инфраструктуру современного глобального бизнеса.

Всевластие глобального бизнеса автоматически поставило международные финансовые организации на службу ему, хотя до ухода Советского Союза с мировой арены в результате горбачевской катастрофы наличие конкурента, пусть даже и быстро слабеющего, весьма существенно смягчало требования этих организаций по отношению к политически значимым странам. Ведь последние сохраняли теоретическую возможность сменить прозападную геополитическую ориентацию и обратиться за помощью к СССР.

В результате исчезновения геополитического конкурента реформы, навязываемые международными финансовыми организациями (и в первую очередь МВФ, заработавшего репутацию «врача, который выписывает рецепт, не интересуясь диагнозом»), приобрели всецело разрушительный для сравнительно слабо развитых обществ характер. Такие общества полностью подчинялись интересам глобального бизнеса, а то, что мешало последнему извлекать из них прибыль или просто не участвовало в этом процессе, беспощадно уничтожалось.

В президентство Клинтона произошло качественное изменение взаимоотношений национальных государств с глобальным бизнесом, который окончательно эмансипировался от них. С этого времени жертвами либеральных реформ стали и развитые общества, хотя в полной мере это проявилось лишь начиная с обострения глобального кризиса осенью 2008 – весной 2009 г.

Именно с освоением глобальным бизнесом постсоциалистического пространства (идеологически оформленного как возвращение заблудших народов из мира насилия и тоталитаризма в лоно всего просвещенного человечества) и связано окончательное формирование «мифа реформ». Этот миф, который по аналогии с известным произведением нацистского идеолога Розенберга можно назвать «мифом старта XXI в.», представляет разрушительные (в силу их ориентации на интересы глобального бизнеса, а не стран и

народов) либеральные реформы как самостоятельную ценность. Принципиально важно, что ценность эта по определению изначально предполагается непостижимой для обычного члена реформируемых обществ, ибо реформы по своей природе обязательно должны быть непопулярными. Между тем, по логике реформаторов, члены этих обществ обязаны в массовом порядке и без какого бы то ни было промедления (не говоря уже о сопротивлении) приносить на алтарь осуществляемых в их отношении реформ свое благосостояние и жизненные перспективы, а часто и саму жизнь.

Это вполне очевидное стороннему наблюдателю противоречие объективно требует существенного ограничения, если вообще не полного искоренения демократии, которое, однако, благодаря достижениям информационных технологий осуществляется в основном в мягкой форме, при помощи массового «промывания мозгов», «редакционной политики» и контроля общественно допустимого контента в медиасфере (хотя при разного рода осечках реформаторам и приходится прибегать к прямому насилию).

Национальные элиты при осуществлении подобных реформ ставятся на службу глобальному бизнесу и превращаются, по сути дела, в его менеджерский корпус, реализующий его интересы на территории соответствующих стран. Разумеется, отдельные части национальных элит порой не желают выполнять эту функцию и пытаются противодействовать глобальному бизнесу, по старинке продолжая выступать в интересах своих обществ. Однако они, как правило (несмотря на наличие разнообразных исключений — от Китая до Северной Кореи), терпят поражение в силу неизмеримо меньших, чем у глобального бизнеса, ресурсов (включая не только материальные и финансовые, но и наиболее важные в современном мире организационные и интеллектуальные).

Представляется существенным (и с традиционной точки зрения, по которой государство должно выражать внутренние интересы общества, а не внешние интересы глобального бизнеса, весьма печальным), что описанная трансформация

обусловлена далеко не только простым расширением и усилением глобального бизнеса.

Да, конечно, он обрел возможность навязывать свои корыстные интересы целым обществу и неощутимо для них всасывать в себя их элиты. Однако это представляется всего лишь закономерным, естественным и потому не преодолимым в настоящее время следствием более значительных, фундаментальных технологических изменений, приведших к незаметной не только для непосредственных участников общественного развития, но и для сторонних наблюдателей трансформации ряда базовых понятий, в том числе и самого «общественного блага», которому продолжают служить даже самые бесчеловечные либеральные реформы.

Трансформация «общественного блага»

Строго говоря, под «общественным благом», которое по самой своей природе призвана осуществлять всякая реформа в ее классическом виде, понимается сочетание увеличения комфорта личности (включая как материальный, так и духовный, и политический, т. е. углубление и расширение ее суверенитета в ее собственных целях) с увеличением доли этих личностей в населении.

Проживая долгое время в эпоху всеобщего образования и избирательного права, мы склонны забывать о значимости второй компоненты понятия «общественное благо», заключающейся в росте сознательности низших слоев общества и, соответственно, в расширении их прав.

Между тем привычное и кажущееся естественным для нас положение, когда все члены общества обладают равными правами и находятся на схожих уровнях культурного развития, позволяющих в целом использовать эти права, отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся. Это колоссальное завоевание, выдающееся достижение социального прогресса, плод неустанных усилий поколений реформаторов и просветителей, результат технологического прогресса (сделавшим

в индустриальную эпоху каждого человека потенциальным источником прибыли и потому ценностью).

Признаком того, что такое положение отнюдь не является для человека и общества неким естественным, само собой разумеющимся состоянием, представляется углубление не только материальной, но и социально-культурной дифференциации наиболее передовых в социальном отношении обществ. Даже без учета качественного роста значения мигрантов, не способных и не желающих интегрироваться в эти общества, усиливающееся расслоение последних порождает значительный и, что важно, неуклонно увеличивающийся пласт людей, не имеющих возможностей ни воспользоваться формально декларируемыми для всех правами, ни улучшить свое положение.

Сверхпроизводительность информационных технологий резко снижает численность работников, нужных для создания потребляемого человечеством объема материальных и духовных благ. Соответственно, возникают огромные массы лишних людей, не нужных для непосредственного производства благ и нужных лишь как их потребители.

Эта роль не предусматривает их развития как полноценных личностей: они сохраняют свое значение для общества лишь как потребители, а все остальные их качества, не связанные непосредственно с потреблением и поддержанием, таким образом, экономического равновесия, должны атрофироваться как заведомо излишние, и более того, потенциально опасные для выполнения главной функции.

Принципиально важно, что, поскольку интересы развития производства и стабильности человечества как такового могут потребовать значительного сокращения (а то и полной ликвидации) членов общества, являющихся лишь потребителями, но не нужных для производства, их личности должны быть заранее трансформированы в свете этой перспективы. Идеальный член общества, нужный ему в данной ситуации, должен не быть в состоянии сколь-нибудь существенно сопротивляться своей социальной утилизации или даже физическому уничтожению, если таковые понадобятся.

Значительное продвижение к решению этой объективно стоящей перед современным рыночным обществом задачи мы наблюдали не только в разного рода этнических столкновениях в наиболее передовом в социальном отношении американском обществе, но и в ряде неразвитых обществ. В частности, представляется весьма знаменательной ситуация, когда двухмиллионный Мосул летом 2014 г. был взят штурмом менее чем двумя тысячами исламистских боевиков. Около полумиллиона человек, бежавших из города немедленно после этого, оказались не способны ни на какую форму самозащиты даже в столь привыкшем к опасности и насилию обществе, как иракское.

Таким образом, технологический прогресс изменил стоящие перед современным обществом задачи (и, соответственно, содержание самого понятия «общественное благо» в его буквальном, прямом значении) на, по сути дела, противоположные привычным нам: вместо прогресса и всестороннего развития личности стабильность общества в новых условиях впервые за все новое время стала требовать ее фактической деградации.

И мы видим достаточно убедительные и все более широко распространенные признаки такой деградации даже взятой отдельно, без ее социальных инстинктов и навыков личности. Это и примитивизация образования, и сужение кругозора, и утрата навыков самостоятельного логического мышления, и эмоциональное обеднение обычной средней личности даже все еще благополучного, развитого общества.

По мере смены задач, объективно стоящих перед современным обществом, технологический прогресс все в большей степени перемещается в сферу управления им и с обеспечения его развития переориентируется на удержание его под контролем управляющей системы (насколько можно понять, деградирующей вместе с ним, но с некоторым отставанием, что и позволяет сохранять управляемость). Важным достижением на этом пути стало освоение предоставляемой современными информационными технологиями возмож-

ности контролировать желания, мотивации и социальную активность значительных масс людей, сохраняя у них при этом практически полную иллюзию ничем не ограниченной индивидуальной свободы.

Вектор осмысленного воздействия управляющей системы на общество принципиальным образом сменился с развития на подавление, в которое неминуемо вырождается всякий контроль ради поддержания стабильности при сокращающихся из-за стремительного обогащения социального верха ресурсов. Соответственно, кардинально изменились и реальные, а не пропагандируемые (по исторической инерции и в силу политической необходимости) направленность и содержание реформ и реформаторской деятельности как таковой.

В результате реформа из инструмента прогресса стала инструментом во многом насильственной деградации, и произошло это не только из-за реализации власти глобального бизнеса, но и в силу объективных причин — из-за смены технологического уклада.

* * *

Поразительно, но либеральные реформы, в силу исторической инерции все еще воспринимаемые современным обществом как символ социального прогресса, со сменой технологического базиса с индустриального на информационный, коренным образом изменившей объективные задачи, решаемые современными развитыми обществами, уже поколение назад, в начале 90-х, стали действенным инструментом комплексной деградации — как общества, так и отдельной личности.

Противостояние этой тенденции требует отказа от вырабатываемой ресурс и изживающей саму себя рыночной экономики (а с ней и ориентации личности на материальное благосостояние, оборачивающееся ее деградацией в бессмысленной погоне за постоянно обновляющимися эмоциями), однако универсальная альтернатива, за исключением политического ислама, в сколь-нибудь ясной и законченной форме

отсутствует, и это представляется наиболее убедительным доказательством деградации современного человечества.

В эпоху архаизации консерватизм, равно как и стремление вернуться в прошлое, революционен и носит прогрессивный характер, хотя, как обычно, обречен на поражение, так как люди в силу самой своей социальной природы, как правило, выбирают перемены и почти всегда поддерживают большую, а не меньшую определенность (даже если эти перемены и определенность и не выгодны им).

Некоторую надежду на перелом сложившейся крайне неблагоприятной тенденции создает лишь то, что успеха достигает лишь та социальная новация, которая притворяется возвратом к архаике, рядится в одежды традиции, призывает вернуться к светлому прошлому и очистить его от последующих искажений. Новация, прямо заявляющая о своей новизне, как правило, пугает и отторгается, поэтому революционные в условиях деградации призывы консерватизма могут стать орудием прорыва в неведомое и непонятное даже его собственным adeptам, но возобновляющее социальный прогресс будущее.

Впрочем, значимых признаков этого пока не наблюдается.

Ю.П. Бокарев¹

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА И РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ

В статье рассматриваются аксиомы и постулаты неоклассической школы, сыгравшей большую роль в разработке теории и практики рыночных реформ. Выясняется ее реальная связь с классической политической экономией. Автор приходит к выводу, что неоклассическая школа является одним из направлений в математике. К реальной экономике она отношения не имеет.

Ключевые слова: экономический человек, «незримая рука», оптимальное поведение, маржинализм, общее равновесие.

«Вы утверждаете, что все экономические теории не отражают действительности. Но ведь это типично для любой науки. Даже теория Ньютона была несовершенна...»

«На наше счастье, никто не пытался с помощью теории Ньютона реформировать мироздание!»

Из разговора автора с оппонентом

Введение

«...Современная экономическая наука больна. Она все более превращается в интеллектуальную игру ради самой игры, независимую от ее практической значимости», — писал британский методолог экономической науки Марк Блауг². «Неудивительно, что мы как профессиональное сообщество оказались хуже чем бесполезными, когда начали давать

-
1. Юрий Павлович Бокарев — д.и.н., проф., заведующий сектором экономической истории Института экономики РАН.
 2. *Blaug M. Ugly Currents in Modern Economics // Facts and Fiction in Economics. Models, Realism, and Social Construction / Ed. by U. Mäki. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. P. 36.*

советы правительствам Восточной Европы, как им переходить от командной экономике к рыночной», — заключает он³.

Причину болезни экономической науки понять нетрудно. Начиная с 1970-х годов в экономической теории выделился так называемый мейнстрим — ведущее направление, благодаря которому одни экономические исследования заняли привилегированное положение, а другие стали игнорироваться. Этим экономическая наука стала отличаться от других наук, в которых различные течения и школы более или менее равноправны.

Входящие в мейнстрим течения со временем изменялись. Однако эти изменения не были произвольными. Все определяло имевшееся внутри мейнстрима центральное течение — неоклассическая теория.

Главными в ней являются четыре постулата: 1) «экономический человек». В экономике каждый человек стремится к умножению богатства. Эта цель определяет индивидуализм и эгоистичность поведения человека; 2) теорема о «невидимой руке». Рынок своей «невидимой рукой» превращает все индивидуальные интересы во всеобщее благо; 3) оптимальность. Поведение субъектов экономики является рациональным. В соответствии со своими возможностями они добиваются максимального эффекта от своей деятельности. Этим достигается оптимальное устройство экономики; 4) общее равновесие. Экономическая система всегда находится в состоянии равновесия. Спрос балансируется предложением, экспорт — импортом и т.д. При этом равновесие достигается на всех рынках сразу.

Эти четыре постулата являются твердым ядром мейнстрима. По словам И. Лакатоша, твердое ядро воспринимается как неопровержимое по методологическому решению его приверженцев и содержит, помимо чисто метафизических верований, позитивную и негативную эвристику, факти-

3. *Blaug M. Ugly Currents in Modern Economics // Facts and Fiction in Economics. Models, Realism, and Social Construction / Ed. by U. Mäki. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. P. 39.*

чески представляющих собой список того, что следует и чего не следует делать. Наряду с этим мейнстрим содержит защитный пояс с гибкими элементами научно-исследовательской программы. В нем твердое ядро комбинируется со вспомогательными предпосылками для формирования конкретных проверяемых теорий, которые и зарабатывают мейнстриму его научную репутацию⁴.

В этом нет ничего необычного. Твердое ядро и защитный пояс характерны и для марксистской политической экономии. Но марксизм кое-что улавливал в экономической действительности, и некоторые его прогнозы изредка оправдывались. Мейнстрим этим похвастаться не может. Его необычайная живучесть заключается в ином.

Постулаты твердого ядра взаимосвязаны и легко формализуются. Это позволяет применять в теоретических исследованиях довольно мощный для экономистов математический аппарат⁵. Именно за счет использования математических методов неоклассическая теория получила широкое распространение во всем мире, в том числе и в бывшем СССР.

Известно, как мало внимания уделялось в СССР изданиям произведений зарубежных экономистов. Если они и попадали в печать, то обязательно с критической вступительной статьей и надписью: «Для научных библиотек». Но для неоклассических работ было сделано исключение. Под названиями «экономическая математика», «экономическая кибернетика», «равновесные экономические модели» они издавались массовыми тиражами⁶.

Следствием этого было появление в СССР своих представителей неоклассической школы⁷. Это подрывало монополию догматизированного марксизма в сфере экономики.

4. *Lakatos I.*, 1978, I. P. 49–52.

5. *Nicola Pier Carlo.* *Mainstream Mathematical Economics in the 20th Century.* Springer Science & Business Media. 2000.

6. См. напр.: *Ланкастер К.* Математическая экономика / Пер. с англ. М.: Советское радио, 1972; *Никайдо Х.* Выпуклые структуры и математическая экономика / Пер. с англ. М.: Мир, 1972; *Столерю Л.* Равновесие и экономический рост. М.: Финансы и статистика, 1974; и др.

7. *Браверман Э.М., Левин М.И.* Неравновесные модели экономических систем. М.: Наука, 1981.

Беда только в том, что иные экономические школы и течения в СССР не допускались. Поэтому неоклассическая теория с ее бескрайним либерализмом не имела оппонентов, если не считать таковыми сотрудников идеологических служб, изредка исполнявших свои профессиональные обязанности.

В середине 1980 – начале 1990-х годов беспомощность мейнстрима в области прогнозов и рекомендаций еще не стала очевидной. Напротив, тогда многим импонировали его воинственная апологетика западного экономического устройства, решительная критика неравновесной, командной экономики. Поверхностность и несоответствие действительности доводов мейнстрима обнажились уже после разрушения социалистического лагеря, когда пришло время давать рекомендации и прогнозы странам западного мира. Но к этому времени мейнстрим уже настолько укрепил свои позиции, что стал практически неуязвимым для критики.

Благодаря высокому уровню формализации и математизации неоклассическая теория быстро стала обязательной частью экономического образования. Ее стали излагать во многих экономических учебниках и во всех пособиях по математической экономике. Поэтому молодые специалисты приступали к научной деятельности, вооруженные преимущественно этой теорией. Другие экономические теории они знали весьма поверхностно. В результате в своей массе молодые специалисты пополняли ряды сторонников мейнстрима.

Даже если со временем специалисты разочаровывались в мейнстриме из-за его неспособности описывать и прогнозировать реальную экономику, давать полезные рекомендации политическим и деловым кругам, они были вынуждены оставаться в рамках этого течения. Ведь мейнстрим открывал перед ними возможность публиковаться в ведущих экономических журналах, получать крупные гранты от престижных научных фондов, работать в прославленных институтах и университетах. Оказавшись вне мейнстрима, ученый обрекал себя на безвестность и тяжелое материальное положение. Его работы

не упоминались в научной печати, он не получал приглашений на экономические конгрессы, у него не было шансов попасть в число претендентов на получение престижных премий.

Нельзя сказать, что мейнстрим не изменяется. Внутри него происходят довольно бурные дискуссии, в ходе которых одни гипотезы отвергаются, другие утверждаются. Например, в 1970-е годы произошел полный отказ от кривой Филлипса, претендовавшей на раскрытие устойчивой связи между инфляцией и безработицей; в 1980-е была отвергнута нелепая гипотеза о постоянной скорости обращения денег и от представления, что инфляцию можно контролировать, управляя денежным предложением, и даже свести к нулю за год или два; в 1990-е годы была отвергнута гипотеза о том, что реальный выпуск или занятость можно регулировать с помощью монетарной или фискальной политики, и т.д.⁸. Но заменившие их концепции оказались такими же далекими от действительности.

Мейнстрим, и в частности неоклассическая теория, ответственны за переживаемый экономической наукой кризис. Главной его внутренней причиной является противоречие между притязаниями неоклассиков на верное объяснение экономики и формальным характером их абстрактных построений. Разрыв между теорией и практикой в неоклассических исследованиях гораздо больше, чем, например, между теоретической и прикладной физикой.

Когда разрыв с практикой стал очевиден и для сторонников мейнстрима, они нашли для себя относительно безопасную нишу. Все чаще представители мейнстрима стали рассматривать свое направление как «математическую экономику», т. е. ветвь математики, которая имеет дело с экономическими проблемами, но подходит к ним как к объектам математического исследования. В принципе в этом нет ничего плохого. Беда в том, что целью такого исследования является не лучшее

8. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Второе издание / Пер. с англ. / Под ред. чл.-корр. РАН В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. С. 22.

понимание действительности, а совершенствование математической методике исследования как самоцель ради самой методике.

Таким образом, мы стали свидетелями уникального в науке явления, когда бесполезная для практики теория не только не сходит со сцены, но укрепляет свои доминирующие позиции. В причинах этого следует разобраться. Первоначально подвергнем анализу исходные постулаты мейнстрима и посмотрим, насколько они вытекают из классической политической экономии.

Концепция «экономического человека»

Концепцию «экономического человека» с его индивидуализмом, эгоистическим поведением, стремлением к личной выгоде неоклассики приписывают Адаму Смиту. Но в его исследованиях нет жесткой однозначности экономического поведения. Верно, что люди действуют, исходя из собственного интереса, но у Смита этот интерес не ограничивается стремлением к богатству — удовлетворение своих потребностей, обмен своих продуктов на продукты других, забота о семье, деловая честь, амбиции, жажда власти, интересы общества, религиозные предрассудки и общественная карьера определяют экономическое поведение гораздо чаще, чем умножение богатства⁹.

Давид Рикардо вообще не находил у человека стремления к умножению богатства. Он писал: «Свойственное каждому человеку желание сохранять свое общественное положение и удерживать свое богатство на раз достигнутой высоте ведет к тому, что большинство налогов, будут ли то налоги на капитал или же на доход, уплачивается из дохода. Поэтому с ростом обложения или с умножением правительственных расходов то количество предметов комфорта, которым пользуется

9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 25, 33, 283 и др.

народ, должно уменьшаться, если только он не сможет соответственно увеличить свой капитал и свой доход. Задача политики правительства и должна состоять в том, чтобы поощрять это стремление к накоплению»¹⁰. Получается, что стремление человека умножать доход нуждается в государственной стимуляции.

Жан-Батист Сэй считал концепцию «экономического человека» слишком поверхностной абстракцией. Ведь экономическая деятельность — дело не одного человека: «Один изучает движение и законы природы. Это ученый. Другой, пользуясь его знаниями, создает полезные продукты. Это земледелец, мануфактурист или торговец, или, чтобы всех таких лиц назвать одним именем, это предприниматель, т.е. лицо, которое берется за свой счет и на свой риск и в свою пользу произвести какой-нибудь продукт. Третий, наконец, работает по указанию двух первых. Это рабочий»¹¹.

Иной позиции придерживался Джон Стюарт Милль. Он писал, что политическая экономия «полностью абстрагируется от любых проявлений человеческой страсти или мотивов, кроме тех, которые можно считать вечными антагонистами стремления к богатству, а именно — отвращения к труду и желания поскорее насладиться дорогостоящими излишествами»¹². Политическая экономия существует «при предпосылке, что человек в силу своей природы предпочитает больший объем богатства меньшему во всех случаях, а исключения объясняются лишь двумя указанными мотивами, противостоящими стремлению к богатству. Данная предпосылка принимается не потому, что кто-то из политэкономов столь глуп, что верит, будто человечество устроено именно таким образом, а потому, что без нее существование науки невозможно»¹³.

10. Рикардо Д. Сочинения. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 131.

11. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. М.: Дело, 2000. С. 63.

12. Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 5. Toronto, 1967. P. 321.

13. Ibid. P. 321–322.

В отличие от Рикардо Милль считал стремление к богатству основой экономического поведения человека. Но в то же время «ни об одном человеческом действии нельзя сказать, что, совершая его, человек не испытывает прямого или косвенного воздействия иных импульсов, помимо стремления к богатству. В отношении тех моментов человеческого поведения, когда богатство даже в принципе не является целью, политическая экономия не претендует на справедливость своих выводов. Однако существуют определенные области человеческой деятельности, где получение богатства является главной и осознанной целью. Только они и интересуют политическую экономию. Она трактует главную цель так, как если бы та была единственной – среди простых гипотез эта гипотеза наиболее правдоподобна. Политэконом хочет выяснить, к каким действиям привело бы это желание, если бы в рамках рассматриваемой ситуации никакие другие желания не мешали ему. Действуя так, политэконом получает картину, относительно более близкую к реальному образу действий в изучаемой ситуации. Полученную картину надлежит затем скорректировать с учетом воздействия любых импульсов иной природы, которые могут повлиять на результат в каждом возможном случае. Лишь в нескольких особых случаях (например, когда дело касается принципов роста населения) эти поправки вносятся в рамки самой политической экономии; и тогда соображения практической пользы приводят к некоторому отступлению от строго научной схемы...»¹⁴.

Но даже если и допустить, что часть предпринимателей преследует цель обогащения, то таковые представляют собой ничтожную часть населения, находящуюся в противоречии с христианской моралью. Допустить, что ими определяется экономическая деятельность общества, невозможно. Это прекрасно понимал Альфред Маршалл. Он писал: «Каждый сколько-нибудь достойный человек отдает хозяйственной деятельности лучшие свои качества, и здесь, как и в других

14. Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 5. Toronto, 1967. P. 322–323.

областях, он подвержен влиянию личных привязанностей, представлений о долге и преданности высоким идеалам. Правда, самые способные изобретатели и организаторы усовершенствованных методов производства и машин посвящают этому делу все свои силы, движимые скорее благородным духом соревнования, нежели жаждой богатства как такового. Но при всем этом самым устойчивым стимулом к ведению хозяйственной деятельности служит желание получить за нее плату, которая представляет собой материальное вознаграждение за работу»¹⁵.

В работах Маршалла много и других утверждений, которые прямо противоречат теории «экономического человека». Он, например, считал, что конкуренция – неизбежное следствие индивидуализма – «лишь второстепенное и, можно даже сказать, случайное следствие коренных особенностей современной индустриальной жизни»¹⁶. Эти же особенности толкают людей «в направлении установления сотрудничества и создания всякого рода объединений... к коллективной собственности и коллективной деятельности...»¹⁷. Маршалл противопоставлял конкуренции активное сотрудничество, «бескорыстную деятельность на всеобщее благо. «Даже лучшие формы конкуренции являются относительно дурными, а ее самые жестокие и низкие формы попросту омерзительны»¹⁸, – заключил он.

Милль считал, что «при господстве частной собственности разделение продукта есть результат двух определяющих сил: соперничества и обычая»¹⁹. Экономисты, игнорируя обычай, преувеличивают значение конкуренции²⁰.

15. Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1983. С. 69.

16. Там же. С. 60.

17. Там же.

18. Там же. С. 64.

19. Милль Дж. Ст. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии. Киев; Харьков, [1896]. С. 213.

20. Там же.

Нассау Уильям Сениор придерживался той точки зрения, что «экономический человек» — это сочетание постулата о рациональности поведения с гипотезой о стремлении к максимизации результатов при наличии ограничений²¹. Но в разных обществах понятие рациональности может быть разным. Не так уж не прав Рикардо, говоря, что каждому человеку свойственно «желание сохранять свое общественное положение и удерживать свое богатство на раз достигнутой высоте». В XVII—XIX вв. желание умножать богатство, гнаться за большим, рискуя потерять все, было свойственно только людям западной цивилизации. Из этого происходит весь западный прогресс. А вот как был запущен этот порочный механизм погони за богатством нуждается в специальном исследовании.

Таким образом, рассматривая работы классиков, мы не находим в них той жесткой и однозначной концепции «экономического человека», которую им упорно приписывают неоклассики. В своей экономической деятельности человек может руководствоваться разными мотивами, и стремление к благосостоянию и богатству лишь один из них. «Экономический человек» отнюдь не эгоист. Для него свойственно стремление к объединениям. Он может действовать в интересах групп и общества в целом.

Почему же неоклассики так существенно примитивизировали мотивы экономической деятельности человека? Отчасти этого потребовал используемый ими математический инструментарий. Без существенного упрощения экономической действительности формализация экономического поведения человека была бы невозможна. Но главную роль сыграло стремление неоклассиков изучать экономические законы в чистом виде. Никакое экономическое изменение нельзя объяснить без изучения влияния на него огромного числа перекрещивающихся факторов. Но неоклассики думают иначе. Они полагают, что экономический закон подобен физическому и изучить его можно только освободившись от влияния на

21. Блауг М. Методология экономической науки... С. 138.

объект исследования второстепенных факторов. Неоклассики представляют себе изучение экономических законов подобным изучению закона ускорения свободного падения, который Галилео Галилей вывел, абстрагировавшись от сопротивления воздуха. А ведь это так очевидно, что в отличие от физического мира, представляющего собой практически неизменяющую среду, экономическая действительность находится в постоянном изменении и потому искать всеобщие законы, в экономике, к тому же с использованием физической методологии познания таких законов бессмысленно.

Экономисты старой классической школы ориентировались на физику из-за отсутствия иной научной методологии. Тем не менее они сознавали, что имеют дело с отличной от физической реальностью. С этим связаны их усилия учесть влияние второстепенных факторов на экономическое поведение человека. В частности Смит изучал влияние различных законов и ограничения мобильности рабочей силы на поведение наемных рабочих на географически смежных рынках труда, а также влияние мобильности на различия в оплате идентичного труда²². А Милль утверждал: «До тех пор, пока мы знаем или можем предположить, что поведение человечества в его погоне за богатством испытывает побочное влияние других свойств нашей природы, кроме стремления получить наибольший объем богатства с минимальными затратами труда и минимальным самоограничением, выводы политической экономии нельзя применять для объяснения и прогнозирования реальных событий, если они не скорректированы с учетом степени, в которой на них влияют эти посторонние силы»²³. Все это совершенно чуждо неоклассикам.

Каковы же последствия для мейнстрима принятия им весьма упрощенной концепции «экономического человека»? Как отмечает В.С. Автономов, «благодаря использованию модели человека, максимизирующего целевую функцию, и

22. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 63–79, 222–228.

23. Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 5. Toronto, 1967. P. 323.

связанного с ней математического аппарата, степень абстрагирования от реальности в ней (экономической теории. — Ю.Б.) намного выше, и теоретические модели могут развиваться до некоторой степени независимо от объясняемых и моделируемых явлений»²⁴.

Таким образом, в целом теория «экономического человека» является самостоятельным изобретением неоклассической школы. Она лишь поверхностно связана с представлениями классиков о мотивах человеческой деятельности. Игнорируется коллективный характер экономической деятельности. Все замыкается на свободном предпринимателе, как будто он не одно из звеньев экономики, а и альфа, и омега экономической системы.

Теорема о «невидимой руке»

Адам Смит писал: «...каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и, осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более

24. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. С. 17.

действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»²⁵.

Из этих слов совсем не следует, что из частных выгод **во всех случаях** получается выгода для всего общества, как их интерпретируют либералы. О несовпадении частных интересов с общественным благом писал и сам Смит: «Между тем интересы представителей той или иной отрасли торговли или промышленности всегда в некоторых отношениях расходятся с интересами общества и даже противоположны им. Расширение рынка и ограничение конкуренции всегда отвечает интересу торговцев. Расширение рынка часто может соответствовать также интересам общества, но ограничение конкуренции всегда должно идти вразрез с ними и может только давать торговцам возможность путем повышения их прибыли сверх естественного ее уровня взимать в свою личную пользу чрезмерную подать с остальных своих сограждан»²⁶. Или: «Наши купцы и владельцы мануфактур сильно жалуются на вредные результаты высокой заработной платы, повышающей цены и потому уменьшающей сбыт их товаров внутри страны и за границей. Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных результатов своих собственных барышей, жалуясь лишь на то, что выгодно для других людей»²⁷.

Однако если исключить из рассуждений Адама Смита о невидимой руке одно лишь слово «часто», заменить его словом «всегда», то мы получим именно то, что проповедуется неоклассической школой. И можно не обращать внимания на явное противоречие между частными интересами торговцев и благами всего общества, о чем Адам Смит говорит несколько позднее.

25. Смит А. Указ. соч. С. 332.

26. Там же. С. 195.

27. Там же. С. 87.

Таким образом, в основе одного из важнейших постулатов неоклассической школы лежит, мягко говоря, неверное понимание Адама Смита. А ведь из этого вытекает очень многое. На этом базируется требование невмешательства государства в экономическую деятельность, следование которому причинило уже немало бед. Из этого же вытекает извращенное понимание блага общества, не оставляющее миллионам людей надежд на обеспеченную жизнь или хотя бы на выживание, и др.

Оптимальность

Адам Смит ограничился изучением факторов, вызывающих напряжение физических сил работников. Он писал: «Обильная пища увеличивает физические силы работника, а приятная надежда улучшить свое положение и кончить свои дни в довольстве и изобилии побуждает его к максимальному напряжению своих сил... Конечно, имеются такие рабочие, которые, если они могут заработать в четыре дня пропитание на всю неделю, остальные три дня проводят сложа руки, однако они отнюдь не составляют большинства»²⁸.

По словам Жан-Батиста Сэя, «человек хозяйственный соразмеряет свои средства с настоящими и будущими потребностями, со всем, чего требуют от него его семья, друзья, человечество»²⁹.

Период, начавшийся с конца XIX в., можно рассматривать как определенную, целостную стадию развития мейнстрима. Начало ей было положено маржиналистской революцией, произошедшей в 1870-х годах. Именно эта революция породила то понимание предмета и метода экономической науки, а также природы экономического мира и экономического человека, которое является господствующим вот уже более 140 лет.

28. Смит А. Ук. соч. С. 203.

29. Сэй Ж.-Б. Ук. соч.

Маржиналистская революция состояла в использовании в экономическом анализе предельных величин, что позволило исследовать точки максимума или минимума в различных функциях и тем самым описать процесс как результат оптимизации. Экономическая теория превратилась в науку о рациональном поведении человека в сфере хозяйства. Такой подход был предложен У.С. Джевонсом, К. Менгером и Л. Вальрасом и продолжен А. Маршаллом, В. Парето и другими экономистами, соединившими основные идеи маржинализма с идеями классической политической экономии. Такой поворот в понимании предмета экономической науки нашел отражение в определении английского экономиста Лайонела Роббинса: «Экономическая наука изучает распределение редких ресурсов, имеющих разные способы использования»³⁰.

Все это явным образом расходится с исторической практикой, где есть немало примеров нерасчетливого и неоптимального поведения экономических агентов.

Общее равновесие

У Адама Смита понятие «равновесие» используется весьма широко, включая не только товарные рынки и рынок труда, но и принятие решений. Использование равновесия для объяснения действительности в его руках было виртуозным: «Обширность рынка, допуская вложение большего капитала, уменьшает видимую прибыль; но, требуя подвоза продуктов с более отдаленного расстояния, она увеличивает себестоимость. Это уменьшение первой и увеличение второй в большинстве случаев, как кажется, почти уравнивают друг друга, и это, вероятно, объясняет тот факт, что цены на хлеб и мясо в большей части королевства обыкновенно стоят почти на одном уровне, хотя цены на хлеб в зерне и на скот обычно весьма различны в различных частях страны»³¹.

30. Роббинс Л. История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 426.

31. Смит А. Ук. соч. С. 98.

Так же широко использовал понятие равновесия и Давид Рикардо. Только если Смит чаще использовал равновесие как факт, объясняющий разную динамику экономических показателей, то Рикардо больше интересовали факторы, нарушающие равновесие или восстанавливающие его³².

В 1874 г. представитель лозаннской школы Леон Вальрас предложил модель экономической системы в виде уравнений спроса и предложения. Он представил себе систему, в которой цена двух каких-либо товаров (одного в другом) будет равной отношению цен и того, и другого в каком-либо третьем товаре. Он назвал такое положение дел совершенным, или общим равновесием³³.

Существование общего равновесия не было им строго доказано. Но Вальрас верил, что конкуренция заставляет цены принимать равновесные значения. Это и создает ситуацию общего равновесия одновременно на всех рынках. И это несмотря на то, что на практике в индустриальных экономиках часто возникает и долго сохраняется неравновесие на различных рынках. А на рынке труда существует даже хроническое неравновесие.

Однако отсутствие общего равновесия одновременно на всех рынках ставит под сомнение и многие другие микроэкономические теории неоклассиков, такие как теория потребительского поведения, стремящегося к максимизации полезности, теория поведения фирмы, направленного на максимизацию прибыли, теория спроса на факторы производства, зависящего от их предельной производительности, и др. Иными словами, «любая попытка проверить теорию общего равновесия как целое затрагивает нечто большее, чем традиционный арсенал микроэкономических утверждений, относящихся к частичному равновесию»³⁴.

32. Рикардо. Сочинения. Т. 1. С. 122, 124, 135, 189, 194, 251, 347; Т. 2. С. 50, 84, 87, 114, 157, 170; Т. 3. С. 76, 120, 220.

33. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000. С. 98.

34. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.

В принципе теория общего равновесия Вальраса содержала все необходимое для формирования неоклассического направления. Однако значение его работ было оценено не сразу и воскрешение теории Вальраса произошло только в 1930-е годы. Большую роль при этом сыграло социалистическое общество с его экспериментами в области планирования народного хозяйства.

В 1920 г. Людвиг фон Мизес опубликовал статью, смысл которой сводился к невозможности экономических расчетов в условиях социализма³⁵. В 1922 г. он расширил свою критику социализма³⁶. В 1930-х годах эти работы Мизеса были переведены на английский язык. В 1936–1937 гг. с опровержением поверхностной и неубедительной критики социализма Мизеса выступил Оскар Ланге.

В статье «Об экономической теории социализма», вышедшей двумя частями в 1936 и 1937 г., Ланге утверждал, что планирующий орган социалистического общества в состоянии использовать процедуру, похожую на ту, что действует при капитализме, а именно метод координации цен, приводящий экономику в равновесное состояние, подобное вальрасовому всеобщему равновесию. Это был сокрушительный удар по концепциям Мизеса и Хайека, утверждавшим, что экономические расчеты при социализме невозможны. Но для нас важно, что именно из этих статей сторонника социализма апологеты капитализма впервые узнали о вальрасовой системе.

Благодаря воскрешению работ Леона Вальраса быстро стала оформляться неоклассическая школа. Свое название она получила от Джона Ричарда Хикса. С 1940-х годов термин «неоклассическая теория» стал общепринятым.

Но следует сказать, что направление изучения общего равновесия со времен Вальраса существенно изменилось. Сам Вальрас, открывший его Оскар Ланге, а также Хикс и

35. *Mises von, Ludwig Heinrich Edler.* Die Wirtschaftsrechnung im Sozialistischen Gemeinwesen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 47 (April 1920). S. 86–121.

36. *Mises.* Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus. Jena: Gustav Fischer, 1922.

Самуэльсон рассматривали общее равновесие как реальный механизм функционирования капиталистической экономики, который обеспечивает ее сбалансированность, устойчивость и поступательность развития, тогда как современная неоклассическая школа изучает ее в качестве чисто формальной конструкции. Даже наиболее горячие современные сторонники теории общего равновесия ни на мгновение не делают вида, что она описывает или предписывает что-либо в капиталистической экономике.

Доказательства существования общего равновесия, приведенные в 1950-е годы Эрроу и Дебре, опираются на две предпосылки: выпуклость производственного и потребительского множеств и то, что каждый экономический агент обладает некими ресурсами, имеющими ценность для других агентов. Глобальная устойчивость такого равновесия, в свою очередь, зависит от наличия некоторого динамического процесса, гарантирующего, что каждому экономическому агенту известна величина агрегированного спроса и что сделки совершаются исключительно по равновесным ценам. Некоторые из этих предпосылок могут быть несколько ослаблены, чтобы допустить существование возрастающей отдачи от масштаба в относительном меньшинстве отраслей, и даже некоторую долю монополистической конкуренции во всех отраслях³⁷. Но существование олигополии, не говоря уже о внешних эффектах производства и потребления, разрушает все эти построения общего равновесия, равно как и все остальные концепции конкурентного равновесия.

Система общего равновесия, как утверждает Фрэнк Хан, «не содержит формальных или открытых утверждений о причинно-следственной зависимости, например предположения, что последовательность реальных экономических состояний закончится состоянием равновесия. Однако она все же мотивирована одним очень слабым каузальным утвержде-

37. Фридман А.А. Лекции по курсу микроэкономики продвинутого уровня. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.

нием, которое заключается в том, что никакая правдоподобная последовательность экономических состояний не завершится, если она вообще завершится, состоянием, отличным от равновесия... Мы увидим, что это — не сильное утверждение, поскольку ему не сопутствует какого-либо описания конкретного процесса. Также ясно, что хотя оно и слабое, оно может быть неверным»³⁸.

Мы можем исследовать внутреннюю последовательность аналитического каркаса общего равновесия в качестве чисто логического упражнения, но каким образом мы покажем ложность того утверждения, что любая правдоподобная последовательность экономических состояний завершится состоянием равновесия? Слово «правдоподобная», несомненно, отсылает нас к условиям реального мира, но, похоже, аналитический каркас общего равновесия не имеет такого моста, по которому мы могли бы перейти из мира теории в мир фактов.

Тем не менее Хан уверяет нас, что каркас общего равновесия имеет «огромную практическую значимость», потому что его можно использовать для опровержения всевозможного рода непродуманных воззрений на экономическую политику в отношении исчерпаемых ресурсов, плавающих обменных курсов и помощи зарубежным странам³⁹.

Но, заявив о практической значимости теории общего равновесия Эрроу— Дебре, Хан признает, что «парадигма, конечно, обладает весьма амбициозной степенью обобщения, и для многих важных целей отлично сгодится гораздо более скромный маршаллианский аппарат»⁴⁰. И продолжает, но уже более критично: «Таким образом, мы находим разумным требовать от нашего понятия равновесия, чтобы оно отражало последовательность реальных экономических состояний... Это, в свою очередь, требует, чтобы информаци-

38. *Hahn F.H.*, 1984. P. 47–48.

39. *Hahn F.H.*, 1984. P. 44–45; 1985. P. 19–20.

40. *Hahn F.H.*, 1984. P. 69.

онные процессы и издержки, трансакции и трансакционные издержки, а также ожидания и неопределенность были явным образом включены в понятие равновесия. В схеме Эрроу—Дебре этого нет. Я не считаю, что вследствие этого она становится бесполезной. Но это, несомненно, довод в пользу того, чтобы данная теория не рассматривалась как описывающая основные черты конечных состояний экономических процессов»⁴¹.

Эмпирически теория общего равновесия пуста, поскольку никакая теоретическая система, построенная в столь общих терминах, не способна предсказать какое-либо экономическое событие, или, говоря попперовским языком, исключить какое-либо возможное экономическое событие. Кроме того, разработанный Гербертом Скарфом расчетный алгоритм для поиска решения систем общего равновесия⁴² вдохновил нескольких экономистов на использование больших моделей общего равновесия, чтобы получить количественные оценки последствий изменений в экономической политике, таких как изменения в налогообложении. Но немногие из этих моделей проверялись на предмет того, дают ли они более точные ответы, чем гораздо более простые модели частичного равновесия. Превосходство таких прикладных моделей общего равновесия является, в сущности, практическим вопросом, поскольку их построение связано с серьезными затратами. Конечно, принять в расчет все взаимосвязи лучше, чем просто игнорировать их, но эта работа гораздо труднее, а отдача от нее может не оправдать затраченных усилий.

Как сказал Франклин Фишер: «Именно сила и элегантность анализа [общего] равновесия часто заслоняют то, что он покоится на очень шатком основании. У нас нет столь же элегантной теории, объясняющей, что происходит вне равновесия, или как ведут себя агенты, когда их планы расстраиваются. В результате мы не имеем строгих оснований полагать,

41. *Hahn F.H.*, 1984. P. 53.

42. *Scarf H.* *The Computation of Economic Equilibria*. New Haven: Yale University Press, 1973.

что равновесие может быть удержано или достигнуто вновь, если оно окажется нарушенным»⁴³.

Этот пробел в теории общего равновесия ведет к парадоксальному заключению: совершенная конкуренция возможна только тогда, когда рынок находится в равновесии. Когда рынок не находится в равновесии, она невозможна по той простой причине, что в условиях совершенной конкуренции производители принимают цену заданной, а не устанавливают ее. Но если никто не устанавливает цены, то какой механизм заставляет их изменяться так, чтобы рынок стал равновесным?⁴⁴

Рой Вайнтрауб дал доказательство того, что теория общего равновесия должна оцениваться как любое исследовательское направление в математике, а не как теория, которая могла бы в принципе быть опровергнута⁴⁵. Действительно, теорию общего равновесия нужно понимать в духе Лакатоша как «твердое ядро» неоклассической научно-исследовательской программы, и как таковое она эмпирически пуста.

Образцы неоклассических «исследований»

Марк Блауг утверждает: «В экономической теории существует выбор между строгостью и практической значимостью. Истинно строгие теории редко оказываются практически значимыми, и наоборот, выдающиеся с точки зрения практической значимости теории редко бывают аналитически строгими»⁴⁶. Действительно, именно неоклассическая теория убедила реформаторов в том, что рыночная экономика лучше командной благодаря экономической свободе, в силу динамических свойств конкуренции, содействующей техническому прогрессу, снижению издержек, инновациям и т.д. В этом

43. Fischer F.M., 1987. P. 26; см. также: De Vroey. M., 1990.

44. Geanakoplos J., 1987.

45. Weintraub E.R., 1985.

46. Blaug M. Op. cit. P. 41.

плане указанные утверждения имели огромную практическую значимость.

Однако все эти утверждения в рамках неоклассической теории строго не доказаны. Более того, они не имеют строгого формального представления и потому едва ли могут быть математически строго доказаны. Тогда каким же образом неоклассическая школа заставила поверить в эти утверждения массу реформаторов? Для ответа на этот вопрос надо обратиться к практике формирования в рамках неоклассической школы конкретных (проверяемых) теорий, которые и зарабатывают неоклассической школе ее научную репутацию.

В 1979 г. в весьма авторитетном экономическом журнале вышла статья Пола Кругмана «Модель инноваций, передача технологий и всемирное распределение дохода», напечатанную в одном из самых солидных научных журналов⁴⁷. Она оказалась настолько замечательной, что дважды удостоивалась внимания: в 1988 г. американского профессора У. Милберга и в 2008 г. отечественного исследователя И.А. Болдырева⁴⁸. Я также не мог обойти вниманием эту статью, блестяще иллюстрирующую глубину проникновения представителя неоклассической школы в реальную экономику.

В статье предпринимается попытка ввести в модель международной торговли параметры технологических изменений. Кругман подчеркивает, что речь идет о постоянной смене технологии, о постоянных инновациях, а не о технологических шоках, которые рассматривались в теории международной торговли прежде.

Кругман заранее предупреждает читателей, что понятие «технологические изменения» трудно формализовать. Поэтому он рассматривает вместо него понятие «продуктовое разнообразие», измеряемое как рост числа новых продуктов. Конечно, технологический прогресс, наряду с другими

47. *Krugman P.* A Model of Innovation, Technology Transfer and the World Distribution of Income // *Journal of Political Economy.* 1979. Vol. 87. No. 2. P. 253–266.

48. *Болдырев И.А.* Языковые игры и экономическая теория мейнстрима. М: ИЭ РАН, 2008.

показателями, влияет на продуктивное разнообразие, но не на 100%. К этому могут вести также изменение потребительского спроса, развитие внешней торговли, конкурентная борьба и др. Поэтому Кругман совершает подмену понятий, что заставляет сомневаться в том, что автор отвечает на вопрос, поставленный в заглавии.

Другим существенным упрощением является то, что Кругман подразделяет страны мира на две группы: индустриальный «Север», который сосредотачивает в себе все технологические инновации, и аграрно-сырьевой «Юг», который обменивает продукты питания и сырье на высокотехнологичные товары Севера. Стоимость производства тех товаров, которые производятся в обеих странах, Кругман принимает равной. Поэтому одна лишь нужда Севера в сырье, а Юга — в технологичных товарах Севера рассматривается как причина торговли между ними.

Кроме того, предполагается, что с помощью единицы труда производится единица любого товара, что и на Севере, и на Юге существуют условия совершенной конкуренции, а потому цены всех товаров равны соответствующим ставкам заработной платы.

Конечно, математическая модель является упрощенным воспроизведением действительности. Но при этом упрощения не должны искажать главного в поведении системы. Например, создавая модель колебания маятника, мы должны принять во внимание длину нити, на которой он подвешен, но не цвет этой нити.

В нашем же случае существенное значение имело наличие в 1970–1980-х годах еще двух групп стран: огромного мира социализма и ориентирующейся на него части стран третьего мира. Это оказывало большое влияние на экономические взаимоотношения между Севером и Югом. Поэтому абстрагироваться от этого было нельзя.

Фактически Кругман апеллирует к созданной им иллюзорной реальности и все найденные им закономерности относятся к ней, а не к реальной экономической действи-

тельности. Ослепленный математикой экономист этого не замечает, а математик не вдается в тонкости экономической действительности, ограничиваясь только проверкой правильности решения дифференциальных уравнений.

Кругман полагает, что скорость роста числа товаров пропорциональна числу производимых товаров:

$$n/dt = in.$$

Это означает, что со временем производство новых товаров экспоненциально увеличивается. Обычно эта функция используется для моделирования роста населения, где действительно скорость роста населения пропорциональна количеству людей в детородном возрасте. Но что экспоненциальная функция означает в рассматриваемом Кругманом случае? Что товар сам по себе способен воспроизводить другой товар?

Даже если это с большой натяжкой считать результатом конкуренции между товаропроизводителями, то нельзя игнорировать предельных размеров производства под влиянием недостатка ресурсов. Для этого введем предельные размеры производства N . Получаем:

$$n/dt = in(1 - n/N).$$

Но это существенно усложняет дальнейшие расчеты, и Кругман на это не решается.

Далее Кругман выводит закон превращения новых товаров в старые:

$$n_s/dt = tn_N.$$

Вычитая из формулы скорости роста числа товаров скорость превращения новых товаров в старые, Кругман получает закон, по которому меняется число новых товаров:

$$n_N/dt = in - tn_N.$$

Из этого можно сделать совершенно банальный вывод: чтобы сохранить характер своих экономических отношений с Югом, Север должен увеличивать производство новых товаров. Но дело в том, что, заявив в начале статьи о том, что, не умея формализовать технологии, Кругман заменяет их числом товаров, он дальше совершенно об этом забывает и его вывод звучит так: «Чем быстрее происходят инновации и чем медленнее осуществляется передача технологий, тем больше разрыв между уровнями заработной платы на Севере и на Юге. Если инновации вообще прекращаются, а передача технологий продолжается, то преимущества Севера вообще исчезают. Чтобы выжить в этом соревновании, Север должен постоянно вводить все новые и новые продукты».

С помощью такой терминологической эквилибристики можно доказать все что угодно. Кругман с самого начала знает результат, который должен получить с помощью математики.

* * *

Таким образом, неоклассическая теория не является экономической теорией в прямом смысле слова. Это скорее раздел математики, использующий некий набор экономических понятий и терминов, не имеющих прямого отношения к экономической действительности.

С.А. Нефедов¹

НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНАХ ИСТОРИИ²

Современное состояние теории исторической науки принято обозначать как кризисное, характеризующееся уходом от поиска общих схем к изучению микроистории. Однако существование определенных экономических и демографических закономерностей признается не только историками, но также экономистами и политиками. В публикуемой ниже статье речь идет о подобных закономерностях и описывающей их теории, актуальность которой обусловлена тем, что рассматриваемые — мальтузианские — закономерности не только явственно проявлялись в эпоху допромышленного общества, но по-прежнему играют существенную роль в экономической жизни развивающихся стран. Историки-неомальтузианцы утверждают, что исторический процесс складывается из демографических циклов — повторяющихся периодов роста, стагнации и кризисов. Статья содержит обзор работ историков неомальтузианского направления.

Ключевые слова: неомальтузианство, демографически-структурная теория, фаза роста, фаза сжатия, фаза кризиса, аграрное перенаселение, падение потребления, голод, революция, гражданская война, эпидемии, демографическая катастрофа.

Существуют ли законы истории? Многие поколения людей искали ответ на этот основной вопрос мироздания. Две тысячи лет назад великий греческий историк Фукидид утверждал, что законы истории, должно быть, подобны законам механики: столь явственно чувствуется их влияние на судьбы людей. Бесконечное повторение событий делает историю похожей на одну и ту же драму, играемую разными труппами в разных странах, эти труппы из миллионов акте-

-
1. Сергей Александрович Нефедов — д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.
 2. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение» (№ 14-18-01625).

ров как будто воплощают написанный кем-то сценарий, но воплощают на разных языках и иногда слегка противоречат друг другу. Фукидид пытался найти скрытый механизм действия этой драмы, но не смог, и тогда он решил возможно подробнее описать происходящее с тем чтобы кто-нибудь впоследствии разобрался в сути событий.

В наше время, когда в научной и околонучной среде обсуждается множество теорий, призванных объяснить течение исторических событий, может сложиться впечатление, что поставленная Фукидидом задача так и осталась неразрешенной, что современные ученые знают о законах истории не больше, чем философы древности. Современное состояние исторической науки принято описывать как кризисное, характеризующееся уходом от поиска общих схем к изучению микроистории. Еще в 1960-х годах Эдвард Хьюлетт Карр утверждал, что на Западе больше не говорят об исторических законах, что само слово «причина» вышло из моды³. После крушения СССР об исторических законах перестали говорить и на посткоммунистическом пространстве. Большинство российских историков в своей работе следует парадигме Ясперса: «История имеет глубокий смысл, — писал Карл Ясперс, — но он недоступен человеческому пониманию»⁴.

Парадокс ситуации заключается в том, что хотя большинство историков полагают, что законы истории недоступны человеческому пониманию, об этих законах хорошо осведомлены экономисты, социологи и политики. Осведомлены потому, что законы истории носят экономический характер, и им посвящены целые главы в учебных курсах по экономике⁵. Речь идет о «железном законе заработной платы» и мальтузианской теории народонаселения. В качестве абстрактной теории эти истины были известны давно, но понимание того, что теория действительно описывает реальность, при-

3. Carr E. What is History? London, 1962. P. 103.

4. Уколова В.И. Арнольд Тойнби и постижение истории // А.Дж. Тойнби. Постигание истории. М., 1996. С. 12.

5. См., например: Самуэльсон П.А. Экономика. Т. 1. М., 1993. С. 34–38.

ходило медленно: людям не хотелось принимать такую реальность. Более того, попадая в руки государственных деятелей, эти идеи становились объектом ожесточенной политической борьбы, лозунгом революций и оправданием мировых войн. Поэтому всегда существовали политические партии, клеймившие своих противников за использование этих теорий, изображавшие эти теории как лживые и аморальные.

Мысли о том, что чрезмерный рост численности населения оказывает пагубное влияние на экономическое и социальное развитие, высказывались многими философами, начиная с античных времен. В трудах Платона, Аристотеля, Хань Фэй-цзы перенаселение рассматривалось как причина нехватки пахотных земель, оно приводило к недостатку продовольствия, бедности, голоду и восстаниям бедняков⁶.

Начало исследования проблемы перенаселения в новое время связано с именем основателя демографической науки Томаса Мальтуса. Главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования (*means of subsistence*)»⁷. Однако закон природы состоит «в проявляющемся во всех живых существах стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Это приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в росте цен и ренты, падении реальной заработной платы и уменьшении потребления. Уменьшение потребления приводит к кризису — к голоду, восстаниям, войнам, эпидемиям. Население значительно сокращается, пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается — но затем процесс повторяется, «возобновляются прежние колебания то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»⁸.

-
6. Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 496; Аристотель. Сочинения Т. 4. М., 1984. С. 416, 420, 440, 442; Хань Фэй-цзы // Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973. С. 261.
 7. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 22. (Выделено Мальтусом).
 8. Там же. С. 9, 18–22.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Ж.Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо переформулировал эти положения как «железный закон заработной платы», вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской⁹. Важно, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, т. е. о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом.

Таким образом, идеи Мальтуса вошли в экономическую теорию – но в XIX в. они оставались только теорией. Мальтузианская концепция изначально описывала закономерности аграрных обществ, но произошедшая в первой половине XIX столетия промышленная революция принесла с собой радикальные экономические перемены. Индустриализация Европы привела к огромному росту средств существования, и мальтузианская теория перестала действовать: рост населения уже не подвергался прежним ограничениям *means of subsistence*. В новых условиях индустриальные страны Европы могли обеспечить свое население обменом промышленных товаров на продовольствие, доставляемое из Америки. Казалось, что это преуспевание может продолжаться вечно: Джон Мэйнард Кейнс писал, что англичане того времени жили в каком-то экономическом Эльдорадо, «в такой экономической утопии, о которой прежние экономисты могли только мечтать»¹⁰.

Промышленная революция привела не только к увеличению потребления, но и к победе над эпидемиями; одним из важных достижений того времени стали новые технологии борьбы с инфекциями путем проведения масштабных сани-

9. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Д. Рикардо Сочинения. Т. I. М., 1955.

10. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2007. С. 468.

тарных мероприятий с применением эффективных обеззараживающих средств (в том числе знаменитой карболки). Эти (и некоторые другие) медицинские меры позволили намного снизить смертность от инфекционных заболеваний, и в особенности детскую смертность. За снижением смертности через некоторое время произошло снижение рождаемости и формирование новой модели воспроизводства населения — происходил так называемый демографический переход. Через два столетия после начала промышленной революции в новом индустриальном (или постиндустриальном) обществе рост населения почти прекратился, и мальтузианская теория перестала действовать. Однако уменьшение рождаемости следовало за сокращением смертности с запозданием на несколько десятилетий, и эти десятилетия конца XIX — начала XX в. стали временем демографического взрыва, временем резкого роста населения Европы.

В ситуации европейского демографического взрыва мальтузианские ограничения снова дали знать о себе. Поток продовольствия из Америки сократился, и цены на зерно возросли; промышленные страны стали испытывать затруднения с обменом своих изделий на продовольствие и сырье¹¹. В аграрном обществе перенаселение приводило к борьбе за землю, которая непосредственно доставляла продовольствие. В новом промышленном мире перенаселение приводило к борьбе за возможность обмена промышленных изделий на сырье и продовольствие — началась борьба за колонии, за рынки сбыта и источники сырья. «Не требует доказательства тот факт, что Европа, взятая в целом, не была самодостаточна в продовольственном отношении, — писал Питирим Сорокин, — она не производила и не производит нужного ей количества ни хлебных продуктов, ни мяса. Недостаток покрывался ввозом из других частей света: Америки, Азии и т.д. Отсюда вполне понятным становится, какое значение для ряда государств имеют заморские коло-

11. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2007. С. 467, 475.

нии, служащие для них не только рынком, но прежде всего житницей, без которой они существовать не могут. Этим и объясняется, почему такие государства, как Великобритания и Германия, заинтересованы в колониях, и почему борьба за них была одной из основных причин последней войны»¹². Один из руководителей германского Генерального штаба, генерал фон Бернади, писал, что «сильные, здоровые, и процветающие нации численно растут. С определенного момента они требуют непрерывного расширения их границ. Они требуют новой территории для устройства их избыточного населения»¹³.

Целью Германии было не только получение новых колоний, но и увеличение обмена немецких промышленных изделий на продовольствие и сырье путем ликвидации протекционистских пошлин. Провозглашенная канцлером Бетман-Гольвегом в начале Первой мировой войны «Сентябрьская экономическая программа» предусматривала создание свободного для немецкой торговли европейского экономического пространства. «В 1870 г. население Германии равнялось приблизительно 40 млн... — писал Кейнс, — а к 30 июля 1914 г. — приблизительно до 68 млн, в годы, предшествовавшие войне, ежегодный прирост доходил до 850 тыс... Из земледельческой и в общем самодовлеющей страны Германия превратилась в огромную и сложную индустриальную машину... Чтобы найти занятия у себя дома для все растущего населения и средства для покупки материалов за границей, Германия должна была обеспечить этой машине непрерывный и полный ход...»¹⁴.

Первая мировая война не смогла разрешить проблему соответствия между численностью населения и доступными продовольственными ресурсами. Германия могла жить только обменом своих промышленных изделий на продовольствие,

12. Сорокин П.А. Голод как фактор. М., 2003. С. 305.

13. Цит. по: Ross E. Population Pressure and War // Scribners. 1927, September. P. 360.

14. Кейнс Дж. Указ. соч. С. 469.

но она была ограничена в рынках сбыта и источниках сырья. Чтобы облегчить судьбу немецкого народа, Кейнс предлагал создать свободный торговый союз и уничтожить протекционистские пошлины; как признавал английский экономист, это означало принять требование Германии, провозглашенное ею в начале войны. Если же этот проект не будет реализован, предупреждал Кейнс, «отмщение не заставит себя ждать»¹⁵.

Действительно, своекорыстная политика Антанты породила демона отмщения. «Ежегодный прирост населения в Германии составляет 900 тысяч человек, — писал Адольф Гитлер в «Майн кампф». — Прокормить эту новую армию граждан с каждым днем становится все трудней. Эти трудности неизбежно когда-нибудь закончатся катастрофой, если мы не сумеем найти путей и средств, чтобы избежать опасности голода... Без сомнения, урожайность почвы можно до известной степени повысить, но именно только до известной степени, а вовсе не безгранично... Тогда окажется, что при всем прилежании в деле обработки от земли не удастся получить больше того, что получалось. И тогда, хотя и с известной отсрочкой, опять-таки наступит гибель... Пока что существуют гигантские равнины, которые еще совершенно не использованы и ждут своего возделывателя. Кроме того, несомненно, что эта невозделанная земля вовсе не предназначена природой заранее определенной нации. Существующие свободные земли будут принадлежать тем народам, которые найдут в себе достаточно сил, чтобы их взять»¹⁶.

Подобные мысли высказывались не только в Германии. «Мы должны признать неудачу в попытках установить равновесие между численностью населения и запасами пищи...», — писал в 1928 г. глава японского правительства генерал Танака. «Самоочевидным фактом, — продолжал советник Танаки барон Окура, — является то обстоятельство, что для излишнего населения Японии первыми странами, которые могут способ-

15. Кейнс Дж. Указ. соч. С. 604.

16. Гитлер А. Моя борьба. М., 1992. С. 110.

ствовать разрешению этого конфликта, являются Манчжурия и Монголия»¹⁷.

Великий кризис 1929–1933 гг. показал, насколько ненадежны основанные на торговле каналы продовольственного снабжения. Нарушение товарообмена привело к тому, что десятки миллионов рабочих лишились заработка и возможности приобрести продукты питания. Голод среди безработных стал реальностью, доказывающей, что мальтузианские законы действуют и в индустриальном мире. Кризис ударил в первую очередь по странам, не имевшим обеспеченных внешних рынков – по Германии, Японии, Италии. В этих условиях альтернативой свободной торговле и обеспеченному товарообмену становилась война за «жизненное пространство». «Италия желает получить возможность экспансии для плодородного народа, обработавшего все, что можно было обработать на своей территории, и не согласного умереть с голоду», – заявил Муссолини накануне итальянского вторжения в Эфиопию¹⁸. «Войны имеют разные причины, – писал Кейнс в 1936 г. – Но самое большое значение имеют... экономические причины войны, а именно – чрезмерный рост населения и конкурентная борьба за рынки...»¹⁹.

Однако среди экономистов не было единства в оценке причин и следствий. В то время как одни из них, такие как Маргарет Сангер, призывали в целях предотвращения войны снять таможенные барьеры, другие, такие как Эдвард Росс, утверждали, что перенаселение является не причиной, а предлогом для развязывания войны²⁰. Для многих политиков тезис о перенаселенности Германии был просто «идеологическим оружием агрессора». Историки до сих пор спорят, что же явилось причиной (или причинами) Второй мировой войны.

17. Смуглевич Б. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М.–Л., 1936. С. 48.

18. Там же. С. 52.

19. Кейнс Дж. Указ. соч. С. 339.

20. Ross E. Op. cit.; Sanger M. Pressure of Population as a Cause of War // Margaret Sanger Papers, Sophia Smith Collection, Smith College, MSM S71:1124.

Но нужно отметить два обстоятельства: в начале войны Германия вновь выступила с проектом устранения протекционистских тарифов и создания Европейского экономического сообщества, а после войны, в 1947 г., 23 страны подписали Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), предусматривавшее постепенное снижение таможенных пошлин. В преамбуле этого соглашения прямо говорилось, что «взаимоотношения в области торговли и экономической деятельности должны осуществляться с целью повышения жизненного уровня, обеспечения полной занятости»²¹. Полная занятость – это было то, чего добивались страдавшие от безработицы перенаселенные страны. В 1957 г., можно сказать, во исполнение заветов Кейнса, было создано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Таким образом, в результате двух мировых войн побежденная Германия все же получила доступ к прежде закрытым для нее рынкам.

Казалось бы, индустриальные страны нашли адекватный ответ на мальтузианскую угрозу – тем более, что демографический переход завершился и рост населения существенно замедлился. Однако теперь на первый план вышли проблемы развивающихся стран. В аграрных странах проблема перенаселения означала крестьянское малоземелье, и она могла быть решена либо уменьшением численности населения, либо революцией и разделом между крестьянами земли, принадлежащей помещикам. Именно такое решение проблемы предлагала русская революция. «Население европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население Германии, – писал Кейнс. – В 1890 г. оно было меньше 100 млн, а накануне войны оно дошло почти до 150 млн; в годы, непосредственно предшествующие 1914 г., ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения, а также прочих

21. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947). www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt47ru.doc.

фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются, быть может, гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая...»²².

После Второй мировой войны санитарные достижения промышленной революции распространились на густонаселенные страны «третьего мира», что вызвало демографический взрыв, намного превосходивший рост населения Европы. Многие развивающиеся страны были охвачены социальными и национально-освободительными революциями, восстаниями и войнами – послевоенные события вновь продемонстрировали, что перенаселение и голод порождают войны и социальные конфликты. Эти войны грозили вовлечь в себя западный мир; в 1954 г. во время встречи с Джавахарлалом Неру Мао Цзедун заявил, что ядерная война не страшна человечеству, поскольку гибель даже половины людей на планете будет оправдана тем, что погибнет империализм. В этом заявлении содержался явный намек на то, что для двух наиболее перенаселенных стран сокращение населения путем новой мировой войны не только возможно, но и желательно. Как бы отвечая Мао, делегат США на Всемирной конференции по народонаселению Дж. Андерсен заявил, что человечество стоит перед выбором: либо мировая война, либо путь всеобщего сокращения рождаемости²³. Джавахарлал Неру не рассматривал эту альтернативу в столь категорическом плане, но, тем не менее, Индия стала первой страной, объявившей о программе планирования семьи с целью сокращения рождаемости.

Среди социологов и политиков росло понимание того, что избежать голода, войн и революций можно лишь следуя

22. Кейнс Дж. Указ. соч. С. 602–603.

23. Цит. по: Сазонова Н.Ю. Основные направления деятельности ООН в области народонаселения развивающихся стран. М., 1981. С. 34.

рецепту Мальтуса, т. е. проводя политику ограничения рождаемости. В 1952 г. американский Совет по народонаселению выступил с предупреждением, что «значительно возросшие темпы роста населения во всем мире являются серьезной угрозой социально-экономическому развитию, политической стабильности и свободе»²⁴. В 1957 г. Генеральная ассамблея ООН впервые призвала своих членов «учитывать взаимосвязи между экономическим развитием и демографическими изменениями»²⁵. Через несколько лет был проведен опрос правительств стран – членов ООН, который выявил серьезную озабоченность многих развивающихся стран неблагоприятными экономическими и социальными последствиями быстрого роста населения и их настоятельное желание затормозить этот рост. В 1966 г. конгресс США обусловил предоставление американской продовольственной помощи принятием мер по контролю за рождаемостью. К 1974 г. 39 стран, на территории которых проживало более 80% населения третьего мира, провозгласили мероприятия по контролю за рождаемостью своей официальной политикой²⁶. В некоторых случаях это делалось под американским давлением, но принятие аналогичной программы коммунистическим Китаем явно указывает на понимание объективного характера проблем, вызываемых ростом населения.

Таким образом, к 1975 г. большая часть правительств проводила мальтузианскую политику ограничения рождаемости либо поддерживала эту политику, проводимую в других странах. Это означало, что они признают мальтузианскую экономическую теорию, признают, что в отсутствие экономического развития рост населения приводит к падению потребления, к голоду, войнам и революциям. Страны,

24. Demography. Washington, 1968. Vol. 5. No. 2. P. 553.

25. Резолюции, принятые Генеральной ассамблеей на XII сессии. 14 декабря. 1957 г. Нью-Йорк: ООН, 1957. С. 15.

26. Сазонова Н.Ю. Указ. соч. С. 46; Гузеватый Я.Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980. С. 9–20; Княжинская Л.А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980. С. 75–85.

на словах боровшиеся с мальтузианством, как Советский Союз, предлагали альтернативу ограничению рождаемости в виде социально-экономических преобразований (т. е., в виде революции). Явно или неявно Советский Союз использовал то обстоятельство, что, в соответствии с мальтузианской теорией, перенаселение и голод порождают революцию. Уже перечисление хронически голодавших в те годы стран — Мали, Эфиопия, Уганда, Чад, Гаити, Индия, Непал, Бангладеш, Гана, Зимбабве, Гватемала, Ангола, Южный Йемен, Замбия, Мозамбик, Сомали, Сальвадор, Афганистан, Камбоджа, Лаос²⁷ — показывает, что между голодом и социальными конфликтами существует взаимная корреляция: половина из этих государств стала вскоре ареной восстаний и революций. Некоторые из новых революционных режимов были союзниками СССР — союзниками, которые появились благодаря перенаселению и голоду.

Возвращаясь к проблемам современной исторической науки, необходимо напомнить, что большинство историков — в особенности в России — не признает существования исторических законов. Между тем, служащая практическим руководством для многих правительств мальтузианская теория описывает именно исторические закономерности — те экономические законы, которые действовали в прошлом. В XIX и XX в. появились факторы, способные отсрочить мальтузианскую угрозу: промышленное развитие, импорт продовольствия, «зеленая революция» увеличивали средства существования, *means of subsistence* — и вдобавок, переход к новой модели воспроизводства практически остановил рост населения развитых стран. Поэтому многие экономисты полагают, что человечество открыло «экономическое Эльдorado», и мальтузианская угроза уходит в прошлое. Но в прошлом, в традиционном аграрном обществе средства существования почти не менялись, агротехника оставалась традиционной, и мальтузианские закономерности должны были действовать со всей силой.

27. Фактор Г.Л. В петле голода: трагедия развивающихся стран. М., 1989. С. 12.

Как отмечалось выше, мальтузианская теория постулирует циклическое изменение цен и заработной платы, которые в ходе демографического цикла должны колебаться синхронно с численностью населения. В 1934 г. немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII – начале XIV в., сменившийся затем падением цен в XV в. и новым ростом в XVI – начале XVII в. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения²⁸. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям мальтузианско-рикардианской теории в том смысле, что именно рост населения вызывает рост цен и падение заработной платы, а уменьшение населения вызывает обратные следствия. Однако немецкий историк считал, что падение численности населения в середине XIV в. было вызвано не перенаселением, а случайным и внешним фактором – эпидемией Черной смерти 1348 г.²⁹

Следующий шаг в апробации мальтузианско-рикардианской теории был сделан английским историком Майклом Постаном. Постан показал, что эпидемия Черной смерти не была случайностью, что уже в начале этого столетия сельское хозяйство не могло прокормить растущее население, и голод 1310-х годов был первым симптомом наступившего перенаселения. М. Постану и Д. Титову удалось доказать, что после 1300 г. наметились рост смертности и уменьшение естественного прироста, которые объяснялись падением уровня жизни, что именно падение уровня жизни и постоянные голодовки подготовили почву для губительной эпидемии³⁰. Позднее было показано, что сокращение численности насе-

28. *Abel W.* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.

29. *Abel W.* Crises agraires en Europe (XIIe –XXe siècle). Paris, 1973. P. 60–61.

30. *Postan M.M., Titov J.Z.* Heriots and prices on Winchester manors // *Economical history review*. Ser. 2. Vol 38. 1958–1959. P. 392–417.

ления в начале XIV в. (до эпидемии) имело место и в других странах. Таким образом, демографический цикл XII–XIV вв. получил вполне мальтузианскую трактовку, зафиксированную в шестом томе «Новой кембриджской истории средних веков»³¹.

Еще одна проблема, стоявшая перед историками, заключалась в том, как судить о численности населения в отсутствие надежных статистических данных. В работе 1950 г. Майкла Поста́на приводятся свидетельства о резком увеличении реальной заработной платы, о падении цен и ренты после 1348 г. и затем делает вывод о больших масштабах демографической катастрофы³². Здесь мы впервые видим пример обращения теории Мальтуса–Рикардо, когда, исходя из поведения экономических показателей, делается вывод о динамике численности населения. Впоследствии этот вывод был подтвержден данными демографии³³.

Интерес историков к мальтузианской теории рос одновременно с ростом ее популярности у экономистов и политиков. В 50-х годах XX в. исследованием вековых тенденций занималось значительное число историков в различных странах. На X международном конгрессе исторических наук в 1955 г. группа исследователей – М. Молла, М. Поста́н, П. Иогансен, А. Сапори и Ш. Верлинден – представила новое видение истории позднего Средневековья с точки зрения теории вековых демографических циклов³⁴. Одним из крупных достижений этого периода была работа Ф. Брауна и Ш. Хопкинса, построивших временные ряды цен и реальной зара-

-
31. *Klapisch-Zuber C. Plague and family life // The New Cambridge Medieval History. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 128–130; Freedman P. Rural society // The New Cambridge Medieval History. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 89–91.*
 32. *Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1950. Vol. 2. No. 3. P. 221–246.*
 33. *Smith R. Demographic Developments in Rural England, 1300–1348 // Before the Black Death. Studies in the “Crisis» of the Early Fourteenth Century. Manchester, 1991. P. 49–50.*
 34. *Mollat M., Postan M., Johansen P., Saporì A., Verlinden Ch. L'conomie europeenne aux deux derniers si cles du Moyen age // Relazioni del X Congresso internazionale di scienza storiche. Vol. III. Storia del Medioevo. 1955.*

ботной платы в Англии³⁵. График, построенный Ф. Брауном и Ш. Хопкинс, был сопоставлен В. Абелем и Б. Сликером ван Батом с динамикой численности населения, и в результате получилась картина, близко напоминающая теоретические построения Мальтуса и Рикардо³⁶.

В 60-х годах мальтузианская теория циклов нашла подробное отражение в обобщающих трудах Б. Сликера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов³⁷. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню³⁸. В 1958 г., подводя итог достижениям предшествующего периода, редактор «Анналов» Фернан Бродель заявил о рождении «новой исторической науки». «Новая экономическая и социальная история на первый план в своих исследованиях выдвигает проблему циклического изменения, — писал Ф. Бродель, — она заморожена фантомом, но вместе с тем и реальностью циклического подъема и падения цен»³⁹. В 1967 г. вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV—XVIII веках»⁴⁰.

35. *Brown Ph., Hopkins S.V.* Seven centuries of building wages // *Economica*, aout 1955.

36. *Abel W.* Crises agraires en Europe... P. 400; *Slicher van Bath B. H.* The agrarian history of Western Europe A. D. 500—1850. L., 1963. P. 113.

37. *Mousnier R.* Les XVIe et XVIIe siecles. Les progres de la civilisation europeenne et la diclin de l'Orient (1492—1715). Paris, 1953; *Slicher van Bath B.* Op. cit; *Glass D.V., Eversley D.E.* Population in History. London, 1965. *Cippolla C.M.* Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000—1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.).

38. *Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVIIe siecle. 2 vols., Paris, 1960; *Duby G.* L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident medieval. 2 vol. Paris, 1962; *Mevret J.* Etudies d'histoire economique. Paris, 1971; *Chaumi P.* La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1984. Русский перевод: *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

39. *Braudel F.* Histoire et sciences sociales. La longue duree // *Annales*, 1958, octobre-decembre; русский перевод: *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 118.

40. *Braudel F.* Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe si cle. T. 1. Paris, 1967. Русский перевод: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV—XVIII веках. Т. 1. М., 1986.

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, — писал Фернан Бродель, — это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет — но не до конца! — вторые. *В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...* Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается — а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод — последний предшествует первым и сопутствует им — восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием... Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду — с 1750 г. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной»⁴¹.

Из других наиболее известных изданий 1960-х годов следует отметить книгу Эммануэля Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока», которая является наиболее полным исследованием социально-экономических процессов во французской

41. Бродель Ф. Материальная цивилизация... С. 42–44.

деревне на основе концепции демографических циклов⁴². В 1967 г. вышел в свет четвертый том «Кембриджской экономической истории Европы», в котором теория демографических циклов представлена в разделах, написанных Ф. Броделем, Ф. Спунером и К. Хеллинером⁴³.

В 70-х годах концепция демографических циклов получает освещение в энциклопедических многотомных изданиях, таких как «Экономическая и социальная история Франции», «История Италии»⁴⁴. В это время выходят в свет обобщающие работы М. Поста «Средневековая экономика и общество», «Очерк средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики»⁴⁵. Большое теоретическое значение имело появление в 1981 г. исследования А. Ригли и Р. Шофилда «История населения Англии»⁴⁶. Авторы восстановили динамику численности населения Англии с 1541 г. и использовали полученные данные как экспериментальный тест для проверки теоретических положений мальтузианской теории. В результате этого исследования математическими методами было подтверждено наличие постулированной Мальтусом и Рикардо тесной связи между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. Однако после того как английская индустриализация сделала заметные успехи и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла⁴⁷.

42. *Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. T. 1–2.*

43. *The Cambridge Economic History of Europe. Vol. IV. The economy of expanding Europe in the 16th and 17th centuries/ edited by E. E. Rich and E. H. Wilson. London and New York, 1967.*

44. *Histoire economique et sociale de la France. 4 vols. Paris, 1970–1976.*

45. *Postan M.M. The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100-1500. Berkley, Los Angeles, 1972; Ibid. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973.*

46. *Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1541–1571: A Reconstruction. Cambridge (Mass.), 1981.*

47. *Ibid. P. 446–478; Schofield R.S. Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History// Population and History. From the Traditional to the Modern World. Cambridge, 1986. P. 11–34.*

Тем не менее, авторы «Истории населения Англии» подчеркивали исключительную ценность мальтузианско-рикардианской теории для понимания динамики социально-экономического развития в доиндустриальную эпоху. «При отсутствии какой-либо теории, объединяющей социальные структуры и их динамику, историческое объяснение обречено быть неформальным и эклектичным... — писал Р. Шофилд. — Теория Мальтуса особенно хорошо подходит для объяснения исторической динамики, потому что она не только объединяет концептуальные элементы в структуру, но и явно рассматривает природу динамики этих структур. Теория не просто говорит, что демографические и экономические элементы, такие как прирост населения, цены продуктов питания... связаны, она изучает, как изменения в каждом из этих элементов воздействуют на изменения в других элементах»⁴⁸. Это важное преимущество теории Мальтуса делало возможным аналитическое описание постулированных закономерностей и построение экономико-математических моделей, описывающих реалии прошлого. В 1978 г. известный экономист Рональд Ли провел экономико-математический анализ данных Ф. Брауна и Ш. Хопкинса и пришел к выводу о том, что они соответствуют постулатам Мальтуса⁴⁹.

В 70–80-е годы XX в. учение о демографических циклах носило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши («carrying capacity»). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находя-

48. Schofield R.S. Op. cit. P. 18, 30.

49. Lee R. Econometric Studies of Topics in Demographic History. New York, 1978.

щихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием технологического фактора. Это влияние особенно сказывается в современных развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII вв., исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира⁵⁰.

Хотя неомальтузианская теория демографических циклов получила довольно широкую известность, она не стала методологической опорой для большинства историков, занимающихся изучением конкретных проблем. Отчасти это было связано с консервативностью исторического сообщества. «Очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера», — писал Фернан Бродель⁵¹. Еще одной причиной была критика со стороны сторонников других теоретических концепций. 1980-е годы были отмечены длительной дискуссией между неомальтузианцами Ле Руа Ладюри и Постановом, с одной стороны, и известным историком-марксистом Робертом Бреннером. Бреннер указал на то обстоятельство, что мальтузианская теория не может объяснить длительную стагнацию населения после Черной смерти 1348 г.: хотя заработная плата возросла,

50. Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980.

51. Бродель Ф. История и общественные науки... С. 128.

население в течение столетия не показывало признаков роста. Бреннер утверждал, что эта стагнация может быть объяснена лишь с учетом классовых отношений: когда численность крестьян уменьшилась, лорды, во-первых, попытались увеличить ренту, а, во-вторых, с целью получения добычи развязали внутренние войны. Эти войны разрушали сельскохозяйственное производство и препятствовали демографическому росту⁵².

В конечном счете, эта критика привела к созданию нового, более сложного варианта неомальтузианской концепции – демографически-структурной теории Джека Голдстоуна⁵³. В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру – «народ», «государство» и «эли́ту» – анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и капиталов, т. е. оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания⁵⁴.

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на

52. Brenner R. The agrarian roots of European capitalism// The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe / editors T.H. Aston and C.H.E. Philpin. Cambridge, 1985. P. 224.

53. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.

54. Ibid. P. 6–7.

фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства, в конечном счете, приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства⁵⁵.

Нужно отметить, однако, что Голдстоун первоначально считал, что вековые циклы имеют экзогенный характер и как рост, так и уменьшение численности населения объясняется благоприятными или неблагоприятными эпидемиологическими и климатическими изменениями⁵⁶. Поэтому, в частности, Голдстоун формально не называл себя мальтузианцем, полагая, что созданная им теория имеет новое качество⁵⁷. Однако в работах автора и американского историка и эколога Питера Турчина было показано, что если отказаться от этого (опровергаемого историческими материалами) положения, то демографически-структурная теория оказывается вполне совместимой с неомальтузианством, и более того, фактически представляет собой весьма перспективное в теоретическом плане расширение неомальтузианской теории⁵⁸.

Первым исследователем, указавшим на перспективность использования демографически-структурной теории для объяснения российской истории был известный американский русист Честер Даннинг. Изучая причины российского кризиса начала XVII в., Ч. Даннинг указал на явления, совпадающие с характерными признаками государственного кризиса по Голдстоуну: на рост населения, сопровождаемый ростом цен, на финансовый кризис государства, на обеднение, раскол и фракционирование элиты. Отмечая необходимость более подробного исследования этого вопроса, Ч. Даннинг сделал вывод о том, что, «как кажется, модель Голдстоуна применима для России»⁵⁹.

55. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. P. 24–25, 459.

56. Ibid. P. 30.

57. Ibid. P. 32–33.

58. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Oxford and Princeton, 2003.

59. Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? // Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39. No. 3. P. 582–585.

В монографии «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России» автором этих строк был проведен соответствующий анализ для двух циклов российской истории (первый из них закончился Великой смутой, а второй – революциями 1905–1917 гг.). При этом было показано, что практически все описанные выше характерные признаки различных фаз демографического цикла реально фиксируются историческими источниками⁶⁰.

Последние исследования в области демографически-структурной теории связаны с работами международной «клиодинамической группы» в составе П. Турчина, Т. Холла, А.В. Коротаева, Л. Гринина, С.В. Циреля, Д.А. Халтуриной и некоторых других историков. В частности, непосредственным продолжением исследований Дж. Голдстоуна стала изданная в Оксфорде монография П. Турчина и С.А. Нефедова⁶¹ и монография А.В. Коротаева, А.С. Малкова и Д.А. Халтуриной⁶². В статье, опубликованном недавно в авторитетном журнале «Nature», П. Турчин, ссылаясь на результаты работы этой группы, заявил, что отныне можно говорить об обнаружении реальных, математически доказанных, закономерностей исторического процесса⁶³.

В работах «клиодинамической группы» изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей⁶⁴. Математическое

60. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005; См. также: Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I–II. М., 2010, 2011; Нефедов С.А., Данинг Ч. О социально-экономических предпосылках Смутного времени // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2008. №3. С. 57–70.

61. *Turchin P., Nefedov. S.A. Secular cycles. Oxford and Princeton, 2009.*

62. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.

63. *Turchin P. Arise 'cliodynamics' // Nature. 2008. V. 454. P. 34–35.*

64. *Komlos J., Nefedov S.A. Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // Historical Methods. 2002. Vol. 35. No. 2. P. 92–94; Nefedov S.A. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // Chinese Journal of Population Science. 2003. № 3. P. 48–53 (на кит. яз.); Nefedov S.A. A model of demographic cycles in a traditional society // Social Evolution & History. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 69–80; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003; Нефедов С.А., Турчин П. Опыт моделирования демографи-*

моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла кратковременных климатических колебаний, неурожаев, стихийных бедствий. Оно показывает, что в фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой неурожай или нарушающее хозяйственную жизнь вторжение врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям⁶⁵.

В итоге, изучение причин кризисов прошлых эпох в контексте демографически-структурной теории показывает, что породившие их причины уже не действуют в современных постиндустриальных обществах – в том числе и в России⁶⁶. России уже не грозит аграрное перенаселение и революция по типу 1917 г. Однако положения демографически-структурной теории остаются справедливыми для перенаселенных развивающихся стран. Это особенно актуально в последнее время в связи с волной социальных конфликтов и революций, охвативших страны Ближнего Востока. Эффективный демографически-структурный анализ этих событий и прогноз дальнейшего их развития был дан в последних работах известного востоковеда А.В. Коротаева⁶⁷.

чески-структурных циклов // История и математика: Макроисторическая динамика обществ и государств. М., 2007. С. 151–167; Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Указ. соч.; Tsirel S.V. On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population // Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics. М., 2004. P. 367–369.

65. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов... С. 45.

66. Алексеев В.В. и др. Факторный анализ российского исторического процесса. Екатеринбург, 2011.

67. Korotayev A.V., Zinkina J.V. Egyptian revolution: a demographic structural analysis // *Entelequia. Revista Interdisciplinar*. 2011. Vol. 13. P. 139–165; Коротаев А.В., Зинкина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // *Историческая психология и социология истории*. М., 2011. Т. 4. № 2. С. 5–29.

Часть II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
в XIX—XX вв.

А.В. Бугров¹

РУССКАЯ АРМИЯ И АССИГНАЦИИ
В 1813–1815 гг.: МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА
АНТИНАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Статья посвящена малоизученной странице истории Ассигнационного банка, связанной с его участием в денежном обслуживании русской армии в период заграничного похода 1813–1814 гг. Подробно рассмотрена деятельность променных контор банка в Пруссии и Герцогстве Варшавском, созданных для внедрения расчетов на российские бумажные деньги (ассигнации) в Европе. Их деятельность стала первым и единственным для XIX в. опытом такого рода, позволившим решить как проблему снабжения армии, так и проблему выявления многочисленных подделок ассигнаций.

Ключевые слова: Ассигнационный банк, ассигнации, променные конторы, Министерство финансов, обменный курс.

«Деньги суть артерия войны»², – говорил Петр I, и такими они оставались на протяжении всей последующей истории. Наряду с формированием военного бюджета это включало и вопросы его освоения, в том числе снабжение армии во время заграничных походов. В период военных действий в Померании (1710-е годы) армия снабжалась европейской монетой, получаемой через торговлю. В 1759–1762 гг. для Пруссии, оккупированной русскими войсками, на монетных дворах Кенигсберга и Москвы по талерной стопе выпускалась особая монета, с профилем русской императрицы Елизаветы Петровны³. Десять лет спустя, 1771–1774 г., из трофейных

1. Александр Владимирович Бугров – к.и.н., начальник отдела Департамента международного сотрудничества и общественных коммуникаций Банка России.
2. Цитата приведена по изданию: *Ключевский В.О. Сочинения* в 9-и тт. Т. 4. Курс русской истории. Часть 4. М., 1989. С. 116.
3. *Узденников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах: 1700–1917 гг.* М., 1995. С. 12, 22, 138–139.

турецких пушек, по распоряжению генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева и под руководством барона Петера Николауса фон Гартенберга, в Содогуре (Буковина) был налажен выпуск медных монет с двойным турецко-русским номиналом, которыми оплачивали местные расходы⁴. Французский император Наполеон снабжал армию поддельными бумажными деньгами Австрии и России. Когда же русская армия перешла р. Неман (28 декабря 1812 г.), оказавшись уже на территории Пруссии и Герцогства Варшавского, перед правительством возникла задача снабдить 90-тысячное войско деньгами, которые могли приниматься местным населением.

Эта задача осложнялась тем, что русская монета там напрямую не принималась в платежи. Что же касалось ассигнаций (которые к тому времени в самой России не вполне считались деньгами — скорее, векселями на монету), то отношение к ним даже на западе самой Российской империи было очень осторожным⁵. В этой связи правительство могло воспользоваться уже опробованным методом — покупкой иностранной валюты, или трассировкой заграничных векселей. Но в условиях бюджетного напряжения того времени (в 1812 г. государственные расходы превышали доходы на 10 млн руб.⁶) и дефицита звонкой монеты в казне⁷ министр финансов Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825) принял решение о снабжении русской армии за границей ассигнациями.

-
4. *Ihor Czechowskyj, Serbij Pywowarow*. Содогурский монетный двор возле Чернякова во время русско-турецкой войны (1771–1774) // *Pieniądz I wojna. Materiały z VI Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej*. Warszawa 2004. S. 179–184.
 5. См.: *Шишанов В. А.* К вопросу об обращении русских ассигнаций в губерниях, «от Польши присоединенных», на рубеже XVIII–XIX вв. // *Нумизматический сборник ГИМ*. Т. XVI. М., 2003. С. 281–288.
 6. Министерство финансов: 1802–1902 гг. Часть первая. СПб., 1902. С. 617, 621.
 7. Известно, что на конец января 1813 г. в Государственном и С.-Петербургском казначействах хранилось золотой и серебряной монеты лишь на 3,1 млн руб., включая золотые голландские червонцы (Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 27). Одновременно сумма всех ассигнаций в обращении превышала 645 млн руб.

В отличие от наполеоновских войск, где практиковалась расплата фальшивками, русскую армию решено было снабдить российскими бумажными деньгами, которые до этого времени имели хождение сугубо внутри Российской империи. По мнению современного исследователя, это был «единственный случай, когда был разрешен вывоз русских ассигнаций за рубеж»⁸. Притом это осуществлялось в период инфляционного бумажно-денежного обращения (которое не могло создать дополнительных трудностей), а также наводнивших денежное обращение многочисленных подделок⁹.

К сожалению, имеющиеся в исследованиях немногочисленные упоминания о хождении российских ассигнаций в период заграничной кампании русской армии 1813–1814 гг. носят характер краткой констатации факта или изложения отдельного, во многом случайно найденного документа¹⁰. Между тем, опыт обращения русских бумажных денег в Европе интересен своей уникальностью. Для этого была создана сеть так называемых «променных контор» Ассигнационного банка, благодаря которой была налажена конвертация бумажных билетов в серебряные талеры.

К тому времени ассигнации оставались не просто бумажными денежными знаками. В условиях, когда кредитные рынки Европы были закрыты для России, выпуск банкнот стал чуть ли не основным средством финансирования войны.

-
8. *Маршак М.Б.* Государственные финансы в первой половине XIX в. // История денежного обращения в России. Т. 1. М., 2011. С. 173.
 9. См.: *Маршак М.Б.* Наполеоновские подделки русских ассигнаций / Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 26. Нумизматика. № 6. Ленинград 1986. С. 50–64; *Квизикявичус А.* Обращение и распространение наполеоновских и других подделок русских ассигнаций в Виленской губернии в 1–2 дес. XIX в. // *Pieniądz – Kapitał – Praca – Wspólne dziedzictwo Europy. Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej.* Warszawa 2006. S. 188–192; *Грималаускайте Д.* Локализация места производства фальшивых ассигнаций И. Цейзика (1779–1860) и некоторые аспекты их распространения // *Pieniądz – Kapitał – Praca – Wspólne dziedzictwo Europy. Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej.* Warszawa 2006. S. 198–207.
 10. См.: *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1813 г. Часть 1-я. СПб., 1840. С. 55–56; *Орлов А.П.* Бумажные денежные знаки в Беларуси. Минск, 2008. С. 9; *Марней Л.П.* Д.А. Гурьев и финансовая политика в России в начале XIX в. М., 2009. С. 197–199; *Маршак М.Б.* Государственные финансы в первой половине XIX в. // История денежного обращения в России. Т. 1. М., 2011. С. 173.

С конца 1812 г. по конец 1815 г. их количество в обращении увеличилось почти на треть (28%, с 645,9 млн руб. до 825,8 млн руб.), а биржевой курс упал с 25,2 до 20 копеек серебром за условный бумажный рубль (самым низким номиналом ассигнаций в то время был пятирублевый денежный билет)¹¹. Манифестом от 9 апреля 1812 г. все платежи внутри России должны были производиться ассигнациями¹².

Именно ассигнациям как основной массе обращавшихся российских денежных знаков в правительстве придавали большое значение в деле снабжения заграничной армии – несмотря на исторически устойчивое предпочтение монете. Для их размена было первоначально решено организовать две променные конторы Ассигнационного банка: при штабе главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова и при армии адмирала П.В. Чичагова. Указ об их создании был дан лично императором Александром I 13 января 1813 г.¹³ Преамбула документа в духе ушедшего XVIII в. составлена как личное обращение царя вельможе: «Князь Михайло Ларионович! По вступлении армий наших в соседственные владения необходимо нужно, чтобы все монеты наши, не исключая и государственных ассигнаций, имели в оных свободное обращение»¹⁴.

Променные конторы первоначально учреждались для обмена ассигнаций «в том краю, где войска находятся», «для доставления способов чинам армии обменять ассигнации высшего достоинства на мелкие»¹⁵. Автоматически это означало внедрение ассигнаций в местные платежи.

Альтернативой этому в то время могли стать только реквизиции необходимых товаров на нужды армии. Одновременно

11. *Кашикаров М.П.* Денежное обращение в России Т. 1. СПб., 1898. С. 25.

12. См.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. Т. 32. № 25080. С. 280–282.

13. Там же. № 25315. С. 505–506.

14. Там же. С. 505.

15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8; ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25315. С. 505.

с изданием указа М.И. Кутузов обсуждал с бывшим прусским министром Генрихом Штейном (1757–1831) способы снабжения русской армии. Штейн писал, что «бесплатные реквизиции, истощая средства жителей, лишают их возможности вносить в казну подати, и потому должно прибегать к этому способу с большой умеренностью. Гораздо удобнее установить поставку запасов войскам за наличные деньги по определенным ценам»¹⁶.

Царский указ закрепил эту точку зрения. В приложенном к нему объявлении (которое следовало перевести и опубликовать на трех языках: русском, немецком и польском) говорилось о приеме «на законном основании» всех российских денежных знаков, включая монету. На них предполагалось закупать продовольствие для армии, для чего предполагалось закрепить цены на важнейшие продукты (как было сказано в документе, «обнародовать таксы всем жизненным припасам, как-то хлебу, мясу, пиву и проч.») и установить твердый курс местных валют к рублю. Этот список с фиксированными ценами называли «кутузовским тарифом»¹⁷.

По соглашению с прусским правительством за продовольствие, фураж и иные услуги, оказываемые русским войскам местными жителями, положено было уплачивать 20% суммы наличными деньгами, а остальную — квитанциями конторы. В Пруссии были учреждены специальные магазины: как между р. Неманом и р. Вислой, так и на самой Висле (в Ландсберге, Бреслау, Лигнице и Бунцлау¹⁸). Провиант в них поступал как из Пруссии, так и с территории Герцогства Варшавского¹⁹. Кроме того, временные магазины были в Кенигсберге, Инстербурге, Ангербурге (работали по 10

16. *Богданович М.И.* История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 148.

17. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 142.

18. Ландсберг (или Ландсберг-на-Варте, ныне Гожув Велькопольский, Польша), Бреслау (Вроцлав, Польша), Лигниц (Легница, Польша), Бунцлау (Болеславец, Польша).

19. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 36–37.

дней), Эльбинге, Мариенбурге, Мариенвердере, Браунсберге и Морунгене (работали по 5 дней)²⁰.

За основу соотношения между ассигнациями и серебряным рублем было взят паритет 4:1, отражавший средний курс бумажного рубля на С.-Петербургской бирже за 1812 год. Прусский талер (рейхсталер), исходя из серебряного содержания (16,7 г.) был приравнен к 93 серебряным копейкам. Исходя из этого, рубль серебром оценивался в один рейхсталер 6 грошенов и $16 \frac{7}{8}$ дихтена²¹. Соответственно, пятирублевая ассигнация оценивалась в один рейхсталеи 31 грошен и $3 \frac{3}{32}$ дихтена²².

Предполагалось выпустить в обращение ассигнации только трех достоинств: пяти-, десяти- и двадцатипятирублевые — «потому что они по разности цветов представляют лучшее между собой различие: 25-рублевые ассигнации суть белые, 10-рублевые — красные, а 5-рублевые — синие»²³.

В правительстве понимали, что одной из главных опасностей нового мероприятия могут стать многочисленные подделки русских ассигнаций. Поэтому в «Объявлении» предупреждалось о смертной казни за подделку денежных билетов — «по законам той земли, где войска российские находятся будут»²⁴.

Действительно, фальшивые ассигнации на заставили себя долго ждать. В начале 1813 г. они обнаружились на Вольни. В Бродах, за австрийской границей, в руки купца Пирхи попала 25-рублевая фальшивка²⁵, а затем похожие стали

20. Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 149.

Кенигсберг (ныне Калининград, Россия), Инстербург (Черняховск, Россия), Ангербург (Венгожево, Польша), Эльбинг (Эльблонг, Польша), Мариенбург (Мальборк, Польша), Мариенвердер (Квидзын, Польша), Браунсберг (Бранево, Польша), Морунген (Моронг, Польша).

21. Прусский талер (рейхсталер) приравнивался к 24 грошеном. Дихтен — монета, курс которой к рейхсталеру сначала составлял 30/1, а к 1813 г. — 52,5/1.

22. ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25315. С. 506.

23. Там же. С. 505.

24. Там же. С. 505.

25. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 4.

находить на российской стороне. Как удалось установить, «французы выпустили в Варшаве через посредство Дюка де Бассано и какого-то банкира Френкеля до 20 млн рублей ассигнациями, разослав их в разные места»²⁶. По поручению волынского губернатора Михаила Ивановича Комбурля (1761–1821), Пирха доставил образцы фальшивых ассигнаций – это были подделки денежных билетов в 5 руб., 25 руб., 50 руб. и 100 рублей – и за услуги осведомителя по ходатайству министра финансов был награжден золотой медалью на голубой ленте²⁷.

Гурьев распорядился усилить контроль на австрийской границе и предложил обратиться в Вену за помощью в этом вопросе, полагая, что К. фон Меттерних сделает все возможное. Но реальность брала верх, и, по мнению министра финансов, «самый бдительный надзор таможен останется иногда безуспешным по удобствам скрывать их (т. е. ассигнации. – А.Б.) в одежде и экипажах, особливо когда по причине пребывания войск за границами переезды людей и транспортов происходят, так сказать, беспрерывно»²⁸.

Министр финансов признавал, что еще не нашел действенного средства против подделок и в качестве возможной меры предлагал «переменить форматы ассигнаций»²⁹. «Но таковая операция требует времени, – писал Д.А. Гурьев графу А.А. Аракчееву, – с какой бы деятельностью ее не произвести. Нельзя полагать прежде года привести ее в действие – тогда, когда вред в полной мере будет исполнен»³⁰.

Между тем перед государем следовало быстро отчитаться за устройство контор. Поэтому спешно, уже 29 января 1813 г., была составлена инструкция по их деятельности и определен первоначальный капитал. Эту сумму в 2 млн руб. должен был

26. Там же. Л. 4.

27. Там же. Л. 4 об. – 6.

28. Там же. Л. 18.

29. Там же. Л. 13 об.

30. Там же.

выделить Ассигнационный банк³¹. Спустя два дня, первого февраля, были назначены директора контор³², что можно было считать началом их деятельности.

Ассигнации были главной заботой новых учреждений. В конторах должны были разменивать все пять номиналов обращавшихся ассигнаций; при этом крупные купюры в 50 руб. и 100 руб. подлежали размену, в то время как билеты в 5 руб., 10 руб. и 25 руб. обменивали на новые только в случае их ветхости³³. Поступившие ассигнации не должны были вновь попадать в обращение. Ветхие, как это делалось по правилам Ассигнационного банка, перечеркивались (исключение было сделано для крупных денежных билетов в 50 и 100 руб.); одновременно составлялся их реестр. Эти денежные знаки отвозились в Ассигнационный банк и поступали на обработку в Экспедицию для приема и ревизии ассигнаций.

Во избежание недоразумений конторам сразу запретили давать деньги взаймы — за исключением, если на то было представлено письменное разрешение главнокомандующего армиями. Именно перед ним, а не перед банком, она отчитывалась в своей деятельности. Заподозрив что-то неладное, он мог в любое время назначить ревизию сумм³⁴.

Министра финансов беспокоил, по его мнению, достаточно произвольно назначенный курс ассигнаций. В условиях продолжавшегося падения бумажного рубля это фактически означало курсовые потери. Тем более, что до Д.А. Гурьева дошли слухи, что один банкир в Бреслау (Вроцлав) работал с российской валютой не по установленному паритету, а по

31. Штат конторы предполагался из шести человек (включая директора), а ее устройство копировало променные конторы, существовавшие внутри империи (на 1813 г. в Российской империи существовало пять променных контор Ассигнационного банка: в Архангельске, Вышнем Волочке, Одессе, Рыбинске и Таганроге). Денежная наличность хранилась опечатанных закрытых сундуках, а само здание охранялось воинским караулом.

32. Директором променной конторы в Калише был назначен надворный советник Александр Иванович Бороздин (1780–1859), а при армии П.В. Чичагова — барон Карл-Фабиан (Карл Иванович) Унгерн-Штернберг (1762–?).

33. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8.

34. Там же. Л. 11.

текущему биржевому курсу³⁵. Гурьев хотел и вовсе запретить вывоз ассигнаций, но в правительстве признавали, что «вывоза на военные нужды невозможно избежать, пока банковые ассигнации не заменены будут другой монетой, и особенно звонкой»³⁶. Министр даже предлагал выпустить что-то вроде оккупационных денег («по сему предмету ведутся теперь переговоры с Англией») и учредить бумажные деньги на прусскую монету³⁷. Их можно было выкупить, заключив специальный заем, или на звонкую монету, «отдавая сию операцию до окончания войны», с выгодой для казны³⁸. Причем, как считал Гурьев, к этому выкупу должны были быть привлечены все союзные державы.

Однако Александр I не поддержал эту идею (видимо, в правительстве не сочли уместным экономить за счет обмана подданных союзной державы). Гурьеву ничего не оставалось, как произвести эксперимент с ассигнациями на землях Польши и Пруссии. Барон Штейн предупреждал Гурьева, что заграничная война уронит курс рубля и лучше, чтобы армия рассчитывалась местными деньгами³⁹. Не отрицая этих очевидных истин, Гурьев раздраженно писал А.А. Аракчееву: «Я должен откровенно признаться Вашему сиятельству, что все теоретические прения и споры столь много меня утомили, что я их всегда желаю избегать — особливо, когда опыт и практическое отправление дел научают довольно и очевидно»⁴⁰. Министр предвидел сложность уже на первом этапе, начиная от русскоязычных надписей на российских банковских билетах и дробного соотношения сумм при

35. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 15.

36. Там же. Л. 15 об.

37. Для этой цели Д.А. Гурьев предлагал ввести денежные билеты в 100, 200, 500 и 1000 талеров, приносившие их держателям по 5% в год, и каждые полгода выкупать 1/12 часть их общей суммы звонкой монетой. Для выкупа всех оставшихся в Европе ассигнаций (их сумма оценивалась в 50 млн руб.) в 1814 г. Д.А. Гурьев предполагал потратить 13 млн прусских талеров — что, по его мнению, сэкономило для русской казны 20 млн руб. (Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 142).

38. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 23.

39. Там же. Ч. 2. Л. 6 об., 9 об.

40. Там же. Л. 8.

обмене. Министр полагал, что пруссаки и поляки попросту будут питать «отвращение» к ассигнациям и при первом же случае будут предъявлять их к размену. А это, в свою очередь, еще больше понизит их биржевой курс⁴¹.

Наконец, все в больших количествах стали попадаться подделки, причем в самой Российской империи. Гурьев полагал, что большинство их происходит из сопредельных стран. Так, в присланном в Ригу денежном пакете, отправленном из Кенигсберга компанией Гигера, из 50 тыс. руб. 10 тыс. руб. оказались фальшивыми⁴². Фальшивки встречались даже при выдаче жалования российским офицерам и военным чиновникам.

Министр финансов справедливо опасался роста убытков по этой операции, о чем писал графу А.А. Аракчееву в С.-Петербург (4 февраля 1813 г.): «В нынешнем положении нашем при введении в действие сей операции встречается... умножение ассигнаций наших великим числом фальшивых, которое неприятель разлил не только в государстве нашем, но и в сопредельных землях. Средства же к защищению от сего зла весьма трудны во всех случаях... Признаюсь Вам, что сие до крайности меня озабочивает и что я еще не открыл ничего к тому удовлетворительного»⁴³.

В итоге Гурьев остановился на мысли создать целую сеть променных контор в Европе, которые могли бы стать фильтрами бумажной денежной наличности. Именно из-за участвовавших случаев обнаружения фальшивок министр финансов просил А.А. Аракчеева походатайствовать перед императором о скорейшем открытии таких учреждений, чтобы ассигнации из Пруссии и Польши напрямую не попадали в Россию⁴⁴.

41. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 19–22.

42. Там же. Л. 36 об.–37.

43. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I / сост. Н.Ф. Дубровин. М., 2006. С. 78.

44. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 36–38 об.

8 марта 1813 г., находясь в Калише (где тогда размещался штаб М.И. Кутузова)⁴⁵, император Александр I подписал порядок деятельности променных контор, основанный на идеях Гурьева. Они в скором времени были учреждены в трех городах – Берлине, Кенигсберге и Варшаве, причем в Кенигсберг была переведена бывшая контора при армии П.В. Чичагова⁴⁶. Вместе с уже существовавшей конторой в Калише (при штабе главнокомандующего) они обеспечивали циркуляцию в Пруссии и Польше русских бумажных денег. Две недели спустя, 26 марта (7 апреля по новому стилю) 1813 г. между Пруссией и Россией была заключена конвенция, согласно которой 25% от суммы поставок оплачивалось банковскими ассигнациями по курсу петербургской биржи, 37,5% – зерновым хлебом и столько же – квитанциями променных контор, «по коим платеж должен был последовать по заключении мира»⁴⁷. По королевскому эдикту, ассигнации должны были приниматься в правительственных кассах и населением наравне с прусскими деньгами⁴⁸.

В отличие от Пруссии, в Герцогстве Варшавском практиковались реквизиции, так как Польша управлялась как завоеванная страна, прежний союзник Франции⁴⁹. В прочих сопредельных государствах русским полковым командирам было приказано выдавать за получаемые товары квитанции (по фиксированным ценам «кутузовского тарифа»), однако на

45. В Калише штаб М.И. Кутузова и главная квартира императора Александра I размещались с 12 (24) февраля до 27 марта (8 апреля) 1813 года (*Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 68.*).

46. Директорами променных контор были чиновники Ассигнационного банка: варшавской – коллежский советник Лев Петрович фон Клейст, берлинской – барон Павел Иванович фон Дольст (1787–1831). Штат Варшавской конторы состоял из четырех человек: директора, кассира, письмоводителя и писца. Известно также, что в берлинской променной конторе работал Иван Иванович Ламанский (1794–1879), в будущем сенатор и директор Особенной канцелярии по кредитной части, отец известного экономиста и банкира Е.И. Ламанского (*Ламанский Е.И. Избранные сочинения / Сост. А.В. Бугров. М., 2005. С. 8.*).

47. *Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. Приложения, С. 5.*

48. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 2. Л. 53.

49. *Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 572.*

практике это не всегда выполнялось⁵⁰. М.Б. Барклай-де-Толли говорил о своих командирах: «Никто не хочет ожидать, пока дойдет до него очередь; многие стараются получить запасы силой»⁵¹.

Тем не менее, объемы закупок оставались значительными. Для обмундирования армии в Пруссии было закуплено 740 тысяч аршин сукна различных цветов, по ценам от 3 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп. за аршин⁵². А после взятия Лейпцига (19 октября (по новому стилю) 1813 г.) там было приобретено для армии 100 тысяч пар сапожного товара⁵³.

О том, как работали конторы, наглядно показывают сохранившиеся архивные материалы по деятельности таковой в Варшаве⁵⁴. На внесенную для перевода суммы, которые обязательно отражалась в книге конторы, на гербовой бумаге выписывалась квитанция, которой присваивался индивидуальный номер. О ней уведомляли одну из казенных палат, где по требованию вносителя деньги получал оговоренный бенефициар или его представитель. Эти платежи могли производиться в С.-Петербурге, Гродно, Вильно или Риге, причем вноситель мог выбрать только один из этих городов. Непосредственный же ввоз в Россию ассигнаций был запрещен во избежание подделок (за их нелегальный провоз винные привлекались к военному суду)⁵⁵.

Судя по сохранившимся материалам по Варшавской променной конторе, ее клиентами были как местные коммерсанты, так и российские офицеры, причем первые – в большей степени. При этом практически все они требовали перевода на петербургскую казенную палату. Так, польский купец Карл Ган 11 июля 1813 г. представил к переводу

50. Там же. С. 142.

51. Там же. С. 142 – 143.

52. *Богданович М.И.* История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 140–141.

53. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 142.

54. См.: РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. С. 31–190 и др.

55. РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 10–11.

10 тыс. руб. ассигнациями и получил квитанцию (под номером 104139) о выдаче этой суммы в северной столице; деньги по ней получил артельщик купцов Мейера и Бриксенера, из сумм Ассигнационного банка⁵⁶.

Особенно часто переводил деньги в Петербург варшавский банкир Самуил Френкель, связанный партнерскими отношениями с предпринимателем Людвигом Ивановичем Штиглицем (1778—1843), впоследствии придворным банкиром. За раз Френкель мог переводить по несколько десятков тысяч, и даже суммы более ста тысяч рублей⁵⁷. Гораздо скромнее были переводы других коммерсантов: «векселяров» (банкиров) Вольфа-Михеля Кона, Исаака-Симона Розена, варшавских купцов Мартина Якоби, Морица Самельзона, Габриэля Берксона, Герша Якоба и др. Видимо, большинство этих лиц были связаны со снабжением русской армии.

Если в контору приносилась фальшивка, то о ней составлялся доклад главнокомандующему. Квитанции за нее не полагалось, а сам денежный знак изымался у предъявителя⁵⁸. Платеж по ней мог быть произведен только с разрешения главнокомандующего, «когда усмотрено будет, что фальшивая ассигнация принята незаведомо и не с намерением и что лишение оной было бы отяготительно по состоянию предъявителя» (в отличие от такого порядка, в самой Российской империи поддельные ассигнации оплачивались банком)⁵⁹.

О том, настолько большие суммы отпускались в армию, могут говорить расходы по Военному департаменту, которые в первом квартале 1813 г. составили 12,3 млн руб.⁶⁰ Всего, как признавал Д.А. Гурьев, за 1813 г. за границу на нужды армии было выпущено до 70 млн руб., из которых 20 млн руб. было

56. РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. Л. 31—35.

57. Там же. Л. 74, 75, 89, 124, 132, 142, 149, 158, 171, 191, 238, 240, 245.

58. Фальшивки перечеркивали крестообразно и отправляли в Правление Ассигнационного банка.

59. РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 11—11 об.

60. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 88—89.

переведено конторами обратно в Россию⁶¹. Из-за нехватки ассигнаций командующему армией М.Б. Барклаю-де-Толли он хотел выслать даже казначейские облигации (на 6 млн руб.), однако «почти все сии облигации остались без употребления» и были возвращены назад, в Министерство финансов⁶². В конце концов, Гурьев нашел возможность снабдить армию, продвигавшуюся по Саксонии и в другие германские земли, хотя бы частично местной монетой — с помощью «кредитива» (тратты) на 200 тыс. руб.⁶³

После битвы при Лейпциге (16–19 октября 1813 г.) и отступления Наполеона I за Рейн снабжением русской армии ведала особая комиссия под председательством К. фон Меттерниха. На променные конторы были возложены «прием и хранение сумм на содержание действующей армии потребные, равно и отпуск оных»⁶⁴. Квитанции на получение денег (жалованье и т.п.) могли теперь обналичивать сами конторы (без их пересылки в Российскую империю), если на то имелось распоряжение царя или главнокомандующего⁶⁵. Земли созданного Наполеоном Рейнского союза были обложены контрибуцией в 17 млн гульденов (около 10 млн руб. серебром); под залог этой суммы были выпущены 6%-ные облигации (из которых Россия, Австрия и Пруссия получили по $\frac{5}{16}$ всей номинальной суммы облигациями, а Швеция — $\frac{1}{16}$)⁶⁶. Этими бумагами оплачивались поставки для армии. Продовольствие закупалось, исходя из потребностей, закрепленных в ежедневном рационе. Так, нижние чины русской

61. Там же. Часть 3. Л. 58 об.; *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 141; *Сивков К.В.* Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество. Т. 7. М., 1912. С. 132.

62. РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 52.

63. Там же. Часть 2. Л. 8–8 об.

64. Там же. Часть 3. Л. 19 об.

65. Так было, например, в случае с Берлинской променной конторой, квитанции на которую были выписаны в Калише по распоряжению главнокомандующего М.Б. Барклая-де-Толли (См.: РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 638. Л. 1–3.)

66. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 323.

армии ежедневно получали два фунта⁶⁷ ржаного или белого хлеба, $\frac{1}{4}$ фунта крупы (или фунт картофеля и других сырых овощей), полфунта говядины, порцию водки (или пива), и на месяц один фунт соли; офицеры – два фунта белого хлеба, четверть фунта крупы, два фунта говядины и порцию водки, пива или вина⁶⁸.

Впрочем, военные не всегда расплачивались даже такими суррогатами. Известно, что граф Михаил Семенович Воронцов (в будущем кавказский наместник, более известный по едкой эпиграмме А.С. Пушкина) заплатил более 1,5 млн руб. ассигнациями за офицеров оккупационного корпуса, которым он командовал в Мобеже⁶⁹. По признанию современника, это несколько расстроило его большое состояние, которое он вскоре приумножил благодаря выгодной женитьбе⁷⁰.

Вообще, иностранцы крайне неохотно соглашались получать платежи бумагой. По воспоминанию участника заграничной компании Александра Ивановича Михайловского-Данилевского (1789–1848), «одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать русских, а другие утверждали, что собственные их войска будут скоро претерпевать голод... Прибыл в Вену нарочный генерал из Штутгарта объявить решительно об отказе своего правительства продовольствовать русских. Баварцы делали всех более затруднений; один из министров их писал: “В последние войны пожертвования Баварии были так для нее обременительны, что, не установив точных условий на счет возврата денег за поставку продовольствия, нет возможности требовать от нее какого-либо пособия при проходе русских войск”»⁷¹.

67. Русский фунт – 409,5 г.

68. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 323.

69. *Соллогуб В.А.* Воспоминания. М., 1998. С. 184.

70. Его женой стала Елисавета Ксаверьевна Браницкая (1792–1880), племянница князя Г.А. Потемкина.

71. *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки 1814 года. СПб., 1831. С.153–154.

Когда русская армия возвращалась из-за границы, контролировать провоз ассигнаций военными было очень сложно. Поэтому Гурьев предложил комитету министров (26 июня 1814 г.) снять этот бессмысленный, по его мнению, запрет. Лишь ассигнации крупных номиналов, среди которых, как считали, немало подделок, следовало сдать корпусным командирам — в течение трех дней после специального распоряжения (если такие билеты оказывались подлинными, они возвращались владельцу, в то время как «сомнительные» оставались в Ассигнационном банке)⁷².

Помимо бумажных рублей полки, квартировавшие во Франции, привозили иностранную «звонкую» монету (наполеондоры, экю, прусские талеры, луидоры, гинеи и др.), которые в 1820 г. разменяли по курсу на ассигнации. Это золото и серебро передали на Петербургский монетный двор, где оно стало сырьем для чеканки российской монеты⁷³.

Что касается квитанций контор, то, очевидно, что их в большом количестве могли предъявить прусские подданные. Учитывая, что прусского короля Фридриха-Вильгельма с императором Александром I связывала личная дружба, можно предположить, что расчеты за поставки были урегулированы без особых осложнений — тем более, что по условиям договора от 1 ноября 1815 г. побежденная Франция пять лет обязалась выплачивать тяжелую контрибуцию своим бывшим противникам⁷⁴. Известно, уже в начале 1815 г. променные конторы при штабе армии и в Кенигсберге прекратили свою деятельность⁷⁵. Варшавская контора работала дольше, до мая 1815 г., когда на основании специального положения комитета министров (от 11 мая 1815 г.) переводы ассигнаций через нее были прекра-

72. РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 15–17 об.

73. Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 792. Л. 1–16.

74. В 1818 г. этот французский долг иностранным державам простирался до 1390 млн франков (Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 280.)

75. Об этом свидетельствуют послужные записи по директорам контор, в частности, по директору променной конторы при армии П.В. Чичагова барону К.И. Унгерн-Штернбергу (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 2. Л. 7–7 об.).

щены. Вместо этого был разрешен свободный провоз и пересылка российских бумажных денег из Герцогства Варшавского (получившего в том же году наименование Царства Польского, главой которого стал Александр I) в пределы империи⁷⁶. Одновременно в результате военных расходов биржевой курс бумажного рубля достиг минимума за всю историю ассигнаций: за «синенькую» (так называли пятирублевый билет) давали лишь один «целковый» (серебряный рубль)⁷⁷.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список с инструкции, данной от министра финансов полевой променной конторе, учрежденной при главной квартире господина главнокомандующего армиями директору надворному советнику Бороздину⁷⁸, 1813 г.

Инструкция регулировала деятельность променной конторы Ассигнационного банка, учрежденной в Калише в 1813 г., для оплаты военных поставок и изъятия фальшивых ассигнаций. Копия документа сохранилась в Российском государственном историческом архиве (Фонд 1409. Опись 1. Дело 724. Часть 1-я. Листы 58–61). Публикуется впервые; орфография и пунктуация осовременены.

В рассуждении существующего запрещения на провоз из-за границы в пределы России государственных банковых ассигнаций Его Императорское Величество для облегчения свободного обращения тех ассигнаций в том краю, где войска наши находятся, высочайше повелеть соизволил объ-

76. ПСЗ. Собрание первое. Т. 33. СПб., 1830. № 25844. С. 121.

77. Кашкаров М.П. Денежное обращение в России Т. 1. СПб., 1898. С. 25.

78. Александр Иванович Бороздин (1780–1859), надворный советник. Из дворян, владелец имения в Псковской губернии. С 1808 г. — директор Ассигнационного банка. Первого февраля 1813 г. назначен директором променной конторы в Калише, при главной квартире главнокомандующего армиями М.И. Кутузова.

явить всем тамошним жителям, что желающие переводить их в Россию могут представлять их во всякое время в одну из учрежденных при армиях променную контору с объявлением, в котором из пограничных городов — в Гродне, Вильне и Риге, или же в Санкт-Петербурге — желают они получить вносимую ими сумму. Контора ж немедленно выдает предъявителю квитанцию по установленной форме в получении оной.

К исполнению сей высокомонаршей воли предписываю Вам:

1-е. Ежели кто из желающих переслать в пределы России государственные ассигнации представит оные в променную контору при объявлении, по форме здесь приложенной, то, не медля нимало, принять их от него на пересчет и в принятой сумме выдать квитанцию сообразно форме, при сем имеющейся, с означением в ней казенной палаты того из вышеупомянутых города, в котором внесенную в контору сумму получить намерен.

2-е. Когда при приеме ассигнаций найдутся между ними фальшивые, то их оставлять в конторе и в то же время доносить о том господину главнокомандующему с означением лица, от кого поступили и на какую сумму. За оказавшиеся же настоящие выдавать квитанцию.

3-е. При таком переводе оказывающиеся фальшивые ассигнации ни в каком случае не должны быть платимы настоящими — и потому доставлять их при перечеркивании крестообразно, при номерации в правление государственного Ассигнационного банка, для хранения с подобными им, впредь до общего о них положения, донося и мне о количестве оных, и у кого и сколько их остановлено.

4-е. Из принятых настоящих ассигнаций сто- и пятидесятирублевые отправлять из конторы ко мне, в замену той суммы, какая из палат переводителям будет выдана, а прочие, как-то двадцатипяти, десяти-и-пятирублевые, которые имеют там свободное обращение, оставлять в

конторе на мою диспозицию, для чего открыть им в книге особый счет.

5-е. По выдаче квитанции, на какую палату приноситель пожелает, уведомлять оную о том с первой почтой, с означением месяца, числа, года, под каким номером и на какую сумму та квитанция выдана.

6-е. Во избежание подлога в квитанциях прилагаемую у сего для письма оных бумагу хранить самим Вам, господину директору, секретнейшим образом, не давая понятия о ней даже и служащим в конторе чиновникам, а паче оставлять втайне означенные на оной номера; когда же понадобится изготовить на внесенную сумму квитанцию, то брать один лист по произволению Вашему и поступать с ним, как сказано в первом пункте о выдаче квитанции; и когда усмотрите, что бумаги будет недостаточно – то доносить мне (которую Вы после получите).

7-е. Внесенные для перевода суммы должны быть записаны в книге приходом – а посему прибавлять тут же в статье, что окажется, т. е. насколько суммой настоящих и насколько фальшивых ассигнаций; также под каким номером выдана квитанция, – и под сей статьей брать в получении ее от приносителя расписку, которая будет удостоверением ему как в том, на какую сумму получил он из конторы квитанцию, так и в том, сколько осталось в конторе фальшивых ассигнаций, для которых сия расписка послужит очисткой, что не более внесено к ней ассигнаций, как на то число, на какое дана квитанция, и сколько действительно оставлено у ней фальшивых ассигнаций; после чего нужно уже будет приносителям требовать на сии оставленные фальшивые ассигнации особых от конторы расписок.

8-е. Когда понадобится, конторе отправлять от себя ассигнации, оставленные ей по переводам, или вступившие по обмену на основании первой инструкции, то обязаны Вы испрашивать на сие дозволение от господина главнокомандующего; и если таковая пересылка ассигнаций сделана будет через ведомство почтамта – в таком случае, во избежание

между казной излишних расчетов отсылать их без платежа страхового сбора.

24 марта 1813 г.

[Примечание:] Таковая ж инструкция дана и директору полевой променной конторы, учрежденной при армии на правом фланге коллежскому советнику барону Унгерну⁷⁹.

79. Карл-Фабиян (Карл Иванович) Унгерн-Штернберг (1762–?), барон, надворный советник. Из остзейских (немецко-прибалтийских) дворян, представитель герцогского мекленбург-шверинского двора. С 1808 г. – директор Ассигнационного банка. Первого февраля 1813 г. назначен директором променной конторы банка, находившейся при армии П.В. Чичагова; за труды в этой должности награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

А.В. Мамаев¹

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.²

В статье изучаются финансовые аспекты и особенности развития муниципального хозяйства России накануне революции 1917 г. Анализируются особенности доходной базы и расходов бюджета, вопрос о муниципальных займах. Автор приходит к выводу, что финансовое положение городов нуждалось в улучшении, требовалась перестройка финансовой базы, устранение диспропорций, в то же время выявилась неготовность государства к решению городских проблем, несоответствие действительности запросам и ожиданиям городского общества.

Ключевые слова: Россия, город, начало XX в., городское хозяйство, муниципальные финансы, городской бюджет.

Имплантиция в России заимствованного с Запада института городского самоуправления сначала при Екатерине II, а затем в годы Великих реформ фактически означала признание со стороны самодержавия принципа автономности локальных сообществ, для начала в решении дел местного значения, хотя и под присмотром со стороны верховной власти.

Институт городского самоуправления стал важным элементом, проводником бурного процесса вестернизации России и перехода от традиционного к современному обществу в конце XIX – начале XX в. Особенность института состояла в том, что он имел довольно гибкую форму, которая наполнялась конкретным содержанием постепенно, по мере разрушения в городах традиционного общества и становле-

-
1. Андрей Владимирович Мамаев – к.и.н., старший научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.
 2. Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект 15-31-01234 «Финансовая система городского самоуправления в России в начале XX века: проблема реформирования»).

ния общества современного типа, в ходе процесса урбанизации, резко повысившего значение городов в жизни страны. Города становились участниками как публично-правовых, так и частно-правовых отношений: организовывали предприятия, заведения сферы услуг, занимались улучшением городского благоустройства, заботой о пожарном, санитарном, продовольственном состоянии городов, осуществляли культурные мероприятия, развивали сферы образования, здравоохранения. Постепенно роль муниципалитетов в обществе усложнялась, росло число муниципальных работников.

Институту городского самоуправления за почти 50 лет с момента создания удалось добиться качественных улучшений в хозяйстве, однако этот же полувековой опыт продемонстрировал и серьезные недостатки. В сфере компетенции и принципов формирования дум недовольство в обществе вызывали, прежде всего, избирательная система и правительственный надзор. Также отмечалось несовершенство организации управления хозяйством и ограниченность функций муниципалитетов. Требование демократизации самоуправления стало одним из пунктов, сталкивавших самодержавие и сторонников модернизации управления.

Одной из ключевых проблем в муниципальной сфере накануне революции стал вопрос об улучшении финансового положения городов, тесно связанный с нарастающей в обществе потребностью ускоренного развития городского хозяйства, совершенствования управления, повышения авторитета органов самоуправления. Анализ состояния муниципальных финансов помогает выявить проблемы и особенности, наблюдавшиеся в городском хозяйстве России накануне революции.

Городские доходы

Городовое положение 1892 г., действовавшее к началу 1917 г., предоставило общественным управлениям ограниченную налоговую базу: оценочный сбор с недвижимых имуществ, с промысловых свидетельств, с заведений трактирного

промысла и пивных лавок, с извозного и перевозного промыслов, с лошадей, экипажей, велосипедов и собак. В пользу городов поступали разного рода пошлянные сборы: актовый, адресный, за клеймение и употребление мер и весов, с аукционных продаж, за стоянку судов, за проход и проезд по городским сооружениям. Некоторым городам было разрешено взимать больничный и канализационный сборы³. В 1912 г. был принят закон, сокративший расходы на содержание правительственных учреждений, а в 1913 г. городам была предоставлена 1/8 часть государственного налога на городскую недвижимость. Права самостоятельно вводить новые налоги города не имели.

В муниципалитетах концентрировалась лишь небольшая часть общего объема средств, сосредоточенного в руках органов публичной власти России. По данным на 1909 г., расходы российских городов без Польши составили 180,883 млн руб., т.е. примерно 7% от государственного бюджета (с учетом Польши (данные за 1910 г.) – 7,5%)⁴, на 1913 г. расходы городов (без Финляндии) составили 297 млн 060 тыс. 90 коп., или примерно 9,1% от государственного бюджета, процент земства был ненамного больше (на 1913 год – около 10% от государственного бюджета)⁵. При этом, как отмечал Л.А. Велихов, в Англии в начале XX в. местный бюджет почти равнялся государственному⁶. В абсолютном значении доходы российских городов росли ежегодно на 7–12%: так, в 1909 г. рост составил 7,6%, в 1910 г. – 10,5%, в 1913 г. – 12,7%⁷.

В муниципальных финансах российских городов наблюдались значительные диспропорции, отражавшие степень развития городского хозяйства. Так, бюджет каждого из двух

-
3. Городовое положение 1892 г. Ст. 127, 135, 136 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XII. № 8708. (С. 430–456).
 4. Календарь-справочник городского деятеля на 1912 год. Составил Б.Б. Веселовский. Спб., 1911. С. 127.
 5. Там же. С. 33.
 6. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. М.–Лг., 1928. С. 405.
 7. Календарь-справочник городского деятеля на 1915 год. СПб, 1914. С.35.

столичных городов — Москвы и Петербурга — в 1912 г. составляла около 43,5 млн руб., в 4,5 и более раз превосходя бюджеты других крупных городов, а 33 российских города с самым большим бюджетом, составлявшие 4,3% от числа городов, где действовало Городовое положение 1892 г., концентрировали в себе 67,7% от общей суммы бюджета городов⁸.

Расходы российских муниципалитетов в расчете на 1 горожанина различались в разы. В 1912 г. в городах Европейской части России, где было введено Городовое положение 1892 г., на каждого жителя приходилось в среднем 12 руб. 92 коп. муниципальных трат, в то время как в Москве — 29 руб. 29 коп., в Петербурге — 23 руб. 38 коп. Города, где Городовое положение не действовало, в среднем могли расходовать на каждого жителя гораздо меньше — 8 руб. 27 коп. По информации Л.А. Велихова, в Англии в начале XX в. на горожанина в среднем падало около 30 руб. муниципальных расходов, в Пруссии — около 25 руб.⁹

Чем крупнее был российский город, тем, по общему правилу, большая сумма бюджета приходилась на одного жителя. Если в городах с населением более 1 млн человек на каждого человека в среднем приходилось 26 руб., то в городах, насчитывающих от 400 тыс. до 1 млн горожан — 13 руб. 60 коп., в городах с населением от 50 до 100 тыс. человек — 10 руб. 76 коп., от 25 до 50 тыс. — 9 руб. 5 коп., от 10 до 25 тыс. — 6 руб. 40 коп. В городах, в которых проживали менее 2 тыс. человек, на каждого жителя приходилось лишь 5 руб. 23 коп.¹⁰ Данные показывают, что наиболее значительное влияние на жизнь горожан оказывало развитое хозяйство столичных муниципалитетов, отставание губернских городов было качественным, а городское хозяйство во многих небольших, как правило, уездных и безуездных городах, находилось в зачаточном состоянии.

8. Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженность городских поселений на 1912 год. Стат. отделение департамента окладных сборов Министерства финансов. Пг., 1917. С. XXXI.

9. Велихов Л.А. Ук. соч. С. 405.

10. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. XXVIII—XXX.

Диспропорцию в величине расходов разных по размеру городов можно объяснить особенностями доходной базы муниципальных бюджетов. Доходы налогового характера составили в городах с Городовым положением лишь 21,5% бюджета, без Городового положения – 34%, в то время как в земских бюджетах на долю налоговой составляющей приходилось 71,1% доходов. Более половины (54,7%) всех муниципальных поступлений в 1912 г. получалось от городских сооружений и предприятий (31%), получивших развитие в основном в крупных городах, и в виде различных пособий городам и возврата расходов (23,7%). Доходы от городского имущества и оброчных статей давали 17,8% бюджета, сбор с недвижимых имуществ – 14,2%, сбор с торговли и промыслов – 5,8%, различные пошлины – 1,7%, остальные сборы – с лошадей, экипажей, собак, зачеты и различные другие мелкие поступления принесли 5,8% от общей суммы дохода¹¹.

Важнейшими источниками поступлений в бюджеты городов накануне революции 1917 г. являлись оценочный сбор и доходы от городских предприятий и имуществ. Городское имущество, без учета предприятий, приносило городам с Городовым положением в среднем 18,8% бюджета, без Городового положения – 9,1%, причем, чем меньше был город, тем большая часть его бюджета формировалась за счет муниципальной собственности. Если в городах с населением свыше 1 млн жителей показатель составлял 6,3%, то в городах от 100 до 200 тыс. человек – 27,8%, в городах от 5 до 10 тыс. жителей – уже 44,2%. Около 60% доходов с муниципального имущества составляли поступления с городских земель, доходы от зданий составляли 32,4%, от рыбных ловель, перевозов, за стоянку судов – 3,1%, остальное давали проценты с запасного капитала и текущих счетов¹².

Для муниципальных предприятий была характерна иная тенденция: значительные доходы от них получали более круп-

11. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. XXXII.

12. Там же. С. XLIII – XLV.

ные города. В Москве и Санкт-Петербурге к 1909 г. муниципальные предприятия приносили 49,2% доходов всего бюджета, в нестоличных городах с бюджетом свыше 2 млн руб. доля городских предприятий в общих муниципальных доходах сокращается до 32,7%, в городах с бюджетом от 0,5 до 1 млн руб. — до 23,4%, с бюджетом от 300 до 500 тыс. руб. — до 16%, от 100 до 300 тыс. руб. — до 12,1%, от 25 до 50 тыс. руб. — до 6,7% от общих годовых поступлений в бюджет¹³. Несмотря на почти абсолютное господство принципа муниципализации, как отмечал муниципальный деятель, депутат Госдумы Л.А. Велихов, около трети городов почти не имели доходного имущества¹⁴.

К 1912 г. доля городских предприятий в доходах городов, особенно крупных, еще более возросла: в столичных городах с населением более 1 млн человек она составила 58%, в городах от 400 тыс. до 1 млн человек — 28,8%, от 100 до 200 тыс. человек — 22,2%, от 50 до 100 тыс. человек — 17,5%, от 25 до 50 тыс. человек — 15,2%, от 10 до 25 тыс. человек — 9%, от 5 до 10 тыс. — 5,7% от общей суммы бюджета¹⁵.

Среди предприятий наиболее крупные доходы городам приносили городские железные дороги (т. е. трамваи) и шоссе, а также концессии на их эксплуатацию — в среднем 12,5% от бюджета (однако если не учитывать Петербург и Москву — только 1,4% городского бюджета), водопроводы — 6,3%, скотобойни — 3,4%, электрические станции — 2,6%, предприятия по удалению нечистот (канализация, ассенизационные обозы, мусоросжигательные станции) — 2%, в целом по городам с Городовым положением муниципальные предприятия принесли 32,2% доходов бюджета, ожидаемые чистые доходы, за вычетом расходов на содержание предприятий, составляли 18,4% бюджета¹⁶.

13. Календарь-справочник городского деятеля на 1914 г. СПб, 1914. С. 51.

14. Велихов Л.А. Ук. соч. С. 407.

15. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. XXXIV.

16. Там же. С. XXXV—XXXIX.

Наиболее значительными расходы на содержание муниципальных предприятий в 1912 г. были в столицах: в среднем 27,7% бюджета, в городах с населением от 100 тыс. до 1 млн человек – около 10–12%, от 25 до 100 тыс. человек – около 8% бюджета, от 10 до 25 тыс. – 4,7%, от 5 до 10 тыс. – лишь 2,5% бюджета, однако показатель сильно варьировался в разных городах, так, Чернигов тратил на городские предприятия 28% бюджета, Псков – 27,6%, Вятка – 24,8%, т.е. почти как в столицах¹⁷.

Прогрессивные течения в муниципалитетах, отстаивая интересы широких масс обывателей, считали правильным отказаться от использования городских предприятий как источника дохода, поэтому стремились сохранять низкие тарифы и ограничивать чистую прибыль. В связи с этим важным источником поступлений оставался оценочный сбор с домовладельцев. Он в 1912 г. принес городам, где действовало Городовое положение 1892 г., 13,2% доходов бюджета, городам без Городового положения – 22,5% бюджета. В городах до 200 тыс. жителей с Городовым положением оценочный сбор приносил от 10 до 12% доходов, в городах с более чем 200 тыс. человек составлял 14–17%. В большинстве городов с Городовым положением – 78,9% – оценочный сбор считался по ценности недвижимости, в 16,5% – по доходности, в 4,6% – смешанным способом¹⁸.

От уплаты оценочного сбора были освобождены казенные здания, помимо городского сбора с имущества взимались аналогичные сборы в пользу государства и земства¹⁹. Закон от 1910 г. о государственном обложении городских недвижимостей привел, фактически, к росту сумм, собиравшихся с домовладельцев в пользу госказны, в 3 раза. А земства на основе собственных оценок могли облагать недвижимость городов, входивших в их состав, без каких-либо ограничений в ставках. При этом размер оценочного сбора в пользу

17. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. LIV – LV.

18. Там же. С. XLV – XLVI.

19. Петров М. Городское управление накануне революции // Городское дело. 1918. № 2. С. 44.

городских самоуправлений был ограничен 1% от ценности имущества либо 10% от доходности. Большинство гласных цензовых дум были домовладельцами, поэтому стремились уменьшить свои выплаты в ущерб городским финансам. По данным Л.А. Велихова, около 50% дореволюционных городских самоуправлений не доводили оценочный сбор до предельной нормы, городские оценки имущества, как правило, были чрезмерно низкими²⁰. Так, из 15 уездных городов Московской губернии лишь в 10 городах к началу 1917 г. оценочный сбор был доведен до максимума, в 1 городе он составлял 80% от предельной нормы, в 1 – 70%, в 3 – 60%²¹. Подсчеты департамента окладных сборов на 1912 г. показали, что обложение достигало предельных норм, установленных законом, в 529 городах (68,9%), во многих других оно было близким к предельному²².

При постоянном росте стоимости городской недвижимости и инфляции переоценка иногда не производилась десятилетиями. По данным Министерства финансов на 1912 г., облагаемая налогом доходность недвижимости, исчисленная городскими управлениями, оказалась ниже казенной оценки, используемой для взимания государственного налога на городскую недвижимость, на 42,8%²³.

У домовладельцев зачастую имелась возможность переложения суммы оценочного сбора в виде платы за аренду жилья на квартиронанимателей, съемщиков комнат. Формально прямой налог, взимаемый с одной группы горожан, оборачивался косвенным сбором с другой части населения. В то же время домовладельцы, не имевшие квартирантов, вынуждены были платить оценочный сбор из своего кармана. Особенно тяжким это было для престарелых и тяжелобольных собственников, не получавших со своих домов доходов и не имевших

20. Велихов Л.А. Ук. соч. С. 407–409.

21. Голицынская Е. Финансы уездных городов Московской губернии // Известия Всероссийского союза городов. 1917. Август – сентябрь. № 47–48. С. 16–17.

22. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. XLVI–XLVII.

23. Там же. С. XLVI–XLVII.

возможности зарабатывать деньги трудом. Повышение оценочного сбора было весьма противоречивой, неоднозначной мерой. Во время мировой войны после решения правительства заморозить плату за наем жилья собственники недвижимости лишились формальной возможности перекладывать прямые налоги на плечи квартиронанимателей, поэтому на повышение оценочного сбора реагировали болезненно, поднимали плату неофициально, под угрозой выселения жильца.

Сборы с промысловых свидетельств и остальные мелкие сборы и пошлины играли сравнительно незначительную роль в городских доходах, составляя в разных городах от 2 до 11% бюджета. Из среднего показателя в 5,9% в городах с Городовым положением промысловые свидетельства и личный промысловый налог приносили 1,5% бюджета, заведения трактирного промысла и пивные лавки – 2,5%, извозный промысел – 0,6%, прочие сборы – 1,3%²⁴.

От казны в 1912 г. города с Городовым положением получали в среднем 6,5% от средств бюджета, свидетельствуют данные департамента окладных сборов. Причем из этих сумм пособия на нужды образования, которые выдавались городам с 1907 г. с целью введения всеобщего трехлетнего обучения, составляли только 18,1%, пособия на прочие цели: санитарные нужды, устройство мостов, дамб, мостовых, возмещение за прием госналога с городской недвижимости – 11,9%. Остальные средства от казны являлись возмещением расходов на общегосударственные цели: почти половина (48,4%) представляла собой возмещение за расквартирование войск, 10,4% – содержание полиции, 11,2% – возмещение сбора с патентов²⁵.

В раздел пособий городам и возврата расходов входят также поступления из прибылей городских общественных банков: в 1912 г. – 1,1% бюджета, плата за лечение (встречавшаяся в сметах 147 городов) и больничный сбор (существовавший только в 12 городах с Городовым положением

24. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. XLVIII–XLIX.

25. Там же. С. XLII.

и 4-х без него), которые давали 1,5%, плата за обучение в городских учебных заведениях — 0,4%, сборы с домовладельцев (на устройство мостовых и тротуаров, содержание трубочистов, ночных караулов), приносившие 0,3%, пособия от земств — 0,3%. Из специальных средств города, где действовало Городовое положение 1892 г., формировали 10,8% бюджета, в том числе поступления от займов, предназначенные для расходования в данном году, составляли 7,7% бюджета, отчисления из запасного и специальных капиталов — 3,1%. К займам в 1912 г. прибегли 23,8% городов с Городовым положением и 3,1% — без Городового положения²⁶.

Свою роль в недоборе доходов играл плохой учет налогооблагаемой базы. Так, проведенная в 1906 г. перепись предметов налогообложения в Петербурге показала, что торгово-промышленных заведений в городе было на 9% больше, чем зарегистрировано в городской управе, лошадей — на 25% больше, собак — на 75%, автомобилей — на 54%²⁷. По свидетельству Л.А. Велихова, в Петербурге влиятельные гласные воздействовали на оценочные комиссии, добиваясь пониженной оценки их домов, в итоге недвижимость представителей стародумцев была оценена на 50-100% ниже, чем такая же собственность прогрессистов²⁸.

Муниципальная налоговая система все меньше соответствовала принципу справедливости, зачастую чрезмерно облагая тех, чьи доходы и так были невелики, и оставляя вне своего внимания горожан, получавших значительную прибыль, например квартиросъемщиков, получавших доходы от акций, облигаций, высокооплачиваемой работы. Кроме того, она отличалась непропорциональностью: если более развитые и населенные города могли получать значительные суммы с оценочного сбора, земель, городских строений, предприятий, был более или менее налажен муниципальный кредит,

26. Там же. С. ХLI.

27. Сухорукова А.С. Петербургская дума и городское хозяйство в начале XX века (1900 — 1914 гг.) // Петербургская городская дума, 1846—1918. СПб.: Лики России, 2005. С. 207.

28. Велихов Л.А. Ук. соч. С. 409.

то в более патриархальных, слабо затронутых урбанизацией городах оценочный сбор с доходности или ценности имущества не мог быть значительным, городских предприятий, как правило, было гораздо меньше, а существенные суммы займов привлечь было существенно сложнее.

Можно предположить, что на муниципальные доходы благотворное воздействие оказали бы усовершенствование налоговой системы и устранение диспропорций: повышение доли общественно-правовых доходов за счет введения новых прямых налогов, основанных на обложении всех горожан. Учитывая высокую значимость в бюджетах городов частно-правовых доходов: поступлений от предприятий, имуществ, – важным способом увеличения доходов могли бы стать создание новых предприятий, целенаправленная и грамотная политика по сдаче в аренду, в концессию имущества. Возможности получения доходов путем косвенного обложения были ограничены тем, что оно падало, прежде всего, на бедное население. Важным условием повышения доходов было увеличение благосостояния общества, прекращение затяжной и очень затратной войны.

Определенные перспективы улучшения муниципальных финансов вырисовывались в связи с введением с 1917 г. общегосударственного подоходного налога, часть которого представители общественности предлагали отдать городам. В проекте реформы Городового положения, подготовленном в 1916 г. МВД, предусматривалось сокращение числа недвижимых имуществ, изъятых от обложения оценочным сбором, введение дополнительного сбора с недвижимости, с прироста ценности недвижимости, квартирного сбора и ряда более мелких. Комиссия Госдумы по городским делам предлагала также отдать городам государственный сбор с недвижимых имуществ²⁹. Однако эти проекты, которые не могли радикально улучшить состояние городских финансов, до революции так и не обрели статус закона.

29. ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 151. Л. 24–24 об.

Муниципальные расходы

Полученные из различных источников доходы городские самоуправления расходовали в пределах компетенции. В соответствии с Городовым положением 1892 г. расходы делились на обязательные и необязательные. Тратить средства на необязательные расходы можно было только по удовлетворении расходов обязательных, к которым относились содержание правительственных учреждений, пособия разным учреждениям, ведомствам на основании особых законодательных постановлений, издержки по отправлению воинского постоя и других воинских повинностей, отопление и освещение тюрем, содержание полиции и пожарных команд, уплата займов, «содержание лежащих на отчете города улиц, площадей, дорог, бечевников, набережных, пристаней. Мостовых, тротуаров, переправ, общественных садов, бульваров, каналов, водопроводов, сточных труб, прудов, канав, протоков и гатей. А также городское освещение»³⁰. Часть обязательных трат компенсировалась из государственного бюджета. Все остальные расходы относились к необязательным и должны были финансироваться по остаточному принципу.

Несмотря на то, что выделение в законодательстве обязательных расходов резко критиковалось представителями либеральной части дореволюционного общества, многие из них были оправданы. В интересах города было платить по займам, выплачивать пенсии и жалование служащим, обеспечивать хотя бы минимальный уровень благоустройства города, содержать полицию, обеспечивавшую правопорядок. Как справедливо отмечает занимавшийся вопросами городского самоуправления В.Ю. Виноградов, обязательные расходы «предостерегали... от нецелевого использования и «разбазаривания» городских средств, приучали... к организованному, упорядоченному, «плановому» ведению городского

³⁰ Городовое положение 1892 г. Ст. 138–139 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XII. № 8708. (С. 430–456).

хозяйства. ...Помогали государству бороться с предпочтениями и случайностями»³¹.

А.А. Велихов приводит данные, собранные В. Караваевым: сводную таблицу расходов городов 50 губерний России в 1909 г. Согласно ей, города на содержание правительственных учреждений, воинскую квартирную повинность, содержание полиции и уплату налогов расходовали 22 млн 510 тыс. 500 руб. из общей суммы расходов в 160 млн 931 тыс. 800 руб., или 14%³². По данным департамента окладных сборов Минфина за 1912 год, полиция обходилась в 5,9%, воинская квартирная повинность (имевшая место в 89,5% городов с Городовым положением) – в 3,8%, содержание пожарных команд – в 2,6%, участие в содержании правительственных учреждений – в 1,2% городского бюджета. Всего – 13,5% от всех расходов³³. С 1913 г. государство компенсировало половину муниципальных расходов на содержание полиции. Данные Минфина свидетельствуют, что в качестве компенсации за размещение войск и полиции города с Городовым положением получали лишь около 3,8% от бюджета, т.е. в среднем в 2,5 раза меньше, чем на эти общегосударственные цели они реально тратили. После начала мировой войны городам также выдавались компенсации от правительства за расходы, связанные с войной: содержание госпиталей, пособия семьям призванных, помощь беженцам, обслуживание различных нужд фронта, но эти ассигнования также не могли полностью покрыть дополнительные траты³⁴. Как видим, на не имеющие отношения к городским нуждам расходы самоуправления тратили не слишком большую, но заметную часть бюджета: если бы этих расходов не было или если бы они полностью покрывались государством, то города могли

-
31. Виноградов В.Ю. Становление и развитие городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. М.: Экон-Информ, 2005. С. 183.
32. Велихов А.А. Ук. соч. С. 410–411.
33. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. L–LI, LXVI.
34. Михайловский А. Смета гор. Москвы на 1917 г. // Известия Московской городской думы. 1917. № 1. С. 17.

бы значительно увеличить траты на образование, медицину, общественное призрение.

Все остальные расходы осуществлялись непосредственно в интересах городов. По информации на 1912 год, на уплату долгов города тратили 15,2% бюджета, содержание городских предприятий обходилось в 14,3% расходов, городской недвижимости — 8,5%, траты на медицину, санитарию и ветеринарию составляли 12,5%, на народное образование — 12,1%, на благоустройство — 9,5%, на общественное призрение — 3,2%, на содержание аппарата общественного управления и сиротского суда тратилось 7,4% бюджета, на уплату налогов города расходовали 1,1% бюджета, на образование капиталов отчислялся 1% бюджета³⁵.

В каждом городском управлении существовали свои приоритеты в расходовании средств. Как отмечает Л. Велихов, «если мы остановимся внимательно на анализе расходных бюджетов в отдельных городах, то нередко увидим в отношении распределения расходов поразительную пестроту, картину, которая объясняется местными историческими, бытовыми или случайными причинами. Так, один город расходует предпочтительно на санитарную часть, но относительно пренебрегает нуждами социального обеспечения или народного образования; другой, наоборот, выдвигает на первый план одну из последних отраслей, но игнорирует санитарию; третий обращает свое главное внимание на пути сообщения (мостовые, тротуары, мосты), и, наконец, четвертый превосходно ставит какую-либо второстепенную или конкретную отрасль (садовое хозяйство, бойни, рынки, освещение) за счет всех остальных. Борьба с упомянутыми предпочтениями и случайностями, наблюдаемыми очень часто, можно лишь посредством установления обязательных расходов»³⁶. Эти утверждения можно проиллюстрировать на примере сфер общественного призрения и народного образования. Так,

35. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. L—II.

36. Велихов Л.А. Ук. соч. С. 347.

если Смоленск и Пенза, согласно сметам 1915 г., тратили на цели народного образования более 15% всех расходов бюджета, то Орел – лишь 8,7%, а Пермь – 3,2%³⁷. Если Каменец-Подольский тратил на общественное призрение 0,16% бюджета, Петрозаводск и Смоленск по 0,4%, Тамбов и Уфа по 0,5%, то Ярославль – 6,7%, Тверь 7,4%, Новгород – 9,7%, а Нижний Новгород – 10,4% бюджета³⁸. В 1912 г. лидером по расходам на общественное призрение относительно бюджета была Тверь – 10,8%, Нижний Новгород расходовал 7,6% бюджета, Киев – 6,4%, Москва – 5,8%, Тула – 5,7% бюджета³⁹.

Ассигнования на медицину и ветеринарию в 1912 г. были заложены в бюджетах 93,3% российских городов: сюда включались содержание, устройство и ремонт городских больниц, врачебного персонала, канализация, ассенизационные обозы, содержание свалок, мероприятия по улучшению санитарных условий, по предупреждению эпидемических болезней, истреблению бродячих собак. Не предполагали ничего тратить на нужды медицины лишь мелкие посады, местечки и заштатные города, но в списке были и 8 уездных городов. В целом, чем крупнее были города, тем, как правило, большую долю бюджетов они отдавали на медицину и санитарную. Так, если города с населением свыше 400 тыс. человек и столицы тратили на это в среднем чуть более 17% бюджета, то города от 25 до 100 тыс. человек – лишь 9–10%, а города от 2 до 25 тыс. человек – около 5% бюджета⁴⁰.

Обратную динамику показывают траты на народное образование. Если столичные города в 1912 г. на эти цели расходовали в среднем 9,7% бюджета, то города с числом жителей от 400 тыс. до 1 млн. – 11,9%, от 100 до 200 тыс. – 13,8%, от 25 тыс. до 100 тыс. – 15,4% бюджета, от 5 до 25 тыс. – 18 – 20% бюджета. Не выделили на это средств 3,4% городов с

37. Марков А.П. Местные финансы. Очерки по вопросам финансового законодательства. Харьков: Изд-во «Союз», 1918. С. 43.

38. Календарь-справочник городского деятеля на 1915 г. СПб, 1914. С. 73.

39. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. LXVI.

40. Там же. С. LVII–LIX.

Городовым положением, в основном мелкие посадки, заштатные городки. Около 83% издержек на содержание школ приходилось на начальные школы, что соответствовало первоочередной потребности борьбы с неграмотностью⁴¹.

Города с Городовым положением выделяли на внешнее благоустройство в среднем лишь 7,4% расходов, из этих сумм на освещение тратилось 28,6% средств, на содержание и ремонт мостовых, тротуаров – 26,6%, на новые работы по благоустройству города – 25,1%, на бульвары и общественные сады – 7,4%, на ремонт мостов – 5%, на содержание прудов, колодцев, сточных труб, канав – 3,7%. Траты на эти цели отсутствовали лишь в 27 мелких посадах и заштатных городках России⁴².

Однако каким бы удачным ни было распределение расходной сметы, несмотря на то, что бюджетные дефициты и превышение расходной сметы над доходной к 1917 г. стали хроническим явлением, все равно траты самоуправлений на различные городские нужды были явно недостаточны.

Городские займы и долги

Способом улучшить городское хозяйство и при этом избежать значительных единовременных трат являлись кредиты и займы. Задолженность городов быстро росла. Если в 1891 г. города России были должны 58 млн 733 тыс. руб., то в 1901 г. – 245 млн 884 тыс. руб., а в 1911 г. – 335 млн 190 тыс. руб., т. е. долги за 20 лет выросли в 5,5 раз, в том числе за десятилетие с 1891 по 1901 год – в 4 раза⁴³.

Возможности получения займов были весьма ограничены. Государство неохотно занималось выдачей ссуд, получить финансовые средства государственного казначейства безвозмездно в качестве дотации муниципалитетам было вообще

41. Там же. С. LX–LXII.

42. Там же. С. LXII–LXIX.

43. Календарь-справочник городского деятеля на 1916 г. СПб., 1915. С. 122.

невозможно. Историк В.А. Нардова приводит следующие данные: за период с 1809 по 1910 г. государство выдало ссуды лишь 130 городам на общую сумму чуть больше 10 млн руб., лишь в 52 случаях размер ссуд превышал 50 тыс. руб. Преобладающая их часть была связана с военными потребностями – 64,2%, на благоустройство – 24,6%, по случаю разного рода бедствий – 8,9%, на народное просвещение – 2,3%⁴⁴. Как видим, больше 73% государственных средств было выделено в связи с чрезвычайными обстоятельствами, а не на нужды развития хозяйства.

В условиях почти полного отсутствия финансовой поддержки государства города были вынуждены пользоваться средствами, позаимствованными у частных лиц и общественных учреждений. Городские общественные банки с 1881 по 1910 г. выдали муниципалитетам долгосрочные ссуды почти на 14 млн руб., путем выпуска облигационных займов только в период с 1891 по 1904 г. городами было получено почти 169 млн руб., к началу 1912 г. в обращении имелись облигации 64 городов⁴⁵. Если за период с 1891 по 1900 г. было выпущено займов на 93 млн 326 тыс. руб., то с 1901 по 1910 г. в три раза больше – на 294 млн 684 тыс. руб.⁴⁶

Из общей задолженности городов 50 губерний Европейской России к 1 июля 1910 г. в 322 млн 879 тыс. 965 руб. (при бюджете этих же городов на 1910 г. в сумме 167 млн 782 тыс. 596 руб.) на долю долгов по облигационным займам, имевшихся к тому времени у 59 городов, приходилось 260 млн 405 тыс. 538 руб. (80,7% всей задолженности), долги земельным банкам – 21 млн 79 тыс. 783 руб. (6,5% задолженности), казне, городским банкам, частным лицам и учреждениям – 41 млн 394 тыс. 644 руб. (12,8% долгов)⁴⁷.

44. Нардова В.А. Указ. соч. С. 61–63.

45. Там же.

46. Брейтерман А.Д. Облигационные займы русских городов. СПб., 1913. С. 10.

47. Календарь-справочник городского деятеля на 1913 г. СПб, 1913. С. 99.

Для сравнения, в Германии в конце 1907 г. на облигационные займы приходилось 66,3% долгов городских общин⁴⁸.

По данным экономиста А.Д. Брейтермана, к 1 января 1912 г. задолженность российских городов по облигационным займам составляла уже 390,5 млн руб., сильно варьируясь по суммам в отдельных городах: от 112,2 млн руб. у Москвы, 88,1 млн руб. у Петербурга, 46,7 млн руб. у Варшавы до 57,1 тыс. руб. у Бузулука⁴⁹. Из общей суммы расходов на уплату по облигационным займам в 1912 г. 83,4% тратилось на уплату процентов и только 16,6% — на погашение самого тела долга⁵⁰.

По данным департамента окладных сборов на 1912 год, города с Городовым положением в среднем расходовали на уплату долгов 15,5% от бюджета, из них платежи по облигационным займам составляли 49,3%, 14,7% расходов производилось в уплату по займам у частных лиц и учреждений, 12,2% — по займам из общественных и частных банков, 10,7% — на уплату недоимок казне и разным учреждениям, 6,5% — на возврат займов из специальных средств, 3,8% — на уплату по ссудам из казны и из Госбанка⁵¹.

Расходы по облигационным займам в 1912 г. несли 63 города, где действовало Городовое положение, или 8,1%, по займам у частных лиц и учреждений платили 462 города, или 59,7% российских городов. Примерно 40,8% — 316 городских поселений платили по займам из общественных и частных банков, платежи по ссудам из казны и Госбанка производили 214 городов с Городовым положением (около 27%)⁵². Совсем не имели никаких долгов к началу 1912 г. 39,4% общего числа городов⁵³. Отсутствие задолженности означало, что эти города совсем не развивали хозяйство.

48 Брейтерман А.Д. Ук. соч. С. 1.

49. Там же. С. 2, 4.

50. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. LIII.

51. Там же. С. LI—LIII.

52. Там же. С. LIII—LIV.

53 Брейтерман А.Д. Указ. соч. С. 1.

Как видим, в российских городах в деле привлечения финансовых средств роль облигационных займов была высокой, однако ими пользовалась небольшая часть городов, абсолютное большинство – крупные. Облигационные займы имели много положительного: они брались под меньший процент, чем у частных лиц, поэтому становились удобным источником средств на масштабные задумки; облигационные займы, по сравнению с другими возможностями, позволяли снизить стоимость заимствований; успешное проведение займов способствовало формированию в России фондовых рынков и включению страны в мировой рынок⁵⁴.

Суммы облигационных займов были самыми разнообразными: от 39 млн руб. (заем, заключенный Санкт-Петербургом в 1908 г.), до 50 тыс. руб. (заключен посадом Клинцы в 1906 г.). 76,7% всех облигационных займов были ориентированы на постройку, выкуп и усовершенствование муниципальных доходных предприятий и имущества: электрических, телефонных станций, водопровода, канализации, скотобоен, 5% – на имущества, не приносявшие дохода, но уменьшавшие расходы города: постройку школ, гимназий, библиотек, казарм, полицейских участков, 8,9% – на бездоходные сооружения: устройство портов, мостов, замощение улиц, 9,4% – на погашение прежних займов, консолидацию долгов, заключенных на более тяжелых условиях. Эти данные, как отметил А.Д. Брейтерман, рисуют «весьма благоприятную картину, свидетельствуя о том, что более $\frac{3}{4}$ занятого капитала предназначалось на доходные предприятия и имущества, и лишь 8,9% на бездоходные сооружения»⁵⁵.

Однако облигационные займы имели и свои ограничения. Смысл их выпускать имелся, если требовалось привлечь значительные средства. Только тогда банки соглашались участвовать в размещении займов. Займы более мелких городов

54. Шадрин А.Е. Использование механизмов муниципальных облигационных займов за рубежом и в Российской Федерации // Муниципальные займы как инструменты финансовой системы местного самоуправления. М.: МОНФ, 1998. С. 68–70.

55. Брейтерман А.Д. Указ. соч. С. 39.

и на сравнительно небольшие суммы заключались, как правило, при большем проценте доходности (т.е. менее выгодно для городов), чем заимствования более крупных муниципалитетов и на крупные суммы. Около 87,7% займов приходилось на долю 4,5 и 5%-ных⁵⁶. А.Д. Брейтерман отмечал, что русские облигационные займы обходятся городам «очень дорого, значительно дороже, чем иностранным муниципалитетам. При этом дороговизна кредита объясняется не только высокими процентами и низкими выпускными курсами, но и огромными размерами комиссионного вознаграждения банков». Экономист привел данные, что чистая прибыль банков при реализации муниципальных займов составляла в России 5–6%, в то время как в Германии не превышала 2%⁵⁷.

С образывавшимися таким путем долгами могли справиться лишь крупные муниципалитеты: 83,4% всей облигационной задолженности было сосредоточено в 7 наиболее крупных городах. Самая большая облигационная задолженность приходилась на Москву: 34,5% от общей еще невыплаченной суммы займов городов России к началу 1911 г. Облигации Москвы и еще 4 городов России официально котировались не только на российских, но и на иностранных биржах: брюссельской, лондонской, берлинской; 35 муниципальных займов русских городов были выпущены за границей, что являлось отражением сложностей с более рациональным с точки зрения государственной финансовой политики размещением облигационных займов на внутреннем рынке⁵⁸. Так, в 1908 г. 95,5% от суммы городских займов были выпущены для реализации за рубежом, в 1909 г. — 79%, в 1910 г. — 43%, в 1911 г. — 60%, в 1912 г. — 95,5%, всего за пять лет за рубежом были реализованы 75,2% от общей суммы городских займов⁵⁹.

Губернские и уездные города, заинтересованные в получении заимообразно небольших сумм, фактически не могли

56. Там же. С. 13.

57. Там же. С. 11–13, 15–16, 18.

58. Там же. С. 3, 36.

59. Календарь-справочник городского деятеля на 1916 год. СПб, 1915. С. 122.

использовать возможность выпускать облигации. Оставалась лишь возможность займа у частных лиц. Поэтому найти средства для постройки городских предприятий, на цели благоустройства, культурного развития, обеспечения городов топливом и на другие производительные задачи малым и средним городам было весьма сложно, что тормозило развитие городского хозяйства.

А.А. Велихов выделял как негативный фактор при заключении облигационных займов «неопытность городских самоуправлений в кредитном деле и отсутствие всякого руководства свыше». В результате, «в одних случаях города заключали слишком крупные займы и сразу на всю сумму, потребную для предприятий, вследствие чего банкиры предлагали низкие цены по их реализации, а вырученные деньги долгое время непроизводительно лежали в банках. В других случаях займы оказывались слишком мелкими (менее 1 млн руб.), вследствие чего они не могли быть реализуемы за границей, а размещались в России на очень тяжелых условиях. При выпуске займов городские самоуправления не знакомили банкиров с... земельными фондами... не учитывали условия денежного рынка, заключая займы в невыгодный момент... В конечном результате подобный кредит часто оказывался не полезным, а вредным фактором в городском хозяйстве», — отмечал ученый-муниципалист⁶⁰.

По информации А.Д. Брейтермана, на конец 1910 — начало 1911 г. Москва была должна сумму, составлявшую 69,8% от стоимости городского имущества, платежи по займам составили в бюджете 1910 г. 16,6% всех расходов города⁶¹. У основной массы русских городов задолженность была меньше — колебалась между 20 и 30% ценности их имущества. «...Чем крупнее города, тем в среднем не только абсолютно, но и относительно сильнее использована ими кредито-

60. Велихов А.А. Ук. соч. С. 413.

61. Задолженность Москвы на 31 декабря 1910 г. составляла 116 млн 376 тыс. руб., стоимость имущества — 166 млн 492 тыс. руб. (Облигационные займы русских городов. СПб. 1912. С. 119; Брейтерман А.Д. Облигационные займы русских городов. С. 53–54).

способность», — заключил исследователь. Сравнив ситуацию в России с немецкими городами, где задолженность составляла от 50 до 75% от ценности имуществ, А.Д. Брейтерман пришел к выводу, что «...кредитоспособность большинством наших городов мало использована и притом не только мелкими и средними, но и большими городами...»⁶².

В предреволюционные годы происходил быстрый процесс наращивания долгов, связанный с бурным развитием городского хозяйства. Долги Петербурга по займам с 1907 по 1916 г. выросли с 53 млн руб. до 131 млн руб., т.е. примерно в 2,5 раза⁶³. Задолженность Москвы выросла в 2,6 раза за 4 года — с 1907 по 1910 г., с 37,5 до 69,8% от ценности муниципальных имуществ⁶⁴. По данным департамента окладных сборов, на 1 января 1912 г. долги городов составили 499 млн 223,3 тыс. руб., в том числе в городах с Городовым положением — 448 млн 103,3 тыс. руб. Наибольшую сумму была должна Москва — 122 млн 191,7 тыс. руб., Петроград — 103 млн 39,6 тыс. руб., Варшава — 55 млн 267,1 тыс. руб., Баку — 27 млн 949,7 тыс. руб., Рига — 23 млн 266,9 тыс. руб.⁶⁵

Данные Минфина подтверждают, что наиболее обремененными долгами были крупные города, так, соотношение суммы задолженности к годовому бюджету города с Городовым положением на 1 января 1912 г. составляло 239,9% в столичных городах, 249,8% в городах населением от 400 тыс. до 1 млн жителей, 217,5% — в городах от 200 до 400 тыс. человек, 165,8% — в городах от 100 до 200 тыс. жителей, 122,5% — от 50 до 100 тыс. жителей, 111,8 — от 25 до 50 тыс. жителей, 115,8% — от 10 до 15 тыс. жителей, 63,2% — от 5 до 10 тыс. жителей, 56,6% — от 2 до 5 тыс. жителей. Города с населением менее 2 тыс. человек имели долги, составлявшие только 28% от их годового бюджета. Эти данные также свидетельствуют,

62 Брейтерман А.Д. Указ. соч. С. 55–56.

63. Сухорукова А.С. Петербургская дума и городское хозяйство в начале XX века (1900–1914 гг.) // Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб.: Лики России, 2005. С. 219.

64. Облигационные займы русских городов. СПб. 1912. С. 119, 214.

65. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. LXXV.

с одной стороны, что муниципальные деятели небольших городов зачастую не стремились развивать городское хозяйство (иначе они не могли бы обойтись без займов), с другой стороны, что небольшие города испытывали острую нужду в заемных средствах для развития. Средняя задолженность города с Городовым положением составила почти двойной их средний бюджет – 183,3%. Относительно высокой задолженностью обладал Баку – 297,5%, Одесса – 278%, Рига – 275,8%, Москва – 267,6%, Варшава – 265,3%, Петроград – 212,3% годового бюджета⁶⁶.

Многие муниципальные деятели, экономисты ставили вопрос об организации дешевого кредита для городов и земств. В 1912 г. была создана государственная Касса городского и земского кредита. Средства кассы составили 10 млн руб. основного и 10 млн руб. оборотного капитала, выданного ей государством в ссуду. Кроме того, касса имела право выпустить облигации в сумме не свыше 100 млн руб. Имевшихся в распоряжении Кассы средств было явно недостаточно для удовлетворения потребностей сотен городов и земств, к тому же для получения кредита из этого источника нужно было выполнить ряд сложных бюрократических формальностей⁶⁷. Как результат, до начала революции 1917 г. проблема дешевого муниципального кредита окончательно так и не была решена.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что накануне революции российские города не были переобременены долгами. Скорее можно говорить о недостаточном использовании городами возможности брать займы. Уплата долгов была растянута по времени на много лет, они были взяты в основном на производительные цели, кроме того, в условиях усиления инфляции и обесценивания денег тяжесть долгов уменьшалась. Рост муниципальной задолженности означал, что города активно вовлекались в рыночные капиталистиче-

66. Доходы, расходы, специальные капиталы... С. LXXV–LXXXVI.

67. Велихов Л.А. Указ. соч. С. 413–414.

ские отношения, и это открывало перед ними новые источники средств на расширение хозяйства.

Начавшаяся мировая война оказала негативное влияние на финансовое положение городов. К началу войны закон возлагал на муниципалитеты две функции: заботу о призываемых в момент призыва и попечение о семьях призванных. Государство выделяло семьям призванных казенные пайки, однако они обеспечивали только минимум для существования в деревне, поэтому на муниципалитеты легла обязанность дополнительного обеспечения: давались денежные пособия на квартиры, устраивались дешевые столовые, выделялись пайки гражданским женам, не получавшим помощи от государства. Призыв на войну большого числа городских служащих, за которыми, как правило, сохранялся полный или половинный оклад жалованья, привел к необходимости оплачивать труд их временных заместителей⁶⁸. Так, с началом войны были мобилизованы 2295 служащих и рабочих петербургского муниципалитета, при этом мобилизованные наделялись правом получать лично или через членов семьи от 50 до 100% жалованья, которое им раньше выплачивалось, на их места к 1 октября 1914 г. были приглашены 2020 человек⁶⁹.

С началом мировой войны города взяли на себя значительную часть забот о раненых и больных воинах, их эвакуации, в том числе через Всероссийский союз городов, который занялся не только помощью военным, но и беженцам, а также снабжением армии. В состав союза за первые полгода после начала войны вступили более 400 городов, которые до февраля 1915 г. ассигновали на его деятельность 738 тыс. руб. В то же время сам союз выделил своим членам до февраля 1915 г. 9 млн 182 тыс. руб., что превосходит сумму членских взносов в 13 раз. Города получили от ВСГ субсидии,

68. Твердохлебов В.Н. Влияние войны на городские и земские финансы // Вопросы мировой войны. Сб. статей под ред. М.И. Тутан-Барановского. Пг.: Право, 1915. С. 443–445; Чистиков А.Н. Городская дума в годы Первой мировой войны // Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб: Лики России, 2005. С. 257–258.

69. Чистиков А.Н. Ук. соч. С. 257–258.

составлявшие в среднем 15% их бюджетов, которые были потрачены, в том числе, на оборудование 137 тыс. кроватей для раненых, хирургических коек, 122 питательных пунктов на железных дорогах⁷⁰. Помимо работы через ВСГ города и самостоятельно участвовали в деле помощи больным и раненым, в том числе путем устройства собственных лазаретов, эвакуационных питательных пунктов. В связи с ростом числа вынужденных переселенцев и распространением эпидемий перед городами встала задача прокормить, найти жилье и работу сотням тысяч беженцев.

Все большее влияние на городское хозяйство оказывало вздорожание строительных материалов и рабочих рук. Так, по подсчетам «Календаря-справочника городского деятеля» на 1916 г., в среднем кирпич подорожал на 27%, лес – на 34%, цемент – на 37%, железо – на 39%⁷¹. Война и падение стоимости рубля вызвали необходимость повышения жалования муниципальным работникам. Так, по данным на 1916 г., в Вятке, Владимире, Ейске жалованье в зависимости от его размера пришлось поднять на 10-25%, в Туле – на 10–15%, Симбирске, Симферополе – на 10% для получавших жалованье менее 720 руб. в год, Иркутске – на 15% для получавших менее 600 руб. в год, Ярославле – на 20% для получавших менее 600 руб. Подобного рода повышения производили и многие другие города⁷².

Война повлияла на городские финансы и косвенно: снизилась платежеспособность населения, так как повышение государственных налогов легло главным образом на горожан: были повышены подомовой, квартирный промысловый налоги, введен железнодорожный налог, сократился и трактирный сбор из-за запрещения продажи питей. Падение курсов фондов и рубля ограничило городам путь облигационных

70. Календарь-справочник городского деятеля за 1916 г. СПб, 1915. С. 229.

71. Там же. С. 416.

72. Там же. С. 392–393.

займов⁷³. Экономист В.Н. Твердохлебов пришел к выводу, что чрезвычайные затраты земств и городов из-за войны уже к 1915 г. исчислялись сотнями миллионов рублей⁷⁴.

Финансовое положение городов в годы мировой войны также испортили займы, заключенные в связи с войной, задержка с поступлением пособий от государства, крайняя нехватка оборотных средств, недостаток рабочих рук, предметов первой необходимости, растущая дороговизна. В условиях войны города перешли от долгосрочных к системе краткосрочных займов, гарантированных правительством. К началу 1917 г. города заключили таких займов на сотни миллионов рублей, и, не желая выплачивать их, вынуждены были просить об отсрочке⁷⁵. Значительная часть полученных в результате краткосрочных заимствований средств вместе с частью городских доходов тратилась на операции с топливом и продовольствием. Сами по себе такие заимствования фактически не увеличивали задолженность города, так как их всегда можно было возратить, свернув дела по заготовке необходимых горожанам товаров. Кроме того, города занимали средства на связанные с войной нужды, эти затраты позднее должны были быть компенсированы правительством.

В условиях войны обычные бюджеты городов, как правило, продолжали расти, в первую очередь из-за роста расходов. Так, в Москве и Петрограде, несмотря на тяжелое положение, продолжились ассигнования на народное образование, городские предприятия, медицину. По данным анкеты «Календаря-справочника городского деятеля», проведенной в 1916 г., из 62 ответивших самоуправлений в 45 финансовая ситуация по сравнению с 1915 г. ухудшилась, в 15 осталась без изменений, улучшилась только в 2. Главными причинами этого были названы увеличение расходов в связи с военным временем, повышение эксплуатационных расходов

73. Твердохлебов В.Н. Влияние войны на городские и земские финансы // Вопросы мировой войны. Сб. статей / Под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг.: Право, 1915. С. 452.

74. Там же. С. 449.

75. Велихов Л.А. Указ. соч. С. 386.

по муниципальным предприятиям, снижение получаемых городом доходов. Иногда города указывали на увеличение платежей по займам⁷⁶.

Анкета журнала «Городское дело», на которую в 1916 г. ответили 150 городских управ, показала ту же картину: об улучшении финансового положения сообщили только 7 муниципалитетов, или 4,7%, об ухудшении заявили 77 городов – 51,3%, об отсутствии изменений рассказали 57 управ, или 38%, 6% не уточнили динамику. Отмечалось, что основной причиной ухудшения городских финансов, о которой сообщили 63,6% управ, был рост городских расходов в связи с требованиями военного времени, общее вздорожание жизни. На уменьшение доходов указали 40,3% управ. Города также сообщали о росте бюджетного дефицита: так, в Риге дефицит в 1915 г. по отношению к смете составил 35,3% (в основном из-за эвакуации почти всех промышленных и торговых предприятий, сокращения почти вдвое населения в связи с войной), в Барнауле – 31,8%, Самаре – 28,4%, Минске – 24%, Ачинске – 20%, Елабуге – 18,6%, Иваново-Вознесенске – 10,2%⁷⁷.

В связи с ростом расходов во многих, особенно крупных городах росли сметы. Так, в Петрограде в 1916 г. смета по сравнению с 1915 г. выросла на 18,3%, в Архангельске – на 12,3%, в Екатеринодаре – на 21,5%, Минске – на 23,3%, Пензе – 18,2%, Пскове – на 29,1%, Владимире – 27,9%, Ставрополе – на 20,9%, Тамбове – на 25%, Туле – на 32,2%, Казани – на 37,6%. Наиболее легким способом сведения смет, к которому прибегали города, было увеличение платы за пользование муниципальными предприятиями. По данным Б.Б. Веселовского, плату за пользование трамваями подняли не менее 8 городов, за электрическое освещение – 9, за воду – 13, однако, как сделал вывод исследователь, «результаты повышения не оправдывают ожиданий и далеко не пропорциональны увеличению ставок». Выход из обостряющегося положения Б.Б. Веселовский видел в

76. Городское дело. 1916. № 13–16. С. 727.

77. Веселовский Б. Финансы городов во второй год войны // Городское дело. 1916. № 18. С. 823–827.

финансовой помощи со стороны государства в форме беспроцентных ссуд (на расходы по обстоятельствам военного времени, на продовольственные операции) и ссуд процентных — для постройки муниципальных предприятий. Важным, по его мнению, было объединение мелких городов для совместных кредитных операций⁷⁸.

Проведенное в 1916 г. Государственной Думой анкетирование 63 городских управлений показало, что накануне революции даже гласные-цензовики не были вполне довольны традиционной системой. Из 37 городов, оценивших в анкете свое финансовое положение, 32 (86%) признали его совершенно невозможным. Все они высказались за полное переложение расходов на содержание полиции на государственное казначейство. 29 городов требовали снять воинско-квартирную повинность, 28 — хотели избавиться от обязанности содержать правительственные учреждения, 23 — признали необходимым отменить изъятие от обложения оценочным сбором казенных, удельных и других недвижимых имуществ.

В вопросе о повышении доходов 23 муниципалитета выступили за передачу городам части государственного обложения с недвижимых имуществ, 24 города — за передачу части государственного промыслового обложения, 26 — за передачу части доходов от винной монополии, 29 — за предоставление права обложения зрелищ и увеселений. 22 органа самоуправления высказались за увеличение государственных пособий городам и только 1 муниципалитет выступил против. 14 городов были недовольны тем, как организована городская касса мелкого кредита, 1 город поддержал идею создания городского банка⁷⁹. Мысль о том, что необходимо вводить новые источники муниципальных доходов, была всеобщей.

Накануне 1917 г. в России с особой остротой выявилась потребность в улучшении финансового положения самоуправлений. Заметной стала проблема несоответствия между

78. Там же. С. 827–828.

79. Городское дело. 1917. № 4. С. 154–155.

увеличившимся масштабом деятельности, новыми, требующими значительных финансовых средств задачами, стоящими перед городами, и узкой налоговой базой самоуправления, сопряженной с отсутствием дешевого муниципального кредита. Эту проблему усугубили война, возросшие и все же недостаточные расходы, патриархальность организации управления хозяйством.

Противоречие между запросами образованного городского общества, ожиданиями улучшений в сфере хозяйства и реальными возможностями, которыми муниципалитеты располагали, было значительным. Относительная депривация, т. е. несоответствие между завышенными ожиданиями и реальностью, в данном случае в сфере городского хозяйства, стала одним из факторов революционизирования интеллигентных слоев населения.

Исследование показало, что в начале XX в. муниципальное хозяйство и финансовая система больших городов развивались гораздо более быстрыми темпами, чем мелких. Эта диспропорция во многом объяснялась несовершенством муниципально-финансового законодательства. Своими успехами в развитии муниципального хозяйства крупные города были обязаны не правильным законам, а собственной предприимчивости, приведшей к тому, что муниципалитеты становились крупными капиталистами, извлекая доходы и сводя бюджеты частно-правовым путем, чтобы тратить прибыль на реализацию общественно-правовых полномочий. Это несло в себе опасность резкого сокращения поступлений и банкротства в сложные для экономики времена, кроме того, эти, фактически, косвенные налоги ложились тяжелым бременем на малообеспеченные слои населения.

Ускоренная урбанизация, развитие гражданского общества, планы общественности и властей по демократизации института самоуправления и повышению значимости муниципального уровня власти вели к неизбежной радикальной перестройке финансовой базы муниципалитетов. Отказ от опоры только на домовладельцев и торговцев, вовлечение

широких масс в общественную жизнь должны были повлечь за собой введение прямого муниципального налогообложения всех горожан, независимо от наличия недвижимости или производства, и привести к ограничению возможности пополнять доходы за счет эксплуатации городских предприятий.

Крайне важным фактором являлся курс государства: готовность властей поощрять местные инициативы и обеспечивать благоприятные условия для развития городского хозяйства. Требовались крупные капиталовложения, которые самодержавное государство не делало, ощущалась потребность в выработке четкой общегосударственной политики по развитию местного хозяйства и благоустройства, необходимость в более профессиональных кадрах управленцев, опоре на научную и инженерную мысль. Очевидная неготовность монархической власти к решению финансовых проблем муниципалитетов, неспособность или нежелание ликвидировать множество препон на пути к интенсификации роста городского хозяйства являлись одним из факторов, обусловивших усиление оппозиционности правительству в образованном городском обществе.

А.С. Соколов¹

ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ:
ОПЫТ ПЕРЕХОДА К ТВЕРДОЙ ВАЛЮТЕ
(1921–1924 гг.)

В статье рассматриваются денежные реформы в Советской России и Веймарской Германии после Первой мировой войны. Анализируются мероприятия по стабилизации национальных валют. Исследуется влияние политических процессов на финансово-экономическую политику указанных стран.

Ключевые слова: инфляция, девальвация, банковский билет, рентная марка, эмиссия.

Первая мировая война оказала существенное влияние на расстановку экономического могущества государств. Версальский мирный договор завершил Первую мировую войну. Наиболее важной для всех европейских стран в послевоенный период стала проблема финансовой стабилизации. Еще в период войны правительства отменили принятую норму золотого покрытия бумажных денег. В 1915 г. во всех воюющих и многих нейтральных странах был введен запрет на вывоз золота за рубеж². Казалось, что система золотого стандарта была разрушена навсегда. Однако на конференциях в Брюсселе (1920 г.), Лондоне (1921 г.) и Генуе (1922 г.), где разрабатывались планы финансовой стабилизации, были приняты решения использовать осторожную дефляцию с установлением равновесия в государственных бюджетах, а после этого фиксировать золотой паритет национальных банкнот с восстановлением их размена на золото³.

1. Александр Станиславович Соколов – д.и.н., заведующий кафедрой истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета.
2. Бокарев Ю.П. Денежные реформы в России и Европе 20-х годов // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 132.
3. Ведута Е.Н. Стратегия и экономическая политика государства. М., 2004. С. 89.

Период с 1922 по 1926 г. в Европе можно назвать эпохой денежных реформ. Страны одна за другой стабилизировали свою валюту. Это открыло путь к оздоровлению товарно-денежных отношений. В 1922–1924 гг. почти одновременно были реформированы российские и германские финансы. Ход данных денежных реформ достаточно полно освещен в отечественной и зарубежной историографии. Российские и немецкие ученые опубликовали значительное количество монографий, обстоятельных научных статей, посвященных данному вопросу. Однако эти реформы не сравнивались между собой. Между тем здесь обнаруживаются определенные параллели, причины которых нуждаются в дополнительном исследовании. В связи с этим автор статьи, опираясь на опубликованные источники и архивные документы, предпринимает попытку сравнить основные этапы данных денежных реформ, показать их роль в развитии экономических отношений между Россией и Германией после Первой мировой войны.

Одной из первых европейских стран, которая приступила к оздоровлению своей денежной единицы, стала Германия. Версальский мирный договор 1919 г. закрепил ее статус побежденной страны. Германия была обязана выплатить репарации державам-победительницам. Как все воевавшие государства Германия отменила обеспечение банкнот золотом в самом начале войны. Финансирование войны осуществлялось за счет эмиссии денег. К концу войны денежная масса превышала довоенные цифры в пять раз. В декабре 1919 г. за один фунт стерлингов давали 185 марок⁴ Парижская конференция в январе 1921 г. утвердила их в сумме 200 млрд золотых марок. Версальский мир лишил Германию 75% запасов железной руды и 20% каменного угля. Этого стало достаточно для того, чтобы Германия превратилась из страны, экспортирующей уголь, какой она была до войны, в страну, импортирующую уголь. Потеря Германией 15% пахотной земли, ухудшение ее обработки и потеря значительной части

4. Фергюсон А. Когда деньги умирают. Минск, 2012. С. 32.

скота, привели к недостатку сельскохозяйственных продуктов, а следовательно и к ухудшению питания населения. К этому тяжелому положению Германии присоединялся пассивный торговый баланс страны. Не лучше была и ситуация с бюджетом: катастрофическое падение марки привело к тому, что доходные поступления не поспевали за ростом расходов. Значительную часть германских расходов составляли расходы по выполнению Версальского договора. Основным фактором германского денежного хозяйства было проведение Германией политики бумажно-денежной инфляции. Сумма банкнот имперского банка увеличилась в обращении за 1920 г. с 35,7 млрд марок до 68,8 млрд, т.е. более чем на 33 млрд марок. Журнал «Известия Народного комиссариата финансов» указывал, что в «итоге следует признать, что в Германии нет денежного рынка, есть лишь финансовый аппарат, находящийся в руках государства и предоставляющий частному обороту лишь незначительную часть средств, которыми он располагает»⁵. Вследствие этого германская промышленность, а также и другие отрасли народного хозяйства были вынуждены обратиться к иностранному капиталу. Уже в начале 1920 г. нью-йоркская газета «Sun» оценивала помещение американских капиталов в Германии в сумме 15 млн марок.

У правительства К. Ференбаха, находившегося у власти с июня по май 1921 г. имелась формальная возможность приостановить инфляцию марки, существенным образом сократить бюджетные расходы, посредством сокращения размера государственного аппарата. Однако этого не удалось осуществить из-за позиции Министерства экономики, которое заявило, что для борьбы с безработицей необходимо осуществлять политику широкого предоставления кредитов промышленным предприятиям. Свою долю ответственности за происходящее в стране нес министр финансов Й. Вирт, который «так и не смог разрешить глубокое противоречие

5. Известия Народного комиссариата финансов. 1921. №. 19. С. 33.

между лежащими на правительстве социальными обязательствами и своим личным финансовым консерватизмом»⁶. В 1921 г. Германия выплатила около трети общей суммы контрибуции, по большей части в натуральном виде – поставками угля, стали и леса. Выплата остальной суммы требовала значительного сокращения расходов бюджета и увеличения налогов. Не желая прибегнуть к непопулярным мерам, веймарское правительство стремилось сократить размер дальнейших выплат. В марте в Лондоне министр иностранных дел В. Симонс потребовал установить общую сумму репараций в 30 млрд марок. Резко отклонив предложения Симонса, союзники предъявили Германии ультиматум с требованием принять до 7 марта условия Парижской конференции о выплате репараций. Немецкое правительство не ответило на ультиматум в установленный срок 8 марта войска Антанты заняли Дуйсбург, Дюссельдорф и речной порт Рурорт, а также установили на Рейне свои таможенные посты, обложив германский экспорт налогом в 50% его стоимости.

Закулисные переговоры об урегулировании конфликта завершились тем, что 5 мая Вторая лондонская конференция установила окончательную сумму репараций в 132 млрд золотых марок, которую Германия должна была выплатить в течение 37 лет⁷. Между тем платежеспособность Германии была подорвана самими же союзниками, оккупировавшими часть страны и лишившими Германию всех колоний. Кроме того Германия была лишена большей части своего водного и железнодорожного транспорта. Немецкое правительство в целях погашения долга пришлось напечатать дополнительно 50 млрд банкнот для того, чтобы получить золото и инвалюту. Это привело к резкому падению курса марки. Ослабленная марка не могла выдержать такого давления, инфляция приобрела катастрофические масштабы. Если до осуществления первых выплат по репарациям доллар стоил примерно

6. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. М., 2004. С. 472.

7. Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009. С. 182.

60 марок, то уже в ноябре 1921 г. – 310 марок. Кабинет Ференбаха в мае 1921 г. ушел в отставку, не желая брать ответственность за последствия своего решения принять требования союзников.

Новый рейхсканцлер, и одновременно министр финансов, Й. Вирт сумел выплатить союзникам первый миллиард марок в мае 1921 г. Но в сентябре стало ясно, что этот успех достигнут дорогой ценой. Правительство смогло выплатить первый миллиард за счет краткосрочных кредитов, повышения налогов, а также принудительных займов. Попытки получить у Франции отсрочки по платежам репараций не увенчались успехом. В свою очередь Банк Англии категорически отказался предоставить Германии кредит. Эти обстоятельства привели к дальнейшему падению марки. В интервью с корреспондентом «Джорнале д'Италия» Вирт заявил, что прожиточный минимум в Германии значительно ниже, чем в остальных европейских странах. Средний класс Германии находится на краю пропасти, а германская промышленность, несмотря на всю интенсивность труда терпит убытки. Опасения за будущность Германии могут исчезнуть лишь при улучшении курса марки и урегулировании баланса. Все попытки разрешить задачу путем предоставления Германии иностранных кредитов ни к чему не приведут, пока вопрос о репарациях не будет пересмотрен и разрешен согласно с экономическими возможностями страны⁸. Посол Великобритании в Берлине лорд д'Абернон писал в своем дневнике: «Я все больше убеждаюсь, что Вирт мало смыслит в цифрах и использует их главным образом в качестве крючков для развешивания своих риторических тирад»⁹.

Германию захлестнула волна пессимизма. Мало кто верил в будущее национальной валюты. Начавшимся паническим бегством от марки тут же воспользовались биржевые спекулянты. Они начали массированную атаку на марку, и это

8. Экономическая жизнь. 1922. 19 апреля.

9. Фергюсон А. Когда деньги умирают. Минск, 2012. С. 89.

сыграло важнейшую роль в дальнейшей деградации германской экономики. В сентябре 1921 г. английский посланник в Берлине Джозеф Эдиссон сообщал в Министерство иностранных дел: «...спекуляция растет колоссальными темпами. Мне кажется вполне достоверной информация, что миллионы людей в этой стране скупают иностранную валюту в ожидании очередного повышения налогов. Я не знаю, пожалуй, ни одного немца или немки, которые не спекулировали бы валютой, будь то австрийские кроны, польские марки или даже керенки»¹⁰. Среди населения шла оживленная погоня за долларом, швейцарским франком, голландским гульденом, чешской кроной. Следующим критическим моментом в развитии инфляции стало убийство В. Ратенау, который был министром иностранных дел Веймарской республики. Он взял курс на нормализацию внешних отношений Германии, в частности заключив Рапвальский договор с Советской Россией¹¹. Убийство Ратенау повлияло катастрофически на положение рынка иностранной валюты. За несколько дней курс доллара в Берлине увеличился на 100 марок – с 330 до 420 и больше марок. Марка стала стоить меньше одного золотого пфеннига¹². Остатки доверия за границы к правящему режиму были утеряны, что окончательно подкосило марку¹³.

Все происшедшее вызывало дальнейший рост цен в стране и резкое падение жизненного уровня населения. С 1921 по 1922 г. марка обесценилась приблизительно в 10 раз¹⁴. За первые пять месяцев 1922 г. цены удвоились. Если в конце 1921 г. сумма эмиссии Рейхсбанка составила

10. Там же. С. 68.

11. *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация. Кн. 1. М., 2004. С. 474.

12. Торгово-промышленная газета. 1922. 13 июля.

13. До этого в августе 1921 г. был убит министр финансов Германии, известный немецкий политик, подписавший Компьенское перемирие Матиас Эрцбергер. Он добился некоторого успеха в восстановлении финансов после войны. Одним из вдохновителей убийства являлся лидер националистов Карл Хельфферих, бывший в годы войны министром финансов, под чьим руководством в Германии началась инфляция. Убийство Эрцбергера подорвало доверие к Германии и способности ее к экономическому восстановлению.

14. Вестник финансов. 1924. № 3. С. 228.

113,6 млрд марок, то в конце 1922 г. – 1280 млрд марок¹⁵. Темп обесценения марки стал значительно обгонять темп эмиссии. Колоссальный массив различных обращающихся платежных средств (в последнем квартале 1922 г. он был в 60 раз больше, чем в первом квартале) потребовал изменения техники выпуска бумажных денег и привлечения ряда частных типографий¹⁶. Промышленность стала терять свои позиции на внешнем рынке. Участились случаи проникновения иностранных товаров на германский рынок. В условиях гиперинфляции страну наводнила иностранная валюта. В Германии обосновался целый ряд иностранных фирм экспортного и импортного типа, привезших с собой значительные количество валюты. Значительный приток валюты дали сотни тысяч иностранцев, приехавших в Германию и усиленно раскупавших товар в немецких розничных магазинах. Англичане и французы инвестировали в акции германских предприятий, в городскую недвижимость, предметы искусства и старины. Громадный приток валюты давал переход недвижимости в руки иностранцев. Некоторые города, как, например, Висбаден, наполовину перешел в иностранные руки, а в Берлине 25% всех сделок с недвижимостью имели место между немцами и иностранцами¹⁷. Немецкий экономист Шульце в своей работе «Развал мирового хозяйства» писал, что таким образом иностранцы высасывали соки из обнищавшей нации. На фоне нищеты распродажа страны вызывала у немцев зависть и чувство унижения. Вместе с тем наплыв туристов давал работу и заработок многим немцам, отрасли обслуживания иностранцев процветали. Однако гораздо важнее было воздействие падения курса марки на внешнюю торговлю Германии. Оно удорожало и ограничивало импорт, но стимулировало экспорт¹⁸. Массовый экспорт

15. Атлас З.В. Деньги и кредит (при капитализме и в СССР). М.–Л., 1930. С. 162

16. Вестник финансов. 1923. № 28. С. 91.

17. Там же. № 14. С. 82.

18. Аникин А. История финансовых потрясений. От Джона Ло до Сергея Кириенко. М., 2000. С. 122.

немецких товарных ценностей опирался на жесткую эксплуатацию рабочих. По сведениям члена Коммунистической академии Ш.М. Двойлацкого, посетившего Германию в 1923 г., реальная зарплата немецкого рабочего была в 4–7 раз ниже зарплаты американского рабочего¹⁹.

Уже в середине 1922 г. доллар стал вытеснять марку уже не в качестве счетной единицы, но и в качестве средства платежа в оптовой и розничной торговле. Валютой стали торговать табачные лавочки, служащие, получая жалованье в начале месяца, торопились приобрести доллары, чтобы обезопасить себя от обесценения бумажных денег. Правительство попыталось административными мерами приостановить свободное хождение валюты. 12 октября был издан закон против спекуляции валютой, который встретил со стороны торгово-промышленных кругов весьма неприязненный прием. В течение 1922 г. финансовыми экспертами был предложен ряд проектов по стабилизации марки, которые при применении на практике все терпели неудачу. Германия предложила выпустить международный заем, который смог бы на некоторое время облегчить ее тяжесть репарационных платежей. Часть займа предполагалось употребить на погашение расходов по уплате процентов, другую часть на стабилизацию курса марки²⁰. Выдвигались проекты выпуска принудительного займа, введения хлебной разверстки. Однако последний вопрос угрожал большими политическими осложнениями, так как комиссией Рейхстага разверстка была осложнена, а социалистические партии на ней настаивали²¹. Газета «Форвертс» подчеркивала необходимость немедленной стабилизации марки путем использования золотого запаса рейхсбанка и частного кредита²². Между тем марка продолжала падать. По данным Рейхсбанка в конце августа общая сумма бумажно-денежных знаков, выпущенных государственным

19. Там же. С. 120.

20. Экономическая жизнь. 1922. 30 мая.

21. Торгово-промышленная газета. 1922. 14 июля.

22. Известия. 1922. 10 октября.

казначейством увеличилась на 12 с лишним миллиардов марок²³. Печатный станок неустанно работал днем и ночью, все увеличивая количество бумажных знаков. Однако государственная типография не успевала вырабатывать необходимое количество денежных знаков и казначейство вынуждено было обратиться к помощи ряда частных типографий. В сентябре 1922 г. «Торгово-промышленная газета» сообщила, что в Германии наблюдается сильный денежный голод; денежный станок не успевает печатать столько кредитных билетов, сколько нужно для удовлетворения запросов торговых и промышленных кругов. Выпущенные рейхсбанком пятисотмарковые банкноты (с текстом только на одной стороне) очень неохотно принимаются населением. На тысячные банкноты появился лаж в 5%²⁴. Вместе с тем, журнал «Вестник финансов» указывал, что немцы проявляют поразительную любовь к своей бумажной марке, несмотря на ее падение. Германия не хочет подыскать для расчетов какую-либо устойчивую единицу измерения²⁵.

В связи с обесценением марки увеличивались и цены. Так, к концу 1922 г. фунт хлеба стоил около 400 марок, мужской костюм – от 60 000 до 120 000 марок, башмаки – от 15 000 до 25 000 марок, фунт масла – 1600 марок²⁶. В августе немецкий учитель Август Кантор писал в дневнике: «Доллар стоит около 800 марок. Это krisenhafte время». В стране появились анекдоты, отражающие положение дел, столь необычное для сравнительно стабильной ранее Германии. Поговаривали, что в такси пассажиру имеет смысл расплачиваться в самом начале поездки, поскольку к концу ее тариф успеет подрасти, а посетителю в баре стоит заказывать сразу две кружки пива, так как к тому моменту, когда он расправиться с первой, вторая будет продаваться уже дороже²⁷. Неудержимое падение

23. Известия. 1922. 31 августа.

24. Торгово-промышленная газета. 1922. 19 сентября.

25. Вестник финансов. 1923. № 45. С. 73.

26. Там же. № 8. С. 81.

27. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. М., 2004. С. 475.

марки вынудило германское правительство одобрить состоявшееся между министерством финансов и профсоюзами соглашения о вознаграждении чиновников на 38% и зарплаты рабочих на 12 марок в час²⁸. В августе банки Германии отказались выплачивать всю сумму предъявленных к ним требований. Многие учреждения не были в состоянии выплачивать своим служащим и рабочим жалованье. «Берлинер Таггеблат» писала, что Национальбанк выплатил своим служащим только половина месячного оклада²⁹. Население для сохранения своих средств стало обменивать марки на облигации международного рабочего займа, выпущенного в Берлине³⁰

В условиях начавшейся гиперинфляции представители промышленного капитала стали давить на правительство, требуя стабилизировать экономику за счет трудящихся. Так, Г. Стиннес предложил увеличить рабочий день на два часа без дополнительной оплаты, чтобы таким образом восстановить конкурентоспособность немецких товаров на мировом рынке. Его меморандум косвенно спровоцировал правительственный кризис, показав, что правительство Вирта исчерпало свой ресурс³¹.

Новый рейхсканцлер В. Куно, симпатизировавший национал-консервативным силам, во внутренней политике следовал девизу: «Хлеб вместо репараций». Он потребовал предоставления международного кредита Германии. Лондонская конференция союзников отвергла это предложение. В ответ на это Германия прекратила выплату репараций под предлогом отсутствия ресурсов. В ответ в январе 1923 г. Франция и Бельгия ввели свои войска в Рурскую область, промышленное сердце Германии. Как отмечал Ш.М. Двойлацкий, «своим вторжением в Рур и проведением таможенного кордона,

28. Экономическая жизнь. 1922. 22 августа.

29. Торгово-промышленная газета. 1922. 16 сентября.

30. Известия. 1922. 29 октября.

31. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 52. Впоследствии И. Вирт посетил в 1923 г. Советский Союз и дал высокую оценку мероприятиям большевиков по восстановлению экономики.

отрезавшего все оккупированные области от остальной части страны, франко-бельгийские войска ударили по самому чувствительному месту народного хозяйства Германии»³². Около 20% населения страны теперь оказалось на оккупированной территории. Оккупация Рура лишила Германию 7% ее территории с населением в 3 млн человек, 70% добычи каменного угля, 54% плавки чугуна и 53% стали. Правительство, вместе с партиями и профсоюзами Рура, призвало народ к «пассивному сопротивлению», выразившемуся в прекращении работы на многих предприятиях, отказе транспортников от перевозки грузов, параличе банковской системы. В ответ на это Франция прибегла к захвату банковских авуаров и вывозу промышленного оборудования. В Париже состоялось совещание французских и бельгийских банкиров, на котором была избрана подкомиссия для выработки проекта о введении в оккупированных областях Германии новой валюты³³. По сообщениям газеты «Либэрте», французские власти предполагали ввести в обращение в Рейнской области новые деньги под названием «рейнских франков». Деньги должны были выпускаться французским банком угольными копиями и земельными богатствами оккупированных провинций. Наричательная стоимость рейнского франка равнялась французскому франку³⁴.

Оккупация вызвала ряд негативных последствий для немецкой экономики. Населения Рура поднялось на забастовку, и Рейхсбанк вынужден был изыскивать средства на поддержку пассивного сопротивления. Деньги для этого стали добиваться за счет эмиссии. Немецкая газета «Westfälisches Volksblatt» писала: «С помощью Руру обходились так, как будто Германия располагала гигантскими источниками доходов и неисчерпаемыми денежными богатствами»³⁵. Вскоре промышленники пришли к убеждению, что за счет помощи

32. *Двойлацкий Ш.М.* Германия в 1923 г. Финансово-экономические очерки. М., 1924. С. 32.

33. Экономическая жизнь. 1923. 18 февраля.

34. Там же. 28 января.

35. Цит по: *Двойлацкий Ш.М.* Указ. соч. С. 41.

Руру можно великолепно спекулировать, и с этого момента началась погоня за рурской помощью. Стали поступать заявки не только о фактическом ущербе, но и о воображаемом. Бессовестность и аморальность стали настолько распространенным явлением, что уже после пары месяцев вторжения в рурскую область широкие слои населения были осведомлены обо всех жульнических махинациях, которые нужно было пустить в ход, чтобы без всякого труда приобрести огромные суммы денег.

Дестабилизация положения в важнейшем сырьевом регионе нанесла чувствительнейший удар по работе всей экономики Германии. Отсутствие производства сочеталось с развалом системы налоговых поступлений. Курс доллара поднялся за первые три недели января 1923 г. с 7 260 до 20–22 тыс. марок, и к концу месяца, за одну неделю, более чем удвоился, достигнув 49 тысяч. Значительно возросли расходы в государственном бюджете.

Министр финансов Гермес³⁶ при обсуждении в рейхстаге бюджета в январе 1923 г. сообщил, что дефицит Германии достигает 1 600 млрд марок. Расходы исчисляются в сумме 3 500 млрд марок, в покрытие которых предусмотрено только 1 900 млрд марок налоговых и таможенных пошлин³⁷. Однако таможенные пошлины стали взиматься хуже, поскольку оккупированная Рейнская область превратилась в «дыру на границу» и стала использоваться бизнесом для нелегального провоза товаров в страну. 1923 г. стал годом галопирующей инфляции. Германские финансовые круги были охвачены безумием, и для миллионов немцев разразилась настоящая катастрофа. В тот год в ходу были астрономические цифры, деньги приходилось возить тачками³⁸.

36. Перед Первой мировой войной и в течение ее А. Гермес занимал различные ученые и консультативные должности в сельскохозяйственной сфере деятельности. В 1919 г. он был определен в рейхминистерство экономики. В 1920 г. стал министром продовольствия страны.

37. Экономическая жизнь. 1923. 30 января.

38. Фергюсон А. Когда деньги умирают. Минск, 2012. С. 17.

Европейская печать усиленно обсуждала финансовое положение Германии. Так, в новогоднем обзоре «Financial News» появилась статья под характерным названием «Положение, близкое к банкротству». В ней отмечалось, что германские государственные финансы находятся в состоянии полного расстройтва. Внутреннее финансовое положение ухудшается и дефицит бюджета на 1923 г. достиг 721 миллиарда³⁹. Газета «Экономическая жизнь» поместила статью профессора Л.Н. Юровского, посвященную последствиям оккупации Рура и Рейна. Ученый отмечал, что в сложившихся условиях срыв германской марки является неизбежным. Отсутствия угля, сырья и полуфабрикатов будет иметь стихийно разрушительное влияние на все германское народное хозяйство⁴⁰. Статьи, посвященные финансово-экономическому положению Германии, также размещали на страницах советской периодической печати профессор В.Н. Твердохлебов, С.М. Винокур, Ш.М. Двойлацкий.

Следует отметить, что в Советской России внимательно следили за событиями, происходящими в Германии. Расстройство финансов ограничивало инвестиционные возможности Германии в российскую экономику. На это обстоятельство указывалось в письме советского торгпреда в Германии, направленном в ЦК РКП(б) в феврале 1923 г. В нем отмечалось, что «заключение договоров с германскими фирмами мешает катастрофическое падение германской марки, которое затрудняет чрезвычайно всякие расчеты искаателей концессий»⁴¹. Выступая с докладом на Всесоюзном финансовом совещании, в июле 1924 г., народный комиссар финансов СССР Г.Я. Сокольников указывал, что в октябре 1923 г. немецкая буржуазия «доигралась до того, что разрушила на почве валютной катастрофы не только весь товарооборот, но и свою бюджетную и налоговую организацию,

39. Вестник финансов. 1923. № 8. С. 80.

40. Экономическая жизнь. 1923. 4 марта.

41. Донгаров А.А. Иностраный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 151.

увидела совершенно дезорганизованным свое государство, свою организацию власти»⁴².

Правительство Куно пыталось всеми силами стабилизировать марку. Были увеличены налоги, приняты весьма энергичные и жесткие меры по уменьшению расходных статей бюджета, сокращено содержание госслужащим, прекращены в большей своей части восстановительные работы, сокращены пособия безработным⁴³. Рейхсбанку удалось до некоторой степени сдержать стабильность немецкой марки путем ее повышенной скупки, а также сдачи в залог своего золотого запаса и инвалютной наличности в Англии и Швейцарии. Англия, Польша и Чехословакия даже увеличили свой экспорт угля в Германию и поддержали таким образом пассивное сопротивление. Но ни Англия, ни США не вмешались в конфликт.

С июня 1923 г. правительство уже не контролировало положение в стране. Политика пассивного сопротивления не оправдала надежд канцлера Куно на прекращение оккупации, а ее продолжение грозило развалить государство. Внутреннее положение Германии становилось все более неустойчивым. В мае в Эссене и Гельзенкирхире произошли волнения на почве повышения цен на продовольствие⁴⁴.

Отказавшись от экономических резонов, правительство стало печатать в неограниченных количествах. К июню 1923 г. денежная масса увеличилась примерно в 90 раз, цены на товары выросли до невыносимых величин. Буханка ржаного хлеба на пике инфляции продавалась за 430 миллиардов марок. Килограмм сливочного масла подорожал до 6 триллионов. Летом 1923 г., находившийся в Германии американский конгрессмен А.П. Эндрю писал, что получил 4 000 млн марок за 7 долларов. Питание на двоих в ресторане стоило 1 500 млн

42. Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 615.

43. Вестник финансов. 1923. № 3. С. 231.

44. Экономическая жизнь. 1923. 25 мая.

плюс 400 млн чаевых⁴⁵. Немецкий корреспондент британской *Daily Mail* сообщал 29 июля 1923 г.: «В магазинах цены печатаются на машинке и меняются каждый час. Например, в 10 утра граммофон стоил 5 000 000 марок, а в 3 часа дня он стоил 12 000 000 марок. Одна газета *Daily Mail* вчера на улице стоила 35 000 марок, а сегодня она стоит 60 000 марок»⁴⁶.

Падение марки привело к новому витку внедрения доллара в сферу денежного обращения и использования его как средства сохранения. В конце лета 1923 г. доллар стоил уже более 1 млн марок. Внедрение иностранной валюты сузило сферу обращения марки и усилило процесс ее обесценения. Правительство попыталось административными мерами приостановить конверсию марок в иностранную валюту. Постановлением 8 мая 1923 г. внутри страны не допускались платежи в иностранной валюте, покупка валюты как внутри страны, так и за границей может производиться лишь через известное число банков, именуемых «девизными» (прежде всего Рейхсбанк). Следующее постановление (22 июня) декларировало, что никто не имеет права покупать инвалюту иначе, как по официальному курсу дня, установленному на берлинской бирже⁴⁷. Это автоматически прекратило возможность сделок с польскими марками и некоторыми восточными валютами, которые уже официально котировались, что вызвало замешательство на Франкфуртской и Гамбургской бирже и вызвала соответствующие протесты⁴⁸. Государственный совет постановил установить контроль за валютой, находящейся в частных руках, запретив передачу кредитов в марках иностранцам⁴⁹. Главная задача новых валютных правил была окончательно уничтожить свободные сделки с валютой. Однако эти меры не принесли желаемых результатов и лишь вызвали ажиотаж на рынке германских

45. Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Ч. 1. М., 1995. С. 158.

46. Эванс Р. Третий рейх: Зарождение империи. М., 2011. С. 148.

47. *Двойлацкий Ш.М.* Указ. соч. С. 47.

48. Вестник финансов. 1923. № 31. С. 57.

49. Экономическая жизнь. 1923. 1 июля.

акций. Уже в июле доллар котировался на Берлинской бирже в 760 тыс. марок. Газета «Крайццейтунг» писала, что для настроения населения характерно утверждение: «мы стоим перед новой революцией»⁵⁰. Вместе с тем, курс доллара, устанавливаемый Рейхсбанком, совершенно не принимался во внимание при котировке на иностранных биржах. Биржевой курс Берлина являлся лишь номинальным и поэтому цены на товарной и фондовой биржах значительно возрастали.

Новые валютные правила вызвали отклик в печати. Так, профессор Берлинского университета Шумахер указывал, что на Генуэзской конференции представители собравшихся государств, включая и Германию, приняли резолюцию согласно которой все попытки восстановить денежное обращение путем ограничения сделок с валютой не только бесполезны, но и вредны. По его мнению, приняв новые валютные правила, германское правительство пошло против определенно выраженного мнения всей Европы и Америки, и многим государствам новые законы рассматриваются, как вызванные паникой. Это подрывает доверие к Германии и имеет своим последствием еще большее падение марки⁵¹.

Торговые круги стремились запугать правительство опасностью волнений с целью заставить его отменить распоряжение о запрещении сделок с валютой. В собрании берлинского купечества была вынесена резолюция, требующая отмены закона о валютах и угрожающая в случае невыполнения требования сокращением часов торговли и увольнением персонала.

В условиях дальнейшего обесценения марки германские компании (например, железная дорога) начали прибегать к эмиссии своих собственных, частных денег, которые они обеспечивали долларовыми резервами, золотом или же просто зерном⁵². Государство допускало подобную эмиссию, выдавая для этого специальные лицензии, но многие прибегали

50. Там же. 28 июля.

51. Вестник финансов. 1923. № 12. С. 55.

52. Травин А., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. М., 2004. С. 478.

к выпуску частных денег и без специального разрешения. Прибегали к денежной эмиссии и отдельные германские земли. Так, Ольденбургский Государственный банк получил разрешение выпускать свидетельства казначейства, гласящие на 3 центнера ржи, сроком на 5 лет⁵³. Частные предприятия стали выпускать ржаные, угольные и дровяные займы. Ряд германских областей, в условиях кризиса начали выпускать свою собственную валюту. В Померании союз сельских хозяев обсуждал вопрос о выпуске специальной хлебной валюты⁵⁴. Я. Шахт писал в своих мемуарах, что правительству «следовало одолеть двух врагов стабилизации – черный рынок и «чрезвычайные деньги», выпускаемые многими государственными предприятиями и частными компаниями. Эти «чрезвычайные деньги» имели хождение наряду с бумажной маркой, и до тех пор, пока они принимались имперским банком, стабилизация была невозможна»⁵⁵. Совецание германского союза сберегательных касс пришло к заключению о необходимости страхования вкладов сберегательных касс путем введения золотого исчисления. В основе золотых счетов должна была лежать счетная единица, называемая золотой сберегательной маркой, которая равна $1/10$ доллара по официальному курсу⁵⁶

В связи с обесценением марки в прессе велись оживленные дискуссии относительно путей стабилизации денежного обращения в Германии. Ряд специалистов полагали, что при отсутствии стабилизации следует вернуться к счету на золото, к «золотой марке». С этим предложением в печати выступили профессор Гейлер и экономист О. Мюгель. Они считали, что обесценение марки причиняет слишком большой вред во всех областях общественной и хозяйственной жизни. Стабилизация курса валюты пока неосуществима, но можно, сохранив за бумажной маркой значение обязательного пла-

53. Вестник финансов. 1923. № 40. С. 99.

54. Экономическая жизнь. 1923. 21 сентября.

55. Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признание старого лиса. 1923–1948. М., 2011. С. 190.

56. Вестник финансов. 1923. № 26. С. 80.

тежного средства, ввести счетную единицу (Rechnungswert), которая обладала бы ценностной устойчивостью, будь то золотая марка или иная единица, и устанавливать периодически ее курс в бумажных марках. Против такой позиции возражал профессор Прейер, автор книги, посвященной аграрной реформе П.А. Столыпина. Он полагал, что изменением счетной единицы нельзя устранить причин инфляции. Если будет введена золотая марка, в качестве счетной единицы, то все-таки не избежать увеличения товарных цен, так как Германия потребляет больше, чем производит. По его мнению, стабилизации валюты в Германии можно было достичь сокращением дефицита и достижением активного торгового баланса⁵⁷. Напротив, некоторые специалисты полагали, что причиной тяжелого положения Германии является падение производства, что ведет к пассивному платежному балансу и обесценению марки, повышению цен⁵⁸.

Среди экономистов активно обсуждались два проекта реформы немецкой валюты. С одной стороны, обсуждался план, предложенный берлинским профессором, специалистом в области денежного обращения и кредита К. Гельферихом, который предполагал введение «хлебных банкнот». По его мнению, восстановить валюту должна была частная промышленность, а не государство. В качестве гарантирующей стороны должны были выступить промышленные концерны, а также эмиссионный банк при участии в нем Рейхсбанка. Эту позицию разделял министр народного хозяйства Раумер, который считал, что оздоровления марки можно было ожидать только со стороны производства, а не финансов. Он рекомендовал создать специальный банк для выпуска золотой валюты, при участии Рейхсбанка и заграницы⁵⁹. Второй проект предусматривал организацию банка золотого фонда с капиталом в 250 млн марок. Покрытием должна была служить вносимая

57. Там же. № 40. С. 102–103.

58. Там же. № 51. С. 98.

59. Экономическая жизнь. 1923. 2 сентября.

иностранный валюта и обмен золота кредитоспособными кругами. Наряду с банкнотами, обеспеченными золотом, в обращении должны были остаться бумажные марки. Сторонники этого проекта, поддерживаемые банковскими кругами, указывали на пример советской денежной реформы 1922–1924 гг., доказывающей возможность двух параллельных валют. При обсуждении данных проектов выявилась борьба между промышленниками, с одной стороны, и финансистами, с другой⁶⁰.

Правительство канцлера Куно ради спасения финансово-экономической ситуации подготовило ряд проектов о повышении прямых и косвенных налогов, тарифов, о введении особого налога (Ruhrsteuer) с промышленности, сокращении расходов. По инициативе немецкого ученого и государственного деятеля, министра финансов Веймарской республики А. Гермеса в марте 1923 г. был выпущен внутренний заем (в долларах). Общая сумма выпускаемых казначейских обязательств (Dollarshatzanweisungen) составляла 50 млн долл. США и подлежала погашению в мае 1926 г. Выпуском казначейских обязательств государство пыталось добыть себе из частного хозяйства валютный фонд, при помощи которого, было бы обеспечено регулирующее влияние на валютный рынок. Доверие к выкупу и процентированию этого золотого займа должно было покоиться на вере в жизнеспособность Германской республики⁶¹. Хотя банки взяли на себя обязательство разместить половину всей суммы, но заем расходился среди населения крайне туго. Причиной неуспеха долларовых обязательств послужили отчасти выставленные Францией в Репарационной комиссии возражения против займа. Следующий заем был выпущен в августе 1923 г. Он выпускался в золотых марках сроком на 12 лет. Заем приносил 6% годовых. Однако заем не имел широкого успеха. Развал финансовой системы привел к возрождению примитивных форм товарообмена: рабочие стали получать зар-

60. Экономическая жизнь. 1923. 7 сентября.

61. Вестник финансов. 1923. № 13. С. 52.

плату промышленными изделиями. Казначейство не успевало выпускать деньги, хотя на него работало полторы сотни типографий. В результате гиперинфляции население потеряло все свои сбережения. Число безработных достигло шести миллионов, сохранившие рабочее место, получали зарплату, не превышающую 40% от довоенной. Летом 1923 г. стачечная волна перекинулась из Рура на другие районы страны. В августе фракция СДПГ в рейхстаге отказала Куну в доверии.

Новым канцлером был назначен крупный политический деятель Г. Штресерман. Он всерьез обратился к проблеме финансовой стабилизации, провозгласив отказ от пассивного сопротивления и взяв курс на стабилизацию денег. Первые дни работы нового рейхсканцлера проходили в чрезвычайно напряженной обстановке. Инфляция достигла апогея, один доллар стоил 4,2 трлн немецких марок. В Саксонии и Тюрингии правительства Народного фронта начали создавать собственную армию для ведения гражданской войны – «пролетарские сотни». Штресерман не колеблясь применял войска против мятежных земельных правительств, которые ушли в отставку. Еще опаснее положение было в Баварии: там, в повиновении правительству в Берлине отказал сам рейхсвер. В ноябре национал-социалисты попытались захватить власть Баварии⁶². Внутриполитическую ситуацию могла успокоить стабилизация валюты.

Штресерман начал политику «осуществления», провел переговоры с французами о выводе войск из Рура в сентябре в обмен на гарантии исполнения Германией своих обязательств несмотря ни на что. Отмена пассивного сопротивления была встречена в штыки экстремистами справа и слева, объявившими решение правительства национальной изменой. Ситуация осложнялась катастрофой в сфере денежного обращения. Британская «Таймс» писала: «Поведение германского правительства и его очевидное бессилие справиться с финансовыми затруднениями, свидетельствует, что рано или

62. Шульце Х. Краткая история Германии. М., 2004. С. 146–147.

поздно союзники принуждены будут установить ту или иную форму контроля над германскими финансами»⁶³. В свою очередь, профессор Л.Н. Юровский указывал, что «политика германского капитала довела Германию почти до полной катастрофы. Достаточно указать, что курс доллара достиг 600 млн германских марок. Страна наводнена неподдающимися учету массой бумажных денег, т.к. за последнее время эмиссионное право стало почти всеобщим достоянием»⁶⁴. Немецкая марка в значительной мере утратила роль денег. Цены росли такими темпами, что, когда человек приступал к ужину в ресторане, стоимость блюд была одной, а когда заканчивал – уже другой. В качестве денег широко использовались сигареты. К ноябрю дневная эмиссия достигла 4 000 квинтиллионов. Наиболее сильно от инфляции пострадало среднее сословие – миттельштанд, т.е. чиновники, интеллигенция, пенсионеры, мелкие рантье. Они были вынуждены распродавать домашнее имущество и семейные ценности. Банки брали 35% в день за кредит, а выдавали вкладчикам только 18% в год. В результате крестьянка, которая внесла стоимость одной коровы, через шесть месяцев получала столько денег, что не могла купить на них даже одну сеledку⁶⁵. Деньги вытеснились натуральным обменом. На одной из фотографий можно видеть объявление на мастерской сапожника: он починял обувь только с оплатой продуктами⁶⁶. В целях достижения финансовой стабилизации страны газета «Берзен Курьер» предлагала конфисковать церковные ценности и получить под залог этих ценностей иностранную валюту⁶⁷. Несмотря на огромные темпы роста цен, в обороте не хватало денег. Из-за отсутствия денег кассы рейхсбанка вынуждены были прекращать работу. Например, 25 октября 1923 г. выработка экспедиции равнялась 125 ква-

63. Экономическая жизнь. 1923. 20 сентября.

64. Там же. 6 октября.

65. Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Ч. 1. М., 1995. С. 158.

66. Аникши А.В. История финансовых потрясений. От Джона Ло до Сергея Кириенко. М., 2000. С. 119.

67. Экономическая жизнь. 1923. 10 ноября.

дриллионам марок, между тем как для выдачи понадобился квинтиллион марок⁶⁸.

Штрезерману удалось жесткими мерами прекратить рост инфляции. В октябре был отправлен в отставку с поста министр финансов известный австрийский и немецкий марксист, лидер социал-демократии Р. Гильфердинг⁶⁹. Ему пришлось поплатиться карьерой за то, что социал-демократы не были готовы отступить от завоеваний революции в плане увеличения продолжительности рабочего дня и ограничения масштабов системы социального страхования. Пост министра финансов занял Г. Лютер, не реагирующий ни на какое давление со стороны промышленных и финансовых кругов. Он сам признавал впоследствии, что начал строить здание не с фундамента, а с крыши⁷⁰. Были предприняты шаги для обеспечения сбалансированности бюджета как со стороны расходов, так и со стороны доходов. Прекращена выплата субсидий местным самоуправлениям для просветительских и культурных целей, приостановлено финансирование железных дорог и почт, сокращены субсидии рабочим, пособия безработным, сокращены зарплаты преподавательскому персоналу.

В связи со смертью президента Рейхсбанка Р. Гавенштейна⁷¹ этот пост занял известный банкир Я. Шахт, с именем которого связана денежная реформа 1923 г. Реформа прошла три стадии. На первой из них была проведена деноминация марки и выпущены в обращение новые виды денег: купюры золотого займа и рентные марки. Последняя была эмитирована 16 ноября 1923 г. В обращении находились две параллельные валюты, которые могли обмениваться друг на друга по рыночному курсу. Старая бумажная марка продолжала

68. Там же. 27 октября.

69. В 1928–1929 гг. Р. Гильфердинг вновь занял пост министра финансов Веймарской республики.

70. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. М., 2004. С. 482.

71. Выступая на одном из экономических совещаний в июле 1924 г., народный комиссар финансов СССР Г.Я. Сокольников указывал, что Гавенштейн проводил политику «поднятия и восстановления промышленности во имя интересов якобы патриотических, за счет полного разгрома немецкой валюты» // Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 615.

считаться официальной денежной единицей, тогда как рентная марка выполняла роль официального средства платежа. Доверие к рентной марке определялось тем, что новая денежная единица гарантировалась реальными государственными ценностями – землей и недвижимостью. Повышало доверие и то, что правительство предприняло меры по сокращению расходов и повышению доходов бюджета. Размер эмиссии рентной марки был жестко ограничен. Поначалу она не конвертировалась в золото. Первоначально денежная реформа вызвала сумятицу. С одной стороны, население стало осаждать банки для обмена дензнаков на рентные марки. С другой стороны, торговые предприятия отказывались расценивать товар в рентных марках, что вызвало сомнение населения в ее полноценности⁷². Введение новой валюты вызвало возражения некоторых экономистов. Так, бывший министр финансов Германии К. Гельферих опубликовал в лондонском журнале «The Statist» статью о финансовом положении страны. Он утверждал, что упорядочение государственных финансов Германии должно было начаться именно с опыта стабилизации ее валюты, но, что вместе с тем, стабилизация эта является только первым этапом на пути к созданию более или менее нормального бюджета, суть же дела по-прежнему остается в упорядочении репарационного вопроса⁷³.

Однако положительные результаты реформы сказались через несколько недель: цены в рентных марках были устойчивы, процентные ставки вернулись к нормальному уровню, деньги стали вновь поступать на банковские счета. Реформу с удовлетворением восприняли за границей. В то же время предприятия, лишённые оборотного капитала, увольняли рабочих и служащих. Государственный бюджет подвергся урезке, увольнялось много занятых в этом секторе. В результате резко подскочили цифры безработицы.

72. Экономическая жизнь. 1923. 15 декабря.

73. Вестник финансов. 1924. № 3. С. 228. К. Гельферих был обижен тем, что на пост президента Рейхсбанка был назначен не он, А. Я. Шахт. Некоторое время К. Гельферих являлся послом Германии в Советской России.

Правительство Германии, преодолев взрывоопасную ситуацию осени 1923 г., стало добиваться помощи от Запада. Уже в конце года Германия добилась предоставления со стороны Англии и США крупного займа, а в декабре 1923 г. подписала с США торговый договор.

С февраля по март 1924 г. правительство канцлера В. Маркса провело второй этап реформы. Была прекращена эмиссия рентных марок для покрытия бюджетного дефицита. Правительство стало взимать налоги только в твердой валюте, были повышены ставки подоходного налога на торговый оборот, сокращен административный аппарат. В результате государственный бюджет был сбалансирован. С апреля 1924 г. начался завершающий этап реформы. Рентные марки подлежали обмену на новые банкноты Рейхсбанка по курсу 1:1. Обе денежные единицы имели параллельное хождение. Новые банкноты Рейхсбанка были обеспечены золотом и золотыми девизами на 40% и подлежали размену на золото. Но сам размен был отсрочен. Этот золотодевизный существовал в Германии до июля 1931 г., когда был введен валютный контроль. В отличие от рейхсмарки рентная марка обеспечивалась залогом недвижимого имущества, так называемым ипотечным залогом.

Комиссия экспертов под руководством американского банкира Ч. Дауэса разработала новый план репараций, делавший акцент не на военно-административные, а на хозяйственные рычаги их взимания. Ежегодные суммы платежей увязывались с прогрессом немецкой экономики, для стабилизации национальной валюты Германии выделялся международный кредит в размере 800 млн золотых марок. После вступления в силу «плана Дауэса» в Германию хлынул поток американских займов. Импорт американских капиталов в страну в 1924–1929 гг. составил 70% всех иностранных займов. В течение этого времени Германия получила 10 млрд марок долгосрочных и 6 млрд марок краткосрочных кредитов, выплатив за это же время по репарациям около 9 млрд марок⁷⁴. В августе

74. Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009. С. 222.

произошел обмен старых бумажных марок на новые в соотношении: новая рейхсмарка обменивалась на 1 трин старых. Новая валюта стала обмениваться на золото. По мнению профессора З.В. Атласа, в Германии после реформы 1924 г. была введена денежная система по-своему типа аналогичная английской. Налицо была фиксированная связь германской валюты с мировыми деньгами, так же как и английской валюты⁷⁵.

В период проведения реформы промышленность испытывала острый финансовый кризис. Участились случаи банкротства среди фирм и бегство прогоревших промышленников за границу⁷⁶. Правительство Германии решилось на увеличение кредитования промышленности с 906 до 1717 млн марок. Это не вызвало инфляционную волну: изголодавшаяся по оборотным средствам промышленность разом увеличила продукцию в размерах, превышающих рост денежной массы⁷⁷. «Экономическая жизнь» подчеркивала, что все возрастающее предоставление кредитов приведет к тому, что Шахту только путем расточения золотого запаса Государственного банка удастся оттянуть крушение марки⁷⁸.

Основой германской стабилизации стал переход к жесткой финансовой и монетарной политике, притоком иностранного капитала. Опыт данной реформы интересен потому, что это одна из немногих реформ, начатых в условиях падающего производства и приведших в итоге к значительному экономическому подъему.

* * *

В Советской России переход к принципам новой экономической политики происходил при невероятно разбухших каналах денежного обращения. На 1 апреля 1921 г. в них

75. Атлас З.В. Деньги и кредит (при капитализме и в СССР). М.–Л., 1930. С. 163.

76. Экономическая жизнь. 1924. 30 мая.

77. Бокарев Ю.П. Денежные реформы в России и Европе 20-х годов // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 137.

78. Экономическая жизнь. 1924. 2 апреля.

находилось 1 млрд 686 трлн 683,5 млрд руб.⁷⁹ В результате цены на товары и продовольственные продукты возросли в десятки тысяч раз. В марте 1921 г. цены на товары почти в 30 тыс. раз превышали свой довоенный уровень. В стране началась гиперинфляция. Кризис денежного обращения заключался не только в том, что появилось много денежных систем. Например, в центральной России в обращении находился 21 местный знак. Как отмечал профессор Л.Н. Юровский, «распад денежной системы был, по-видимому, беспрецедентным в истории и во всяком случае небывалым в истории бумажно-денежного обращения»⁸⁰.

Постановления X съезда РКП(б) явились первыми шагами, направленными на стабилизацию финансов и оздоровления денежного обращения⁸¹. Основная работа по оздоровлению денежного обращения легла на Финансовую комиссию ЦК, под председательством Е.А. Преображенского. Она занималась разработкой основных вопросов кредита, денежного обращения, бюджетного дела и налогового законодательства в условиях перехода к нэпу. Комиссией был подготовлен проект деноминации рубля. Вскоре после перехода к нэпу среди беспартийных специалистов началось обсуждение путей возможного оздоровления рубля⁸². В течение весны лета 1921 г. в Институте экономических исследований Наркомата финансов специалистами в сфере денежного обращения и кредита обсуждались проекты стабилизации денежной единицы. Большинство из них сходилось во мнении, что денежная реформа необходима. Однако по поводу темпов и методов ее проведения среди специалистов существовали серьезные разногласия. Одни экономисты (Н.Н. Кутлер, В.В. Тарновский) говорили о скорейшем проведении

79. Цыбульский В.А. Нэп и денежная реформа 1922–1924 гг. // История СССР. 1972. № 4. С. 115.

80. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М., 2008. С. 213.

81. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 372.

82. Подробнее см.: Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М., 2006; Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 33–53.

финансовой реформы путем выпуска в обращение новой валюты. Другие специалисты (В.Я. Железнов, П.П. Гензель) считали, что реформе должен предшествовать подъем в производстве, а также достижение бездефицитного бюджета. В рассматриваемый период существовало немало проектов финансовых преобразований, разработанных рядовыми специалистами, работавшими в разных хозяйственных учреждениях. В Совнарком, Наркомат финансов, ВСНХ поступали десятки писем, докладных записок с предложениями по созданию стабильной денежной единицы. Так, в августе 1921 г. на имя Г.М. Кржижановского поступила докладная записка горного инженера М.А. Буйневича, где автор, ссылаясь на опыт Германии, предлагал заменить часть бумажных денег никелевыми монетами⁸³.

Летом 1921 г. ситуация в сфере денежного обращения оставалась плачевной. К июлю 1921 г. для покрытия бюджетного дефицита правительством было эмитировано 2328,3 млрд руб. Денежная масса возросла в 119 раз⁸⁴. Ситуация осложнялась тем, что в 1921 г. страну постиг большой неурожай. На местах наблюдалась острая нехватка денежных знаков. Вследствие денежного голода на местах имели хождение различные суррогаты (боны), заменяющие их. К началу осени финансовое положение страны стало катастрофическим. Декрет СНК от 15 сентября 1921 г. санкционировал выпуск в обращение срочных беспроцентных обязательств РСФСР достоинством в 1,5 и 10 млн руб.⁸⁵

В октябре 1921 г. был опубликован декрет СНК и ВЦИК об учреждении Государственного банка. Он должен был способствовать развитию промышленности, сельского хозяйства и торговли, а также «установлению правильного денежного обращения». 16 ноября открылось Правление Госбанка в

83. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 20768. Л. 1.

84. Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. С. 293.

85. История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II // Авторский коллектив. М., 2002. С. 126.

Москве. Его работой руководил А.Л. Шейнман. Чрезвычайно важной задачей Госбанка было восстановление связей с банками Западной Европы. В 1922 г. корреспондентские отношения с Госбанком установили ведущие банки Германии: Deutsche Bank, Dresden Bank, Discontogessellschaft⁸⁶. Это было связано с заключением раппальского договора.

20 ноября 1921 г. в Госбанке состоялось специальное совещание о мерах по урегулированию денежного обращения. В ходе обсуждения среди специалистов наметились два пути выхода из финансового кризиса. Одни экономисты (П.П. Гензель, А.А. Соколов, А.А. Мануилов) считали, что без общего подъема народного хозяйства невозможны никакие меры по улучшению денежного обращения. Другие (Н.Н. Кутлер, А.Л. Шейнман) настаивали на немедленном проведении денежной реформы, путем выпуска специальных банкнот, обеспеченных золотом. Иную позицию занимал Председатель Правления Госбанка Шейнман. Он выступал за проведение денежной реформы. Однако, по его мнению, новое денежное обращение должно было базироваться не столько на золотом фонде Госбанка, сколько на активной политике Госбанка, в свою очередь, основанной на накоплении в стране значительных материальных благ. Противником плана Шейнмана был Сокольников. Он настаивал на золотом обеспечении новых денежных знаков⁸⁷.

Единственной радикальной мерой того периода явилось проведение деноминации денежных знаков в соотношении 1:10 000. К концу 1921 г. огромные темпы денежной эмиссии съели возможность стабилизации денежного обращения. Главным источником финансовой жизни государства оставалась эмиссия бумажных денег.

Большое значение для проведения новой финансовой политики имели кадровые перестановки, осуществляемые в НКФ. Вместо назначенного полпредом в Германию Н.Н. Крес-

86. Бокарев Ю.П. Государственный банк в годы нэпа // Финансист. 1995. № 30. С. 32.

87. Там же. № 31. С. 33.

тинского руководителем Наркомата финансов был назначен Г.Я. Сокольников. Основную экономическую задачу в деле восстановления денежного обращения страны он видел в решительном сокращении эмиссии совзнаков, ликвидации бюджетного дефицита путем уменьшения расходов и всемерного увеличения доходов государства посредством увеличения налоговых поступлений, снятия с государственного снабжения убыточных предприятий. Г.Я. Сокольников считал, что состояние денежного обращения является показателем состояния экономики. Усилия возглавлявшегося им финансового ведомства были направлены на восстановление золотого обеспечения денег, так как только твердая валюта закладывала прочный фундамент для стабильного экономического роста. Возглавив Наркомат финансов, Сокольников собрал вокруг себя группу единомышленников (И.И. Рейнгольд, Л.Н. Юровский, М.К. Владимиров). Между этой группой и Госбанком начались дискуссии. Наркомфин настаивал на золотом обеспечении рубля, а Госбанк на его товарном обеспечении. В конце концов, был выработан компромиссный вариант, согласно которому новая валюта обеспечиваются золотом и валютой только на треть и при этом не претендует на полную замену совзнаков⁸⁸.

В целях сокращения денежной массы и развития системы кредита Наркомат финансов в мае 1922 г. выпустил краткосрочные облигации государственного хлебного займа. Доход, полученный от реализации облигаций займа, позволил снизить дефицитность бюджета и подготовить основу для выпуска твердой валюты. Одной из причин, побудивших большевистское руководство приступить к проведению денежной реформы, явилось вытеснение расчетных знаков иностранной валютой на внутреннем рынке. Выступая в 1924 г. в Деловом клубе, Сокольников вспоминал: «Осенью 1922 года на Дальнем Востоке преобладала японская иена, и ее хождение дополнялось обращением китайского серебра и серебра

88. Бокарев Ю.П. Государственный банк в годы нэпа // Финансист. 1995. № 31. С. 33.

старой царской чеканки... В Петрограде и Москве золото, серебро и иностранная валюта являлись единственными средствами накопления»⁸⁹. Юровский указывал: «Золотая монета стала ходить на окраинах, особенно в Закавказье, в портовых городах, в губерниях правобережной Украины и других местностях западной пограничной полосы, она приобрела снова значение денежной единицы на Дальнем Востоке...»⁹⁰.

В октябре 1922 г. Госбанк получил право эмиссионного учреждения и в конце ноября приступил к эмиссии банковских билетов (червонцев), обеспеченных наполовину золотом и валютой, а наполовину товарами и товарными документами. Червонцы лишь частично обеспечивались золотом, а также товарами и товарными документами. Он был предназначен не для розничной или мелкооптовой торговли, а для крупных оптовых сделок и в первую очередь для оздоровления кредита. С момента появления в обороте банкнот Госбанка в стране сложилась система параллельных валют⁹¹. Характерной чертой этой системы было наличие двух видов бумажных денег – совзнаков и червонцев, не связанных между собой каким-либо ценностным соотношением. В первые месяцы банковской эмиссии червонец играл весьма незначительную роль в общей системе денежного обращения и покупательная сила его в значительной мере основывалась на совзнаке – валюте, преваляровавшей в товарных расчетах и являвшейся основной денежной единицей в стране. Сознательно проводившаяся политика внедрения червонца в обращение заключалась в том, что Госбанк ежедневно объявлял курс червонца в совзнаках в соответствии с падением покупательной силы последних. Таким образом, курс червонца ежедневно гарантировался государством⁹².

89. Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1995. С. 172–173.

90. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи М., 2008. С. 273.

91. Бокарев Ю.П. Финансовая стабилизация 20-х годов: Эпоха денежных реформ // Финансист. 1995. № 44.

92. Бокарев Ю.П. Денежная реформа 20-х гг. и ее последствия // Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 204.

Выпуск червонца вызвал широкий отклик в германской прессе. Немецкий экономист Вольфрам Дэллен в статье, опубликованной в «Deutsche Allgemeine Zeitung», подчеркивал, что выпуск в России золотой банкноты представляет не только крупный теоретический интерес, но и является мерой реального практического значения. Автор указывал на то, что Россия вступила на путь здоровой активной валютной политики и что следует с интересом ожидать влияние будущей новой финансовой политики на хозяйственную жизнь России. Его коллега Артур Хенкен писал в «Berliner Tageblatt», что мероприятия в области упорядочения денежного обращения в Советской России могут служить в некотором отношении примером для Германии⁹³. В октябре 1923 г. в берлинской газете «Beilage der Berliner Borsencourier» была опубликована статья, рассматривающая природу и значение червонца в денежном обращении СССР. Проводя параллель между банкнотой и иностранной валютой, а также золотой десятирублевой монетой царской чеканки, газета отмечала устойчивость червонца. Существенные причины ее, по мнению газеты, лежали в способе обеспечения Госбанком эмиссии банкнот и в сдержанности его эмиссионного права. Далее рассматривалась возможность введения банковских билетов в Германии⁹⁴. В свою очередь, другая крупнейшая газета «Berliner Tageblatt» указывала, что опыт с червонцем вполне удался. Газета отмечала, что червонец хорошо защищен от обесценения, во-первых, вследствие высокой внутренней ценности, а во-вторых, из-за относительно высокого обеспечения иностранными девидами (платежными средствами), что, в свою очередь, указывает на активный торговый баланс России. Дальнейшее благоприятное развитие русской внешней торговли, и переход кредитных операций на золото, полагала газета, могут в непродолжительном времени привести к полному освобождению от печатного станка и к

93. Экономическая жизнь. 1923. 14 сентября.

94. Трудовая копейка. 1923. 16 октября.

полному переходу на золото⁹⁵. В то же время «Берлинский биржевой курьер» отмечал факт ограниченной эмиссии денег в Советской России, что, по мнению газеты, благоприятно отражается на госбюджете. Газета находила, что русские деньги значительно лучше денег многих европейских стран и, во всяком случае, русский рубль выше германской марки⁹⁶.

В сентябре 1923 г. Сокольников прибыл в Германию и ознакомил представителей немецкой прессы с развитием финансовой и экономической политики СССР. Вся германская печать привела подробные сообщения о переговорах Сокольникова с Гильфердингом относительно котировки червонцев на германских биржах⁹⁷. Г.Я. Сокольников выступал за осторожное расширение банковской эмиссии. Так, в письме, направленном из Германии 24 августа 1923 г. в Бюро секретариата ЦК РКП (б), он писал: «Если эмиссия червонцев превратится из инструмента кредита промышленности в орудие покрытия ее дефицита, то промышленное банкротство получит свое концентрированное выражение в крахе червонца». Одновременно с тем он считал, что при условии сведения бюджетного дефицита к минимальным размерам, перехода на 90% денежного взимания единого сельхозналога и развития активного торгового баланса вполне возможно прекратить эмиссию совзнаков через несколько месяцев и выпустить в обращение казначейские билеты и серебряную монету⁹⁸.

Первоначально Наркомат финансов проводил политику, направленную на стабилизацию совзнака. Выпуск червонца рассматривался лишь как способ, который поможет стабилизации рубля. Планировалось сначала постепенно сократить эмиссию совзнаков, а затем подвести под них золотое осно-

95. Там же. 1 ноября.

96. Там же. 22 октября. Опыт параллельной валюты для оздоровления денежного обращения вызвал большой интерес в Германии, где сходные идеи использовались при введении рентной марки для борьбы с гиперинфляцией. Вышедшая в 1924 г. книга профессора Л.Н. Юровского «На путях к денежной реформе» была переведена на немецкий язык и издана в Берлине.

97. Экономическая жизнь. 1923. 20 сентября.

98. РГАСПИ.Ф. 670. Оп.1. Д. 30. Л. 64.

вание. Однако с лета 1923 г. правительство увеличило выпуск совзнаков. Это было связано с возникшим «разменным кризисом» и внешнеполитической ситуацией. В августе в Германии начался правительственный кризис. Руководство СССР пришло к выводу, что для немецкого рабочего класса возникла уникальная возможность поднять народные массы на борьбу с буржуазией. Поэтому РКП(б) и Красная армия должны при первой необходимости придти на помощь. В связи с этим были в два с половиной раза увеличены военные расходы⁹⁹. Госбанк вынужден был увеличить выпуск совзнаков на внебюджетные цели. Соответственно возрос бюджетный дефицит, который пришлось покрывать огромной эмиссией совзнаков, что привело к росту цен. К осени процесс внедрения червонцев в обращение закончился. Он был принят оборотом в качестве твердой валюты. Червонец приобрел широкую популярность в качестве средства накопления, вытесняя в этой своей роли фаворита «черной биржи» – золотую десятирублевку и иностранную валюту.

В то же время наблюдалось всеобщее стремление переложить последствия обесценивания совзнака на кого-то другого, вследствие чего страдали кредитные учреждения и само государство. Несла постоянные убытки розничная торговля. Зарплата выплачивалась совзнаками, и при получении денег люди стремились немедленно купить на них товары, что вызывало резкие колебания в торговле. Происходил разрыв городского и сельского рынка, что приводило к сокращению товарооборота. Червонец стал городской валютой

для крестьянского рынка это была слишком большая купюра. Курсовые потери переносились с города на деревню. Наркомат финансов терял контроль над совзначной эмиссией. В ряде регионов страны появились суррогаты мелких денег – боны, талоны, марки. Все это затрудняло хозяйственный расчет, угрожало стабильности червонца. Кризис сбыта явно показал, что система параллельного обращения стано-

99. Голанд Ю. Вокруг червонца // Независимая газета. 1992. 6 июня.

вилась неэффективной. Для завершения денежной реформы необходимо было ликвидировать дефицит государственного бюджета. С целью увеличения доходов бюджета в 1923 г. были выпущены выигрышные займы, которые размещались в принудительном порядке среди населения. Как раз осенью этого же года в Германии принудительно размещался золотой заем, на облигации которого юридические и физические лица были обязаны обменивать принадлежащую им иностранную валюту¹⁰⁰. В нэповской России шел процесс денатурализации налогообложения, был достигнут активный внешнеторговый баланс. Это в значительной степени увеличило потребность рынка в деньгах. Таким образом, были созданы предпосылки для завершения реформирования денежной системы.

Будучи не в силах утвердить принцип параллельного существования валют в условиях острого разменного голода и нехватки средств на обеспечение хлебозаготовительной кампании, Наркомат финансов пошел на уничтожение совзнака посредством выпуска новой казначейской валюты и введения в обращение звонкой монеты.

Конкретные мероприятия по проведению реформы заключались в следующем. 5 февраля 1924 г. был издан декрет о выпуске казначейских билетов достоинством в 5, 3 и 1 рубль. Они были обязательны к приему во все платежи всеми учреждениями, предприятиями и лицами. Казначейский рубль вошел в обращение, опираясь на банковский червонец. Госбанк без ограничений обменивал казначейские билеты на червонцы по соотношению десять рублей за один червонец. 14 февраля была прекращена эмиссия рублей образца 1923 г. Остатки их, на фабриках, подлежали уничтожению. 22 февраля были выпущены монеты номиналом от рубля до одной копейки. Между ними и казначейскими билетами устанавливалось твердое соотношение: один казначейский рубль приравнялся одному рублю монетами. В марте 1924 г. было

100. Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М., 2006. С. 505.

закреплено соотношение между червонцем и совзнаком в отношении 50 000 советских рублей за 1 червонный рубль. 10 мая было прекращено хождение совзнаков, а 31 мая было назначено последним сроком их окончательного выкупа по установленному курсу. Таковы были мероприятия, направленные на коренную реорганизации системы денежного обращения в СССР. Основная цель, преследовавшаяся денежной реформой была достигнута, то лишь, во-первых, благодаря энергии и решительности, с которой проводились все мероприятия реформы, а во-вторых, за счет потерь, которые вынуждено несли и хозяйственные органы, и учреждения, и широкие круги населения¹⁰¹. Однако они были необходимы для оздоровления финансового состояния страны и различных отраслей народного хозяйства.

* * *

После окончания Первой мировой войны международное сообщество предприняло попытку вернуться к былой стабильности. Большевистская Россия и Веймарская Германия переживали тяжелый финансовый кризис. Германия была обязана выплачивать репарационные платежи, наложенные на нее Версальским мирным договором. Советская Россия переживала острый хозяйственный кризис, который перерос в Гражданскую войну и иностранную интервенцию. С осени 1921 г. денежное обращение обеих стран вошло в спираль гиперинфляции. Началось обесценение национальных валют. Создалась угроза вытеснения на внутреннем рынке рубля и марки золотом и иностранной валютой. Несмотря на громадные выпуски бумажно-денежной массы, наблюдался денежный голод, что привело к возникновению региональных валют. Большую роль в подготовке и осуществлении денежных реформ в данных государствах сыграла деятельность Госбанка и Рейхсбанка как центральных эмиссионных

101. История денежного обращения России: Деньги России с древнейших времен до наших дней. Альбом-каталог денежных знаков: в 2 т. Т. 1: Деньги России с древнейших времен до наших дней / Ю.П. Бокарев (науч. рук.). М., 2011. С. 357.

учреждений, а также осуществление выпуска натуральных и денежных внутренних займов. Денежные реформы в России и Германии одинаково начались с попыток привлечь золото для стабилизации валюты. В России скорее, чем в Германии, была осознана невозможность возвращения к размену банкнот на золото. В результате денежной реформы в Германии был установлен золотодевизный стандарт. Германия осуществила реформу в условиях значительного притока иностранного капитала в немецкую экономику. Россия вышла из системы золотого стандарта. Она провела преобразования в сфере денежного обращения, опираясь на внутренние ресурсы. В России и Германии сложился примерно одинаковый финансовый механизм, что позволяло успешно осуществлять внешнюю торговлю. Российская денежная система начала 1920-х годов была близка к немецкому варианту, что соответствовало активным торговым операциям между этими странами.

Л.А. Фадеев¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СНАБЖЕНИЯ РАБОЧИХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Статья посвящена проблемам снабжения рабочих советских машиностроительных предприятий в годы первых пятилеток как ключевому элементу социально-экономической системы и одному из важнейших факторов мотивации труда. Отдельное внимание уделено функционированию карточной системы снабжения, особенностям ее реализации в рамках отдельных предприятий машиностроительной отрасли. Рассматриваются также и вопросы питания рабочих. Подробно изучен механизм системы снабжения 1930-х годов на конкретных заводах. Анализ основных проблем, связанных со снабжением рабочих, позволяет проследить связь между государственными нормативными актами и их реализацией в рамках конкретных предприятий уже на микроуровне.

Ключевые слова: распределение, снабжение, категории снабжения, карточная система, потребительская кооперация, самозаготовки, заводской распределительный комитет, организация рабочего снабжения.

Снабжение рабочих продуктами питания и промышленными товарами в условиях советской индустриализации первых пятилеток в значительной степени определяло уровень жизни рабочих и отражало основные проблемы государственной системы распределения ресурсов. Не вызывает сомнения тот факт, что система снабжения представляла собой некий индикатор социально-экономического развития общества в целом.

Период довоенной советской индустриализации в большей своей части был охвачен карточной системой распреде-

1. Лев Андреевич Фадеев – к.и.н., выпускник аспирантуры исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

ления товаров (с 1928 по 1935 г.), поэтому в историографии особое внимание уделялось вопросам, связанным с нормами снабжения горожан по категориям различными товарами². Однако освещались и вопросы уровня потребления, инфляции, проблемы рынка и торговли. Отмечалось, что в 1930-е годы существовало четыре вида цен на товары: сельские и городские розничные, колхозные и коммерческие³. Рассматривались вопросы, касающиеся дефицита продуктов питания, голода 1932–1933 гг., снижения уровня жизни населения. Так, Ш. Фицпатрик отмечала, что «потребление мяса и сала на человека в городе составляло в 1932 г. меньше трети от того, что было в 1928 г.»⁴. В целом же, говорилось о том, что правительство в заявленных объемах централизованное снабжение обеспечить не могло⁵.

При этом введение карточек в отдельных случаях могло трактоваться весьма оригинально: не как вынужденная временная мера, а как ступень к полной ликвидации рыночных отношений, прямому безденежному распределению продуктов. «Торговля и рынок, как связующее звено между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, — утверждалось, например, в журнале «Большевик», — начинают преодолеваться, поскольку на базе растущей крупной промышленности начинает преодолевать мелкое хозяйство в земледелии»⁶. Впрочем, эта точка зрения не получила широкого распространения в скольконибудь значительной исторической перспективе. В частности, Дэвис и Хлевнюк отмечают: «Как отголоски Гражданской

-
2. См.: Осокина Е.А. Цена «большого скачка». Кризисы снабжения и потребление в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 205–243; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998.
 3. Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР 1934–1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 89.
 4. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. А. Ю. Пангина. 2-е изд. М., 2008.
 5. Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы... С. 87–107.
 6. Большевик. 1929. № 21. С. 13.

войны, в 1930 г. распространялись утверждения о том, что нормированное распределение не порождение временных трудностей, а непрменная черта социалистической экономики. В ноябре 1930 г. Наркомат торговли был переименован в Наркомат снабжения, однако эти ортодоксальные веяния оказались недолговечными. Несколько месяцев спустя понятие «торговля» было восстановлено, и в мае 1931 г. было отменено нормирование многих промышленных товаров»⁷.

В целом же, в постсоветских исследованиях утвердилось мнение о том, что период первых пятилеток, во многом из-за введения карточной системы, привел к тотальному снижению уровня жизни населения. Так, в этом отношении наиболее характерна точка зрения, озвученная А.В. Бакуниным, который отмечал, что медленный рост национального дохода и отсутствие притока капиталов извне вынудили власть ради достижения индустриальных задач пойти на значительное снижение жизненного уровня населения⁸. Более резкая позиция была высказана А.А. Антуфьевым, утверждавшим положение о том, что фундамент социализма был заложен путем «обкрадывания» и «разорения» народа⁹.

В ряде постсоветских исследований была также осуществлена попытка путем публикации источников личного происхождения (писем, откликов и т.п.) взглянуть на вопросы снабжения глазами рядового рабочего, который на себе ощущал всю тяжесть карточной системы и недостаточного питания¹⁰.

Таким образом, историография акцентировала свое внимание, прежде всего, на изучении общих принципов функционирования карточной системы и формировании оценочной позиции к ситуации в целом или же опиралась на изучение реальных жизненных ситуаций рабочих; при этом методы

7. Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР... С. 88.

8. См.: Бакунин А.В. Индустриализация // Уральская историческая энциклопедия, Екатеринбург, 1998. fisechko.ru/ural/802.html (дата обращения 8.08.12).

9. См.: Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург. 1992.

10. См.: Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М. 1998; Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998.

реализации системы снабжения, и в частности сравнительный анализ этих механизмов на отдельных разных по масштабу предприятиях одной отрасли, оставались в тени.

В данной работе проводится анализ системы снабжения рабочих продуктами питания и промышленными товарами на предприятиях в годы индустриального рывка 1930-х годов на основе архивных фондов двух заводов московского региона. Важно отметить, что оценить эффективность работы системы снабжения на промышленных предприятиях и выявить механизмы решения основных проблем невозможно без обращения к архивным материалам, непосредственно связанным с функционированием заводов. Объектом исследования являются два машиностроительных предприятия — Егорьевский станкостроительный завод «Комсомолец» и Люберецкий завод сельскохозяйственного машиностроения им. Ухтомского. Люберецкий завод, основанный американской компанией в 1910 г. (до этого с 1899 г. по 1902 г. на его базе производились паровые машины, а с 1902 по 1910 гг. — тормозные устройства), до Первой мировой войны являлся крупным предприятием (с оборотом более 7,5 млн руб. в год), обладая монопольной номенклатурой изделий (жатки и косилки)¹¹. Егорьевский станкостроительный завод «Комсомолец» был менее масштабным предприятием и возник на базе мастерских Егорьевского техникума. Мастерские являлись производственной базой механико-электротехнического училища, построенного фабрикантом М. Н. Бардыгиным в 1909 г. В 1921 г. училище было преобразовано в техникум, находившийся в ведении Московского отдела народного образования. В 1926 г. в мастерских техникума было освоено производство поперечно-строгальных и токарных станков. В 1930 г. мастерские и техникум переводятся в ведение Главстанкоинструмента Наркомата тяжелой промышленности СССР и преобразуются в завод «Комсомолец»¹². Число

11. ЦГАМО. Ф. 4281. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Там же. Оп. 5.

12. Там же. Ф. 7979. Оп. 1.

работников Люберецкого завода в 1930-х гг. достигало 9000 человек, а Егорьевского – 1500 человек¹³.

Выбор именно этих предприятий определяется следующими факторами. Во-первых, оба завода принадлежали к машиностроительной отрасли, рассматривавшейся в качестве приоритетной в годы первых пятилеток. Во-вторых, одно из предприятий относилось к крупным, а другое к средним, что позволяет сравнить возможности решения проблем снабжения на предприятиях в зависимости от их масштаба. В-третьих, история рассматриваемых предприятий хорошо представлена в архивных фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО, Ф. 7979 и Ф. 4281 по Егорьевскому и Люберецкому заводам соответственно).

* * *

Начиная анализ проблем рабочего снабжения, следует отметить, что из-за продовольственного кризиса с зимы 1928/29 г. в городах СССР стали распределять по карточкам хлеб, а в дальнейшем и другие продовольственные и промышленные товары. При этом до начала 1930-х годов не существовало единых для всей страны принципов распределения и норм снабжения. Карточная система вводилась в отдельных городах разновременно, нормы снабжения повсеместно отличались. При этом посредством карточек руководство пыталось обеспечить всех горожан в равной мере. Некоторые преимущества имели члены потребительской кооперации. Не получали карточек только «лишенцы» (не имеющие избирательных прав)¹⁴, а также все сельское население страны.

В 1929/30 г. вступили в силу постановления о снабжении ведущих индустриальных центров – Москвы, Ленинграда, Донбасса. Их население было разделено на несколько основных групп (табл. 1).

13. ЦГАМО. Ф. 4281. Оп. 1. Д. 1. Л. 60; Там же. Ф. 4281 Оп. 2. Д. 39. Л. 159.

14. См.: *Осокина Е.А.* Цена «большого скачка». Кризисы снабжения и потребление в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М. 1997. С. 205–243.

Таблица 1. Нормы снабжения Москвы и Ленинграда, установленные в 1929/30 г. (в кг на человека)*

Наименование продукта	Нормы по категориям потребителей				
	1	2	3	4	дети
Хлеб	0,8	0,8	0,4	0,4	–
Крупа	3	2	1,5	0,75	–
Мясо	0,2	0,2	0,1	0,1	–
Сельдь	0,8	0,8	0,5	0,25	–
Масло животное	0,6	0,5	0,5	0,3	0,4
Масло растительное	0,75	0,5	0,5	0,25	–
Сахар	1,5	1,5	1,5	1	0,5
Чай	0,05	0,05	0,05	0,025	–
Яйца (шт.)	10	10	10	–	20

Источник: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 2 б. Л. 249.

* По хлебу и мясу – дневные, по остальному – месячные нормы. 1 – нормы для рабочих, которые являлись пайщиками потребительской кооперации, 2 – нормы для рабочих, не являвшихся пайщиками потребкооперации, 3 – прочие трудящиеся – пайщики (служащие, члены семей рабочих и служащих, кустари, лица свободных профессий), 4 – прочие трудящиеся, не являвшиеся пайщиками потребкооперации.

Как видно из таблицы, нормы для рабочих были существенно выше. При этом важную роль играла также принадлежность трудящегося к потребительской кооперации¹⁵.

22 и 23 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) совместно с кооперативными рабочими провело ряд заседаний, связанных с вопросами улучшения рабочего снабжения. Активно обсуждалась работа заводских распределительных комитетов, магазинов, системы общественного питания и государственной торговли в целом, потребительской кооперации и пр.¹⁶

В результате в 1931 г. серией постановлений ЦК ВКП(б), СНК СССР, СТО и Наркомата снабжения СССР была произведена унификация системы снабжения городского населения в рамках всей страны. В первую очередь гарантировалось снабжение населения, занятого в промышленном производ-

15. РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 2. б. Л. 249.

16. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). 1923–1938 гг. В трех томах / Т. 3. 1928–1938 гг. С. 383–550.

стве в зависимости от индустриальной важности предприятий. Было составлено 4 списка городов. Привилегированными были особый и первый список, в которые попали ведущие индустриальные центры СССР. По сравнению с нормами неиндустриальных городов, где большую часть производств концентрировалась на мелких предприятиях и которые вошли во второй и третий список, их нормы снабжения были выше, а ассортимент товаров шире¹⁷ (табл. 2).

Таблица 2. Нормы снабжения на 1931 г. (в кг на человека)*

Продукты	Особый список			I список			II список			III список		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Хлеб	0,8	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,75	0,35	0,35
Мука	1	1	0,5	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–
Крупа	3	1,5	1,5	2,5	1,5	1,5	1,5	0,85	0,85	1	0,5	0,5
Мясо	4,4	2,2	2,2	2,6	1,3	1,3	1	1	1	–	–	–
Рыба	2,5	2	2	2	1,4	1,4	2	1	1	–	–	–
Масло	0,4	–	0,4	0,2	–	0,2	–	–	–	–	–	–
Сахар	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1	1	1	0,8	0,8	0,8
Чай	0,3	0,3	0,3	0,25	0,25	0,25	0,1	0,05	0,05	0,1	0,05	0,05
Яйца (шт.)	–	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Источник: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

* По хлебу – дневные, по чаю – годовые, по остальному – месячные нормы. Для подземных рабочих, рабочих «горячих цехов», новостроек, грузчиков дневная норма хлеба составляла 1 кг. В каждом списке городов приведены нормы для рабочих (1), для служащих и членов семей рабочих и служащих (2), для детей (3). Прочерк означает, что данные группы потребителей не получали по карточкам эти продукты.

Как видно из таблицы, трудящиеся каждого из списков разделялись на три группы: рабочие, служащие и члены семей рабочих и служащих, дети до 14 лет. Индустриальные рабочие составляли особую подгруппу «А» (остальные рабочие – подгруппу «Б»). Таким образом, индустриальные рабочие особого и первого списка снабжались лучше всего. Далее в порядке убывания качества снабжения шли служащие осо-

17. См.: Осокина Е.А. Цена «большого скачка». Кризисы снабжения и потребление в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М. 1997. С. 205–243.

бого и первого списка, рабочие второго списка и т.д. Так были сделаны первые шаги в формировании иерархии снабжения горожан¹⁸.

Как видно из вышеприведенных данных, нормы карточного снабжения были минимальны и нередко не обеспечивали даже естественные физиологические потребности трудящихся. Так, для жителей неиндустриальных городов (III список) рацион не включал мяса, рыбы, масла, муки, яиц (последние, впрочем, не полагались никому, кроме тех, кто принадлежал к привилегированному списку). Карточная система представляла собой одно из наиболее проблемных звеньев советской экономики, что наиболее явно прослеживается в том числе и на архивных материалах конкретных предприятий.

* * *

При рассмотрении ситуации на Люберецком заводе в контексте введения карточной системы обращает на себя внимание, прежде всего, тот факт, что руководство завода сталкивалось с целым рядом дополнительных и весьма серьезных проблем, связанных с системой снабжения, которые, как правило, не поднимались на высшем уровне и мало освещены в историографии, но представляют собой существенный научный интерес.

Так, проблемы, связанные со снабжением и питанием, остро встали перед руководством завода с момента начала его функционирования. По ряду направлений ситуация была близка к критической. Особенно явно проявлялись сложности в сфере торговли. Так, в переписке заводоуправления с Ухтомским обществом потребителей за 1928 г. речь шла преимущественно о помещении для магазина. Правление общества потребителей требовало принять срочные меры по предоставлению помещения для торговли. Отмечалось, что строить отдельный магазин при наличии коммунального

18. РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

строительства нецелесообразно, поэтому правление приняло оборудование старого помещения строительной конторы, которое необходимо было как можно скорее освободить и предоставить¹⁹. Однако решение вопроса затягивалось. Так, руководство предлагало некоторый компромиссный вариант: осуществлять зимнюю торговлю в палатке №2, на что общество потребителей ответило решительным отказом²⁰. В итоге проблема так и не была решена окончательно, так как руководство завода отказало в просьбе предоставить барак в рабочем поселке под продуктовую палатку (это произошло 26 июля 1928 г.), ссылаясь на спорную принадлежность помещения. Тем не менее, интересным представляется тот факт, что торговля в палатках у рабочих ворот и в поселке велась достаточно активно²¹. Ситуация со столовой обстояла, очевидно, более благоприятным образом. В обслуживании рабочих заметен значительный порядок, они обеспечивались питанием с 7:30 до 15:30 каждый рабочий день (до 5 октября 1928 г. столовая работала до 16:00). В случае же форсмажорных обстоятельств руководство завода немедленно оповещало рабочих об изменениях. Это подтверждает, в частности, цитата из переписки заводоуправления и общества потребителей от 6 декабря 1928 г., в которой говорится: «Правление ухтомского общества потребителей просит широко оповестить по цехам рабочих о том, что вследствие порчи дымоходов в плите первое блюдо обеда приготовлено в 11:30 быть не может»²². Впрочем, такие случаи, очевидно, были если и не единичны, то весьма редки, так как других подобных прецедентов в переписке обнаружено не было. Более того, руководство завода в сотрудничестве с паевым товариществом НАРПИТ в конце 1928 г. активно рассматривало план столовой на 500 человек, однако, хотя необходимая площадь для этого имелась, она была неудобна (так как кухня и подсобные помещения в дан-

19. ЦГАМО. Ф. 4281 Оп. 1. Д. 169. Л. 3.

20. Там же. Л. 7.

21. Там же. Л. 22.

22. Там же. Л. 9.

ном случае не могли быть установлены надлежащим образом центрально к залу)²³.

Введение карточной системы на заводе сделало решение проблем, связанных с организацией торговли, не столь актуальными. В начале 1930-х годов завод снабжался по второй категории (только по данным конца 1932 г. завод попадает в список первой группы предприятий)²⁴. В 1930 г. проводилось активное дооборудование столовой, ее работа была организована более эффективно. Столовая теперь работала круглые сутки и удовлетворяла горячими обедами всех желающих (на обед в среднем уходило 15–20 минут). В то же время, работа буфета была поставлена плохо – в результатах хозяйственной деятельности завода за 1930 г. отмечалось, что в буфете постоянно большие очереди. На предприятии имелось также 6 закрытых распределителей, но они также были очень тесны²⁵. Позднее, уже в 1932 г., был осуществлен капитальный ремонт столовой на сумму порядка 100 тыс. руб., также большие средства (951 тыс. руб.) вкладывались в развертывание фабрики-кухни²⁶.

Важно отметить также, что специфика производства накладывала на вопросы снабжения и питания ряд особенных черт. Так, при испытании оборудования приходилось организовывать на местах дополнительные полевые кухни, что требовало от руководства завода отдельных затрат²⁷.

В целом в 1932 г. ситуация со снабжением рабочих завода была проблемной. Руководство МОСПС (Московского областного совета профессиональных союзов) неоднократно призывало улучшить снабжение рабочих. 4 декабря 1932 г. вступило в силу решение СНК и ЦК ВПК (б) о ликвидации ЗРК (заводских распределительных комитетов) на ряде предприятий и передаче снабжения заводоуправлениям.

23. Там же. Л. 10.

24. См.: ЦГАМО. Ф. 4281. Оп. 1. Д. 169; Там же. Оп. 2. Д. 127. Л. 131.

25. Там же. Оп. 1. Д. 169. Л. 81–107.

26. Там же. Оп. 2. Д. 72. Л. 22, 121.

27. Там же. Д. 18.

При этом была запрещена самовольная ликвидация профсоюзных организаций непосредственно на Люберецком заводе. Также неоднократно отмечалось, что «собираемые госторговлей и потребкооперацией целевые авансы у рабочих под товары и практика их погашения за последнее время приобрели характер явно бюрократического отношения со стороны ряда торгующих организаций к нуждам рабочих и взятым на себя обязательствам, сборы авансов производятся без учета товарных возможностей»²⁸. При этом профорганизациям предлагалось выявить задолженность по целевым авансам, а также создать специальные фонды планируемых товаров, осуществляя контроль за правильным расходованием средств этих фондов²⁹.

Таким образом, складывался механизм рабочего снабжения, который на Люберецком заводе в 1930-е годы выглядел следующим образом. На предприятии до 1932 г. заводским распределительным комитетом (ЗРК), а с конца 1932 г. организацией рабочего снабжения (ОРС) составлялись и обособывались контингенты (суммарные списки рабочих и служащих), которые, проходя сначала через облснабы, предоставлялись в систему НКТП (контингенты предприятий второго и третьего списков и вовсе составлялись органами НКТП), а затем поступали в Наркомснаб. На этом этапе важную роль играла группа рабочего снабжения при уполномоченных НКТП, наблюдавшая за своевременным предоставлением контингентов, а также Облснаб, участвовавший в составлении сводных заявок на промтовары³⁰.

Контингенты и специфика каждой из групп на заводе в 1932–1933 гг. выглядели следующим образом (табл. 3). Данные по продуктовым нормам приведены за 1933 г. и относятся соответственно к категориям 1933 г. Независимо от категории на человека приходилось также 400 г жиров,

28. ЦГАМО. Ф. 4281. Д. 66. Л. 1, 1а, 6.

29. Там же.

30. Там же. Д. 127. Л. 73–74.

1,2 кг крупы, 800 г рыбы и 800 г сахаров в месяц. Данные по хлебу в сведениях о контингентах отсутствуют.

Таблица 3. Контингенты и месячные продуктовые нормы в системе рабочего снабжения на заводе им. Ухтомского в 1932–1933 гг.

Категория	Человек на декабрь 1932 г.	Человек на апрель 1933 г.	Мясо, г	Картофель, кг
А	–	2372	1000	8
I список	12917	4368	1000	8
II список	468	522	400	7
III список	650	2816	200	3,5
IV список	–	113	100	3,5
V список (дети)	–	4201	100	3,5
Другие	–	252	–	–
ИТОГО	14035	14644	–	–

Источник: ЦГАМО. Ф. 4281 Оп. 2 Д, 127. Л. 16.

Важно отметить, что в таблицу включены также и дети, которые в 1932 г. учитывались в I списке (их число на тот момент составляло 3945 человек), а в 1933 г. были выделены в отдельную категорию (V список). В целом же, очевидно, что к 1933 г. заметно усиливается дифференциация рабочих по категориям снабжения, система снабжения становится более детализированной³¹.

Само материальное обеспечение снабжения производилось Наркомснабом – «непосредственно транзитом из фабрик и заводов – поставщиков и областных баз Наркомтяжпрома поквартирно, минуя всякие дополнительные торговые звенья»³².

Отдельной составляющей снабжения были самозаготовки, которые частично осуществлялись в непосредственной близости от завода, а иногда носили и выездной характер (Люберецкий завод, в частности, получал ресурсы с Северного Кавказа, куда периодически направлял вспомогательных рабочих на так называемые децентрализованные заготовки).

31. Там же. Л. 16.

32. Там же. Л. 46.

Кредитование сельскохозяйственных заготовок осуществлялось Госбанком через систему НКТП. Убытки могли покрываться как Центросоюзом с Наркомфином непосредственно, так и через систему Госбанка. Работа самих торговых, сельскохозяйственных и организаций общественного питания на заводе осуществлялась на полном хозрасчете. На протяжении первых пятилеток большое внимание уделялось также собственной продовольственной базе в непосредственной близости от завода. Вышестоящие организации постоянно требовали от завода плана развития этой базы. Определенную роль в решении данных вопросов играл и Облснаб, содействовавший получению дополнительной агрозоотехнической помощи от наркоматов совхозов, земледелия и снабжения³³. Однако кадровые и организационные вопросы в данном направлении заводу часто приходилось решать самостоятельно. Так, характерен случай 1933 г., когда на завод были приглашены два агронома – А.И. Новицкий и В.С. Барышев, только что освобожденные из лагерей ГУЛАГа. Процедура их оформления на работу оказалась достаточно сложной и потребовала от директора и руководства завода оформления ряда документов, в том числе связанных с ответственностью за поведение работников³⁴. Руководство завода брало на себя инициативу и в организационных вопросах. В частности, на заседании Президиума завода от 6 февраля 1933 г. было высказано предложение, получившее одобрение, о периодическом установлении в течение шестидневки специального дня совхоза, когда можно было бы проводить выездную работу на определенных участках³⁵.

Говоря о соотношении источников поступления товаров, уместным представляется привести плановые данные на 1933 г. За этот период общая стоимость поступивших товаров должна была составить 10,1 млн. руб. Из них около поло-

33. ЦГАМО. Ф. 4281. Д. 66. Л. 53, 73.

34. Там же. Л. 20–21.

35. Там же. Л. 62.

вины (5 млн руб.) составляли централизованные поставки; на втором месте находились децентрализованные заготовки (3,1 млн руб.). Своя продовольственная база должна была обеспечить завод на сумму в 1,5 млн руб., а оставшиеся 0,5 млн руб. относились к закупкам самих магазинов³⁶.

Поступая на завод, товары попадали в систему ЗРК (а позднее ОРСа), которые совместно с облснабом занимались их хранением и продажей. Непосредственно снабжение рабочих продовольственными и промышленными товарами на заводе осуществлялось директором, который при участии ЗРК (позднее ОРСа) устанавливал размеры выдачи продуктов. В период дефицита выдача осуществлялась с использованием карточной системы. Так, в октябре 1932 г. было издано Постановление ЦК ВПК (б) «О порядке выдачи заборных карточек». На Люберецком заводе основным рабочим они выдавались на месяц, а сезонным — на две недели. Выдача осуществлялась в специальном бюро заводского комитета, действовавшего от лица директора при горснабе и райснабе³⁷.

* * *

В период массового голода 1932/33 г. власть попыталась еще более дифференцировать снабжение и использовать паек как стимул для развития производства. В декабре 1932 г. был обнародован список крупнейших промышленных предприятий, приоритетных в вопросах снабжения. Сам процесс снабжения был передан от потребкооперации и исполкомов администрациям самих предприятий, что должно было теснее связать снабжение с интересами производства. Дифференциация продолжалась и на уровне цехов, в зависимости от их важности, а иногда связывалась и со степенью выполнения плана. Например, появились повышенные нормы снабжения для ударников. Применялись и каратель-

36. Там же. Л. 12.

37. Там же. Л. 46, 53, 54, 74.

ные меры: в частности, прогульщики и «летуны» лишались карточек на определенные товары³⁸.

Наркомат снабжения СССР должен был выделять на места фонды продовольствия и товаров в зависимости от численности контингентов и норм снабжения, однако чаще всего планы не выполнялись, поставки срывались. Продуктов и товаров было недостаточно. Таким образом, нормы снабжения определялись не столько постановлениями, сколько товарными ресурсами, имевшимися в распоряжении местных органов. Например, Ивановский обком, исходя из своих фондов, установил в июле 1932 г. следующие нормы снабжения: для рабочих особого и первого списка — 1 кг крупы, 0,5 кг мяса, 1,5 кг рыбы, 0,8 кг сахара в месяц. Остальное население получало только рыбу (0,5–1 кг) и сахар (200–400 г), т.е. обком установил нормы снабжения в несколько раз ниже объявленных³⁹.

Проведенные на высшем государственном уровне реформы привели к кардинальным изменениям в системе снабжения Люберецкого завода. Говоря об эволюции механизмов рабочего снабжения, резонным представляется отметить ключевое в данном вопросе Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1932 г. «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы», на основании которого существовавшие до этого заводские распределительные комитеты полностью лишались самостоятельности и передавались заводоуправлениям. Магазины, столовые и подсобные хозяйства, принадлежавшие им ранее (кроме подчиненных непосредственно Наркомпиту), также передавались заводам на условиях долгосрочной ссуды⁴⁰. Таким образом, вопросы снабжения полностью передавались в ведение завода. Вместо ЗРК был создан

38. См.: *Осокина Е.А. Цена «большого скачка». Кризисы снабжения и потребление в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М. 1997. С. 205–243.*

39. РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 57. Л. 326.

40. Собрание законов СССР. 1932. № 80. С. 489.

ОРС, который, в частности на Люберецком заводе, начал функционировать с 18 декабря 1932 г. и существовал на протяжении всего рассматриваемого в работе периода⁴¹. Происходили изменения и в структуре должностей. Так, в 1934 г. была ликвидирована должность заместителя директора по рабочему снабжению, а должность заместителя директора по коммунальной части была разделена на два направления – помощник по административно-хозяйственным вопросам и помощник по снабжению и сбыту⁴².

Важно отметить также, что аппарат ОРСа в своем большинстве остался от ЗРК, за исключением руководящего состава. В 1932 г. он насчитывал 56 человек. ОРС имел сложную и разветвленную структуру. Руководил ОРСом начальник – один из заместителей директора.

Основными отделами ОРСа были следующие:

- организационно-планово-производственный отдел (бюро заборных книжек, стол справок, бюро контроля, бюро кадрового учета и тарификации личного состава, бюро рационализации, планово-экономический промфинплан). Данный отдел подчинялся помимо заместителя директора также и заместителю главного инженера заводоуправления, а промфинплан отчитывался также и перед планово-экономическим отделом заводоуправления;
- бухгалтерия (учет и отчетность, статистика, финансово-расчетная часть, бюро договоров и претензий, табельный учет);
- отдел заготовок (агентуры по централизованному снабжению и самозаготовкам, техническая подготовка договоров);
- отдел общественного питания (организационно-инструкторское бюро, расценочно-нормировочное бюро, столовые и буфеты);

41. ЦГАМО. Ф. 4281. Оп. 2. Д. 127. Л. 12, 109, 131.

42. Там же. Д. 128. Л. 7.

- хозяйственный отдел (транспорт, приобретение инвентаря и спецодежды, строительно-ремонтная часть);
- товарный отдел (бюро приемки, хранения и расценки товаров, бюро торговой инспекции, торговые точки и склады);
- производственный отдел (отдельно по сельскому хозяйству – совхоз и молочная ферма; и по предприятиям – пекарни, мыловарка, засолочно-переработочные пункты, починочные мастерские)⁴³.

Таким образом, механизмы реализации рабочего снабжения на протяжении первых пятилеток реализовывались на нескольких основных этапах: 1) составление контингентов на заводе; 2) предоставление контингентов в систему НКТП и далее в систему Наркомснаба; 3) получение ресурсов заводом; 4) их реализация под непосредственным контролем директора. Ключевую роль на каждом из этих этапов играл ЗРК (с 1932 г. ОРС), имевший сложную разветвленную структуру. На низовом уровне реализация системы снабжения выглядела следующим образом: рабочие получали продовольственные карточки у кассиров одновременно с получением заработной платы; индивидуальные же талоны на отдельные товары выдавались в течение рабочего дня. Обмен карточек на товары осуществлялся в магазинах (на балансе Люберецкого завода их имелось около 10, не считая одной продуктовой палатки), к которым рабочие были прикреплены индивидуально⁴⁴.

Важно отметить, что функционирование ОРСа уже с первых лет своего существования создало ряд проблемных ситуаций. В частности, 5 ноября 1933 г. МКК РКИ (Московской контрольной комиссией рабоче-крестьянской инспекции) на организацию рабочего снабжения за повышение цен был наложен штраф размером 69 тыс. руб. ОРС же многократно заявлял об отсутствии средств и просил отложить выплату

43. ЦГАМО. Ф. 4281. Оп. 2. Д. 127. Л. 13, 23.

44. Там же. Л. 146, 159, 160, 162.

штрафа на год⁴⁵. Остро встал и вопрос, связанный со снабжением хлебом. Так, в конце 1933 г. на одном из заседаний Президиума Ухтомской КК-РКИ много говорилось о проблеме расходования талонов на хлеб за ноябрь, отмечалось существенное снижение качества хлеба⁴⁶. Сложности возникали и по вопросам снабжения ордерами на промышленные товары. Характерен случай, произошедший со студентами вечернего техникума, которые сообщали директору, что до марта 1933 г. они в достаточном объеме снабжались продуктами питания, одеждой и обувью, а после перевода на дневное отделение были сняты с производства и перестали получать ордера на промышленные товары ввиду отсутствия фонда на группу⁴⁷.

Помимо решения частных задач перед ОРСом вставали и более сложные проблемы. Руководством Люберецкого завода отмечалось в частности, что «магазины до сих пор не прикреплены к отдельным ведущим цехам, не проведено необходимой работы по вовлечению общественности в дело участия в работе ОРСа»⁴⁸.

Так или иначе, большая часть проблем упиралась в недостатки администрирования и планирования. В материалах по рабочему снабжению за 1933 г. часто встречаются критические замечания, связанные с данными вопросами. Например, отмечается, что «план (снабжения) не проработан заведующими отделами, снабженческим совещанием и общественностью завода, причем заведующие секторами, в частности Торговым, не контролируют повседневно выполнение плана». Говорилось также, что не проработаны и децентрализованные заготовки на Северном Кавказе. Отмечалось и то, что «фонды расходуются бесконтрольно, ввиду чего громадные недостачи нормированных товаров»: в частности, только в магазине №5 в январе 1933 г. недосчитались 517 кг сахара, а в марте еще 221 кг⁴⁹.

45. Там же. Л. 2.

46. Там же. Л. 3.

47. Там же. Л. 6.

48. Там же. Л. 12.

49. Там же.

Недостаточно эффективно проявляла себя система снабжения и в качестве мотивационного фактора. Руководство отмечало, что на заводе «нет твердой системы и порядка продажи дефицитно-непланируемых товаров. Преимущественного снабжения ударников нет. Выдано в январе всего по 5 пачек папирос и по 500 г макаронных изделий, в феврале выдано по 1 кг лапши, 3 пачки папирос, 50 г чаю»⁵⁰.

К 1934 г. обострилась ситуация со столовыми завода. В частности, в дело производственной документации, связанной с распоряжениями по отделу рабочего снабжения, отмечалось, что «несмотря на ряд постановлений районных органов – Райисполкома от 16.01.33, Бюро Ухтомского райкома от 30.05.33, Соцбытсектора от 19.11.33, приказов директора от 14.05.34 и 27.05.34, по ремонту столовых ничего не сделано»⁵¹. Отмечалось также, что ответственность за ремонт столовых возлагалась на начальников комбинатов (цехов)⁵². Достаточно ограничен был и набор блюд столовых: в 1933 г. он выглядел следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Список блюд и цены столовых Люберецкого завода в 1933 г.

Первые блюда		Вторые блюда	
Название	Цена (коп.)	Название	Цена (коп.)
Рассольник вегетарианский	25	Котлеты пшеничные	40
Мясной борщ с укропом	40	Пудинг перловый	25
		Картофельная запеканка	30
		Картофельные биточки	35
		Мясные котлеты	65
		Бефстроганов	85

Источник: ЦГАМО Ф. 4281. Оп. 2. Д. 127. Л. 19.

Калорийность обедов в 1932–1933 гг. росла. Так, если в декабре 1932 г. она составляла в среднем 575 ккал, то в I квар-

50. ЦГАМО. Ф. 4281. Оп. 2. Д. 127. Л. 13.

51. Там же. Л. 1.

52. Там же.

тале 1933 г. уже 655 ккал., что однако все-таки не достигало плановых 700 ккал⁵³.

В 1933–1934 гг. непросто обстояло дело и с магазинами. Так, в отчетах за 1933 г. отмечалось, что «нет никакой борьбы с очередями, нет никаких витрин, в магазинах хранение продуктов антисанитарное, имеются случаи обвесов покупателей»⁵⁴.

В данный период активно развивалось и подсобное хозяйство. После принятия 18 декабря 1932 г. хозяйства совхоза стоимостью 800 тыс. руб., подсобное хозяйство завода достигло значительных масштабов⁵⁵. В 1933 г. в обороте находилось 604 га земли (большую часть занимали кормовые поля – 336 га и участки, предназначенные для посадки картофеля, – 260 га). Однако планы по посадкам не были выполнены с существенным отставанием. Так, план по картофелю был реализован всего на 39,5%, по капусте – на 52%, по огурцам – на 23%, по помидорам, луку и моркови – на 22%. Главной проблемой обозначалась нехватка семян⁵⁶. Значительно не хватало также сена (160 т из требуемых 825), кормовой соломы (180 из 232 т) и корнеплодов (151 из 613 т)⁵⁷.

Данные по животноводству также представляют значительный интерес. Так, известно, что после передачи хозяйства совхоза на балансе завода находились 431 свинья и 1376 кроликов⁵⁸. Однако к концу года данные были уточнены, и если по кроликам они остались близкими к исходным цифрам, то число свиней по непонятным причинам увеличилось на 260 особей. Планы на последующий год и вовсе были чрезвычайно смелыми (табл. 5).

Таким образом, к 1934 г. на Люберецком заводе в целом сложилась система рабочего снабжения, но механизмы ее

53. Там же. Л. 19.

54. Там же. Л. 13.

55. Там же. Л. 91.

56. Там же. Л. 89.

57. Там же. Л. 157.

58. Там же. Л. 90.

Таблица 5. Количество животных в подсобном хозяйстве Люберецкого завода

Вид животных	1932	План на 1933
Лошади	72	100
Коровы	260	260
Свиньи	691	1500
Кролики	1410	20000

Источник: ЦГАМО. Ф. 4281. Д. 127. Л. 156.

реализации и соответствующая ей инфраструктура не позволяли в полной мере реализовать заложенный в ней экономический и организационный потенциал. Основными проблемами являлись как недостаточная проработанность планов, так и слабый контроль над их исполнением.

* * *

Ситуация, сложившаяся со снабжением на Егорьевском заводе, имела ряд особенностей. Так, несмотря на меньшие, чем у Люберецкого завода размеры, снабжение завода изначально происходило по нормам списка «А». При этом руководством отмечалось, что ЗРК работал в целом малоудовлетворительно, а дополнительных поставок почти не было. Специальный ЗРК для ИТР также организован не был, хотя они и были прикреплены к отдельному магазину, но снабжение через него по своему уровню не отличалось от других магазинов. Обслуживание по линии общественного питания было признано неудовлетворительным. Со второго полугодия 1931 г. помимо стандартных обедов ценой 35 копеек были введены обеды по коммерческим ценам, но расценки оказались слишком высоки, и широким массам рабочих и даже ИТР они были малодоступны. Летом был организован заводской огород, и полученными с него овощами снабжалась столовая. Сама же столовая в 3-м квартале года была передана тресту общественного питания⁵⁹.

59. ЦГАМО. Ф. 7979. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6, 6а.

Одним из ключевых вопросов снабжения и питания было строительство собственной фабрики-кухни, по которой в 1931 г. был принят типовой проект, но вследствие общей неблагоприятной обстановки в сфере капитального строительства и в решении данного вопроса возникли проблемы: задержка рабочих чертежей. Таким образом, вследствие позднего утверждения лимитов и несвоевременного получения проектов обеспечения материалами фондируемого порядка достигнуто не было. Сыграли роль и запоздания, и перебои в финансировании, лишившие завод возможности уверенно планировать заготовки. Таким образом, строительство фабрики-кухни не было закончено в срок. Общая сумма выделенных средств составила 135,2 тыс. руб., что сопоставимо с затратами на реконструкцию, например, литейного цеха (192, 6 тыс. руб.) и подчеркивает актуальность вопроса, связанного со строительством фабрики-кухни⁶⁰.

Началось также строительство новой столовой, но и здесь возникали трудности. Так, при сравнительно небольшой общей сметной стоимости в 26 000 руб. к концу года было закончено только 43% работ при израсходовании 54% выделенных средств⁶¹.

Строительство фабрики-кухни было закончено в конце 1933 г. — начале 1934 г. В 1933 г. также было организовано пригородное хозяйство (возникшее на основе заводского огорода, о котором упоминалось ранее). Сроки его сдачи также были задержаны, причем на два ключевых для посевов месяца (вместо мая он был сдан в июле), однако окончательно его организация не была закончена и к концу года (93%, 239 тыс. руб. из 257 тыс. руб. общей сметной стоимости, что больше затрат на строительство фабрики-кухни почти в два раза)⁶².

Несмотря на отсутствие собственных оборотных средств у столовой (общепит работал в целом с убытком, существуя

60. Там же. Л. 14–17.

61. Там же. Л. 63.

62. Там же. Д. 3. Л. 1.

на заемные средства различных кредиторов), качество питания росло (в 1933 г. по сравнению с 1932 г. заметно увеличилось число мясных и рыбных обедов, хотя большую часть по-прежнему составляли вегетарианские, что свидетельствовало о наличии существенных проблем снабжении продуктами питания) (табл. 6).

Таблица 6. Количество обедов (тыс.) разных типов в 1932–1933 гг. на Егорьевском заводе

Тип обеда	1932 г.	1933 г.
Мясной	59,9	174,6
Рыбный	18	62,6
Вегетарианский	287,6	241,4

Источник: ЦГАМО. Ф. 7979. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

Заводской распределительный комитет в 1933 г. активно финансировался, но, как отмечалось в годовом отчете, «его деятельность была расшатана по причине поглощения оборотных средств, и только к концу года ситуация стала улучшаться, а ЗРК начал выкупать все плановые разнарядки»⁶³. Планировалось в дальнейшем улучшить снабжение. Уделялось внимание и благоустройству, расширению фабрики-кухни (так, на 1934 г. на дооборудование выделялось порядка 40 тыс. руб.)⁶⁴.

При этом на фоне в целом заметного развития сферы снабжения и питания иногда возникали неоднозначные ситуации: так, в 1933 г. завод принял обязательство на организацию совхоза, передал его коопхозу, а в итоге получил убыток с невозможностью взыскать долг из-за истечения исковой давности⁶⁵.

В целом в 1932–1933 г. налицо было улучшение ситуации в сфере снабжения и питания, был закончен относи-

63. ЦГАМО. Ф. 7979. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

64. Там же. Л. 16.

65. Там же. Л. 159.

тельно большой проект — фабрика-кухня, улучшалась работа ЗРК, однако оставался и ряд трудностей, по большей части связанных с финансированием⁶⁶.

С 1934 г. расходы по учреждениям общественного питания и кооперативного распределения заметно дифференцируются. Так, из общей суммы затрат (168 000 руб.) около половины ушло на нужды ударников (82 000 руб.), в порядке убывания расходы распределились следующим образом: спецстоловая (42 600 руб.), обслуживание столовой (29 800 руб.), дополнительно рабочих (8 089 руб.) и ИТР (5 600 руб.), что свидетельствовало об усилении роли снабжения в качестве мотивационного фактора⁶⁷.

* * *

Лишь во второй половине 1930-х годов производство зерна, мяса и молока достигло уровня, на котором оно находилось в годы, предшествовавшие коллективизации, что позволило отменить карточную систему. Пленум ЦК в ноябре 1934 г. принял решение об отмене с 1 января 1935 г. карточек на хлеб, муку и крупы. С октября 1935 г. были также отменены карточки на все другие нормируемые ранее товары. Эти меры были призваны убедить население в том, что самые сложные социально-экономические проблемы остались позади, а обещания об улучшении жизненного положения трудящихся приобретают уже вполне реальные очертания⁶⁸.

Анализ же ситуации на конкретных предприятиях позволяет проявить ряд существенных сложностей в системе снабжения, фактически не отраженных в общепроаналитических исследованиях. Например, на Люберецком заводе продолжали с особой остротой вставать проблемы капитального строительства инфраструктуры для реализации снабженческих программ.

66. См.: Там же. Д. 4.

67. Там же. Д. 7. Л. 29.

68. *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? Т. 3. Сталинский неонэп. М. 1994. trst.narod.ru/rogovin/t3/i.htm (дата обращения 8.08.12).

В 1935 г. строительство фабрики-кухни продолжалось, проводились уже преимущественно работы второй очереди. Так, только на третий квартал года в этом направлении было выделено 528 тыс. руб. (из 808 тыс. руб. на капитальное строительство, связанное со снабжением). Всего же бюджет строительства фабрики кухни составлял 1 815 тыс. руб. В сутки пропускная способность намечалась в объеме порядка 12 000 человек при 90 000 блюд⁶⁹. Отмечалось, что задержки материалов по основным направлениям не было, однако из-за недостатка материалов было отложено ведение электромонтажных работ. На фабрике-кухне был установлен только 41% холодильного оборудования. Главным затруднением был недостаток финансирования со стороны Главсельмаша, которое не выделило средств на первый квартал 1935 г., в результате чего работы были расконсервированы только в третьем квартале. В результате только вследствие омертвления капитала было потеряно 130 тыс. руб. В целом же к концу 1935 г. техническая готовность фабрики-кухни составляла 65,8%. Ситуация со столовыми также оставляла желать лучшего. Руководство завода, в частности, отмечало, что «имеющиеся на заводе столовые кухни пришли в такое ветхое состояние, что дальнейшая их эксплуатация без капитального ремонта невозможна». Неоднократно раздавались просьбы администрации о пересмотре Главурсом (главным управлением рабочего снабжения) вопроса отпуска средств⁷⁰.

На Люберецком заводе продолжало развиваться также и подсобное хозяйство: в 1935 г. были отремонтированы три овощехранилища (60 тыс. руб.) и построено одно новое (50 тыс. руб.) Был построен свиноматок на 40 свиноматок (40 тыс. руб.), ветамбулатория (30 тыс. руб.), телятник на 100 голов (15 тыс. руб.). Помимо всего прочего, заводоуправление приобрело жеребца (10 тыс. руб.), двух быков

69. ЦГАМО. Ф. 4281. Оп. 2. Д. 185. Л. 17–18, 43–44.

70. Там же. Л. 42–43, 45–46, 52.

(5 тыс. руб.), хряка (1,5 тыс. руб.), 100 коров (200 тыс. руб.) и пр. Всего на комплектование скота было затрачено 352 тыс. руб.⁷¹

1937 г., как и конец второй пятилетки в целом, был отмечен ужесточением режима работы завода, которое отразилось в том числе и на вопросах питания рабочих. Так, согласно приказу № 2 1937 г. заводоуправления от 15 января выдача разовых талонов табельщиками цехов на молоко хотя бы на один день вперед была строго воспрещена. Более того, регулярно проводилась проверка правильности раздачи, а погашенные талоны сохранялись с этого момента как отчетные документы⁷².

В годы войны снабженческие вопросы приобрели особый характер, прежде всего, это касалось питания, так как завод работал в три смены. Обеды были организованы с 10:00 до 15:30, с 19:30 до 20:15 и с 24:00 до 3:00⁷³.

* * *

На Егорьевском заводе, наряду с проблемами капитального строительства, не менее остро стояли и вопросы финансового характера.

Так, 1936 г. в целом прошел под знаком различных перерасходов — результирующая деятельность подсобных хозяйств (в том числе совхоза и фабрики-кухни), по данным годового отчета завершилась с перерасходом в 147 тыс. руб. При этом дотации на улучшение питания за этот период возросли незначительно: с 241 до 258,84 тыс. руб. Это свидетельствует, с одной стороны, о повышении внимания руководства завода к проблемам снабжения, но с, другой, подчеркивает в целом низкую системность работы и слабую финансово-плановую организацию деятельности в данном направлении⁷⁴.

71. Там же. Л. 17–18, 20.

72. Там же. Д. 221. Л. 43.

73. Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 151.

74. Там же. Ф. 7979. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 39–63.

В 1937 г. руководством завода было запланировано расширение фабрики-кухни. Планировалось открыть новый операционный обеденный зал⁷⁵.

В 1938 г. в развитие фабрики кухни было вложено еще 594 тыс. руб. (часть средств была получена от промышленного банка). К фабрике-кухне была сделана специальная надстройка. Помимо всего прочего, в 1938 г. еще 105 тыс. руб. было выделено в фонд главного магазина⁷⁶.

В 1940 г. завод обладал пригородным хозяйством площадью 36 га, имелось 5405 кг семенного картофеля, 3 плуга, 8 борон, 200 парниковых рам, 25 т навоза. В плане значилось приобретение откормочного скота за счет банковской ссуды в первом квартале 1941 г., строительство свинарника, теплицы и расширение конского состава. При этом наиболее остро стояла проблема нехватки рабочей силы, которая могла бы обслуживать подсобное хозяйство⁷⁷.

К концу 1940 г. стоимость основных средств фабрики-кухни равнялась 761,2 тыс. руб., а овощехранилища еще 27,1 тыс. руб., что составляло очень значительные суммы в сравнении с критической ситуацией начала 1930-х годов⁷⁸. Однако же в конце 1941 г. уже после эвакуации запасы подсобного хозяйства резко снизились до 25 544 руб.⁷⁹

В 1942 г. пригородное хозяйство продолжало быстрыми темпами приходить в упадок. Постройки подсобного хозяйства, организованного в начале года на территории конного двора, были переданы тресту столовых. К 1 июня засеяно было едва ли больше 2 га (1 – капустой, 0,6 – свеклой, 0,5 – морковью, 0,1 – огурцами). Было подготовлено еще по гектару на помидоры, огурцы и картофель, однако не было семян. Отсутствовала и тяговая сила, работа производилась лошадьми завода, а из инвентаря имелось только 3 одно-

75. ЦГАМО. Ф. 7979. Оп. 1. Д. 14. Л. 75–96.

76. Там же. Д. 16. Л. 10–15, 36.

77. Там же. Д. 25. Л. 99.

78. Там же. Д. 20. Л. 86.

79. Там же. Д. 32. Л. 12.

лемешных плуга. Заводу требовалось приобрести 4 бороны и 25 леек, однако и это стало сложной задачей. Всего же из запланированных 50 тыс. руб. в первой половине 1942 г. на нужды подсобного хозяйства было выдано только 28 тыс. руб., которые к тому же были использованы не полностью⁸⁰. Всего же в подсобном хозяйстве в это время были задействованы 27 человек (из них 21 – женщина). В 1942 г. нарастает и процент износа оборудования. Так, на фабрике-кухне он составлял по различным участкам от 5 до 20%, электрический же подъемник вообще вышел из строя⁸¹.

* * *

Таким образом, период первых пятилеток, прошедший на фоне функционирования карточной системы и снижения жизненного уровня населения в целом, привел к созданию системы снабжения командно-административного типа. Реализация этой системы на конкретных предприятиях сталкивалась с дополнительными трудностями различного масштаба. На более крупном Люберецком заводе существенными стали проблемы организации работы аппарата снабжения, сопряженные с различными кадровыми перестановками, изменениями структуры и взаимоотношений органов снабжения, что вызывало существенные бюрократические сложности, в ряде случаев доходившие до отсутствия четкой ответственности, а следовательно, приводившие к нестабильной работе всего аппарата в целом. Егорьевский завод сталкивался преимущественно с финансовыми трудностями. Несмотря на снабжение предприятия по категории «А», ресурсов на строительство и ремонт инфраструктуры (фабрики-кухни, складов, столовых и пр.), как правило, не хватало, что приводило к постоянным перерасходам и нерациональному использованию ресурсов в целом. При этом на обоих предприятиях система снабжения так и не смогла проявить себя

80. Там же. Д. 37. Л. 10–11.

81. Там же. Л. 33, 61.

в качестве важного мотивационного фактора: снабжение ударников и стахановцев лишь незначительно отличалось от снабжения обычных рабочих. Эволюция системы снабжения в годы первых пятилеток не привела к значительному повышению качества жизни рабочих: развитие соответствующей инфраструктуры явно не поспевало за нараставшими производственными задачами и увеличением числа рабочих.

К началу Великой Отечественной войны карточная система уже не функционировала, однако ряд финансовых и технических проблем, связанных с реализацией снабжения на заводах, стоял не менее остро. Война привела к упадку подсобных хозяйств предприятий, разрушила основные организационные связи, однако накопленный опыт функционирования системы снабжения в индустриальных условиях позволил максимально эффективно перестроиться экономике страны на военные рельсы.

В.А. Ильиных¹

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ВЫБОР МОДЕЛИ

В статье осуществлена реконструкция разработанных на рубеже 1920-х и 1930-х годов моделей социалистической модернизации сельского хозяйства: колхозно-кооперативной, совхозно-колхозной и аграрно-индустриальной. Дана характеристика сформированного в ходе массовой коллективизации аграрного строя, который радикально отличался от принятых к реализации теоретических конструкций. Анализируются основания и содержание организационно-хозяйственной перестройки аграрного сектора экономики во второй половине 1950-х годов.

Ключевые слова: модернизация, сельское хозяйство, коллективизация, проекты аграрного развития, колхозная система.

Высокотоварные помещичьи и крестьянские предпринимательские хозяйства в ходе аграрной революции рубежа 1910–1920-х годов, акторами которой являлись крестьяне, были ликвидированы. Организационно-производственной основой сельского хозяйства страны стало индивидуальное крестьянское хозяйство, отличавшееся относительно низким уровнем товарности. Данная модель аграрного строя не соответствовала теоретическим представлениям большевиков, пришедших к власти в России в 1917 г. Они были убеждены, что социалистическая модернизация аграрного сектора экономики может быть осуществлена только на основе организации крупных сельхозпредприятий, которые, по мнению марксистских теоретиков, позволяли широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения, превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность.

1. Владимир Андреевич Ильиных – д.и.н., заведующий сектором аграрной истории Института истории СО РАН.

Свои теоретические воззрения лидеры большевистского режима попытались реализовать на практике уже в первые годы своего пребывания у власти. Задача «организации крупного социалистического земледелия» была поставлена в повестку дня аграрной политики правящей партии в начале 1919 г.² В качестве основных форм социалистического сельского хозяйства большевики рассматривали так называемые советские хозяйства («крупные социалистические экономии») и коллективные хозяйства («добровольные союзы земледельцев для ведения крупного общего хозяйства»). При этом наиболее совершенным («последовательно-социалистическим») типом сельхозпредприятия считался совхоз.

Однако крестьянство не только положило конец классу помещиков, но и своим все возрастающим сопротивлением заставило большевиков отказаться от военно-коммунистического эксперимента и перейти к новой экономической политике. После перехода к нэпу обобществление аграрного сектора экономики отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет отвечать целям поступательного развития экономики страны. При этом ставилась задача объединения крестьянских хозяйств в различные виды сбыто-снабженческой, кредитной и производственной кооперации. Оставшиеся после развала первых лет нэпа колхозы были переданы из подчинения органов Наркомата земледелия в сельскохозяйственную кооперацию и стали рассматриваться как составная часть кооперативной системы.

В середине 1920-х годов в качестве долгосрочной программы большевистской партии в аграрном вопросе сложился так называемый ленинский кооперативный план, в соответствии с которым наиболее оптимальным путем перехода крестьян к социалистическому хозяйству провозглашалась кооперация. Построение социализма в сельском

2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 86.

хозяйстве, которое должно было занять длительное время, рассматривалось как развитие всех видов кооперации и постепенный переход от ее «низших» форм (потребительских, кредитных и «простейших» производственных кооперативов) к «высшим» (колхозам). Обязательным условием данного процесса называлась добровольность. Крестьяне на собственном опыте должны были убедиться в преимуществах крупного общественного хозяйства. В резолюции XIII съезда РКП(б) указывалось, что «кооперированное крестьянское хозяйство неизбежно будет терять свой индивидуальный характер, превращаясь в хозяйство коллективное»³.

Несмотря на то, что колхозы официально провозглашались «высшей» формой производственной кооперации, в середине 1920-х годов они фактически занимали маргинальное место как в структуре производства, так и в системе управления сельским хозяйством. Летом 1927 г. в них входило 0,8% крестьянских хозяйств СССР⁴. Уровень производства в колхозах был крайне низким. Основной причиной этого была их несовместимость с нэповским (рыночным) механизмом функционирования аграрного сектора экономики. Кооперативные союзы, которым колхозы были отданы под управление, уделяли им мало внимания, поскольку имели иные приоритеты в своей деятельности. Земельные органы после передачи колхозов в кооперативную систему также практически перестали их обслуживать. Помимо формальных, существовали и идеологические причины подобного подхода. Ведущие специалисты земорганов разделяли критическое отношение к колхозам ученых-аграрников, представляющих либеральное и организационно-производственное направления российской экономической мысли.

Иной была ситуация с совхозами. Во-первых, они остались в подчинении земельных органов; во-вторых, их руководители и специалисты отводили совхозам важное место в рас-

3. Там же. М., 1984. Т. 3. С. 234.

4. История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. С. 374.

пространении среди крестьянства агрикультурных новаций. В итоге, заняв в условиях нэпа мизерное место в структуре валового производства, совхозы, тем не менее, выполняли ряд важных функций в организации сельского хозяйства: семеноводство, племенное животноводство, внедрение новейших видов сельхозмашин и инвентаря. Более того, по мнению ряда экспертов, роль совхозов в аграрной экономике страны должна была постоянно увеличиваться. В качестве одной из перспективных форм взаимосвязи совхозного производства и крестьянской экономики рассматривались так называемые совхозы-комбинаты⁵.

Получившие хозяйственную свободу российские крестьяне достаточно быстро восстановили посевные площади и поголовье продуктивного скота. Однако применявшийся большевистским режимом по отношению к зажиточным слоям деревни экономический и политический прессинг привел к консервации мелкотоварности крестьянского хозяйства и замедлению темпов развития сельского хозяйства. В конце 1920-х годов сталинское большинство в ЦК ВКП(б) пришло к выводу, что мелкотоварное аграрное производство стало препятствием на пути модернизации страны. XV съезд ВКП(б) в качестве основной цели партии в деревне поставил задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы»⁶. При этом речь шла не о немедленном переходе к форсированному колхозному строительству, а о его ускорении. Форсировать следовало вовлечение крестьянских хозяйств в простейшие производственные кооперативы, рассматривавшиеся в качестве «вернейшего средства постепенного перехода от кооперирования сбыта и

-
5. Совхозы-комбинаты, проекты которых создавались во второй половине 1920-х годов, представляли собой агропромышленные комплексы, специализирующиеся на производстве и переработке технических культур. В них входили совхоз с находящимся на его территории перерабатывающим предприятием и расположенные в округе единые крестьянские хозяйства. Совхоз помимо переработки занимался семенным делом, выращиванием рассады, а также агрикультурным, материально-техническим и транспортным обслуживанием крестьян.
 6. КПСС в резолюциях ... М., 1984. Т. 4. С. 299.

снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств»⁷.

Важная роль в социалистическом преобразовании аграрного сектора экономики отводилась совхозам, которые должны были превратиться «в образцовые крупные хозяйства социалистического типа», результатами своего труда на деле доказывая крестьянам близлежащих селений преимущества крупного обобщественного производства. Ставилась задача создания значительного количества новых крупных специализированных хозяйств. Июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение об организации в течение 4–5 лет новых крупных зерновых совхозов, производящих 100 млн пудов товарного зерна⁸.

Предусмотренный в общегосударственных планах уровень коллективизации деревни в конце 1920-х годов постоянно корректировался в сторону повышения. В подготовленном Наркомземом РСФСР и Колхозцентром РСФСР весной 1928 г. проекте пятилетнего плана (1928/29–1932/33 гг.) предполагалось вовлечение в колхозы 4,4% крестьянских дворов. Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР предусматривал к 1 октября 1933 г. объединить в колхозы 16–18% крестьянских хозяйств страны⁹. Выступавший на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) председатель Колхозцентра СССР Г.Н. Каминский заявил, что «в основных зерновых и сырьевых районах в течение 1½–2 лет подавляющая часть бедняков и середняков будет охвачена коллективизацией»¹⁰. Расширились и планы совхозного строительства.

7. Там же. С. 306.

8. КПСС в резолюциях и решениях ... Т. 4. С. 354–355. В 1927/28 г. общий объем товарного производства зерновых в СССР составлял около 800 млн пудов (*Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010. С. 169).

9. История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. С. 120.

10. Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. С. 287.

Выдвижение социалистической модернизации деревни в текущую повестку дня актуализировала проблему определения оптимальной организационной схемы радикально перестраиваемого сельского хозяйства, которую также пришлось решать форсированными темпами. Итогом мозгового штурма стало появление концептуальной модели социалистического сельского хозяйства, условно определяемой нами как «совхозно-колхозной». Структурными составными частями модели являлись совхозы и колхозы, полностью вытеснившие индивидуальное крестьянское хозяйство из аграрной экономики. Колхозное производство на начальном этапе социалистической реконструкции превосходило по объемам совхозное. Данное соотношение должно было постепенно меняться в пользу «последовательно-социалистических» совхозов. В более отдаленной перспективе кооперативная форма собственности сливалась с общенародной (государственной), а колхозы фактически превращались в совхозы. Тем не менее совхозный сектор сельской экономики с самого начала преобразований был призван вносить существенный вклад в валовое и товарное производство сельхозпродукции. Превосходя колхозы по уровню механизации, концентрации производства и производительности труда, совхозы становились локомотивами аграрной экономики. При этом они должны были стать не только крупнейшими сельскохозяйственными фабриками, но и оказывать окружающим колхозам организационно-хозяйственную помощь.

Существенный вклад в разработку вопросов организации совхозного производства внес А.В. Чаянов¹¹. В создавшихся условиях он был вынужден пойти на компромисс с системой «государственного коллективизма». Скептически относясь к перспективам колхозного строительства, Чаянов считал более экономически приемлемой формой организации сельхозпроизводства совхозы, которые позволяли широко внедрять средства механизации и агрикультурные новации. В предлагаемые

11. Никулин А. Чаяновская версия коллективизации // Отечественные записки. 2004. № 1.

организационные планы совхозов ученый включил новые способы использования техники: тракторные колонны, применение конвейерного использования системы машин (трактор, комбайн, грузовик), таборное выполнение работ, когда сельхозтехника, иногда с работниками, остается на ночь в поле, и т.д.

Применительно к колхозам подобных организационно-производственных схем создано не было. Отчасти это было связано с убеждением, что они вскоре также превратятся в высокомеханизированные крупные специализированные сельхозпредприятия, возможно и продолжая уступать совхозам по размерам. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) указал на необходимость строительства «крупных механизированных колхозов, которые должны использовать в своей технической организации опыт совхозов, постепенно превращаясь в подлинно социалистические предприятия, построенные на базе современной машинной техники и новейших научных достижений». Ставилась также задача развития строительства специализированных колхозов. В качестве одного из путей укрупнения колхозного производства в резолюции пленума назывались кустовые объединения колхозов или колхозных комбинатов, создаваемых «для совместного строительства предприятий, тракторных колонн и крупных машинных станций»¹². Следует отметить, что самостоятельные машинно-тракторные станции (МТС) не рассматривались теоретиками коллективизации как постоянно действующие структуры, а должны были функционировать лишь в условиях переходного периода, обслуживая мелкие колхозы. После их укрупнения техника МТС становилась составной частью материально-технической базы колхозного производства.

Специфика колхозной формы сельхозпроизводства определялась ее кооперативной сущностью. Как и любой кооператив, колхозы рассматривались как самостоятельные организации, являющиеся составной частью кооперативной системы. Взаимоотношения между государством и кооперацией и

12. КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 32.

внутри кооперации должны были строиться на договорной основе. В качестве основного метода этих взаимоотношений и базовой формы организации колхозного производства предлагалась контрактация, представлявшая собой договор между колхозом и кооперативным союзом (колхозсоюзом). В соответствии с заключенным договором контрактанты обязывались произвести указанную в нем продукцию с соблюдением обязательных агротехнологических и зоотехнических приемов и поставить ее оговоренный объем коопсоюзу. Последний брал на себя обязательства проавансировать будущие поставки или предоставить в кредит материально-технические ресурсы, необходимые для ее производства (денежные средства, семена, орудия труда, агрономические и зоотехнические услуги и т.п.). Коопсоюз, в свою очередь, заключал договор с государством о поставке сельхозпродукции и получении в обеспечение поставок материально-технических и финансовых ресурсов.

Теоретические построения аграрников-марксистов и конкретные планы колхозного строительства не предусматривали возникновения личного сектора сельской экономики. В них лишь поднималась проблема степени обобществления имущества новоиспеченных колхозников, которая зависела от формы колхоза. Для коммун, которые провозглашались «высшей» формой коллективного хозяйства, предполагалось полное обобществление средств производства. Члены сельхозартели могли иметь приусадебный участок и мелкий скот. В ТОЗах в личной собственности мог оставаться рабочий скот. В перспективе же планировалось образование единой формы колхоза с максимальной степенью обобществления. О личных подсобных хозяйствах работников совхозов и прочих рабочих и служащих речи вообще не шло.

Организация крупных сельхозпредприятий, которая являлась целью и итогом социалистической модернизации сельского хозяйства позволяла широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения (трактора с соответствующим шлейфом орудий, комбайны и другие

уборочные машины, доильные аппараты, кормораздатчики, инкубаторы и т.п.), применять агрикультурные новации (в том числе минеральные удобрения) и за счет этого резко повысить производительность. Достигнутое существенное наращивание валового и товарного производства сельхозпродукции должно было привести к многократному увеличению объемов и стоимости аграрного экспорта и таким образом обеспечить средствами ускоренное развитие тяжелой промышленности. В задачи колхозов и совхозов входило не только наращивание экспорта, но и обеспечивающее повышение материального благосостояния городского и сельского населения удовлетворение внутренних потребностей страны.

Разбуженный XV съездом ВКП(б) полет футурологической мысли был неудержим. В конце 1920-х годов параллельно с оформлением основных положений совхозно-колхозной модели функционирования сельского хозяйства была разработана модель агропромышленной интеграции, предполагающая объединение сельхозпредприятий различных форм и перерабатывающих предприятий в единые хозяйственные комплексы. В качестве организационных центров подобных комплексов рассматривались совхозы. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) рекомендовал создавать совхозно-колхозные объединения «под общим руководством» совхозов «с согласованным хозяйственным планом, с общей технической базой (тракторные колонны, ремонтные мастерские и т.п.), с общими предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции (маслодельные, сыроваренные и льноперерабатывающие заводы, мельницы и т.п.)»¹³.

Наиболее перспективной формой организационно-производственного комплекса в сельском хозяйстве признавался агро-индустриальный комбинат (АИК), представляющий собой объединение хозяйственных ячеек в виде совхозов, колхозов и перерабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной

13. КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 32.

и другой инфраструктурой. Центральное место в структуре АИКа занимал головной специализированный совхоз, который владел перерабатывающими предприятиями и базовыми элементами инфраструктуры. Комплекс, создаваемый вокруг крупного государственного перерабатывающего предприятия, определялся как индустриально-аграрный комбинат (ИНАК). Одной из целей создания комбинатов являлось преодоление сезонности сельскохозяйственного производства путем временного перераспределения работников между аграрными и индустриальными структурами. АИКи должны были также обладать развитой социально-культурно-бытовой инфраструктурой, основная часть которой сосредоточивалась в центральном населенном пункте комбината, фактически становящегося агрогородом.

Агро-индустриальные комбинаты должны были способствовать не только многократному наращиванию валовой и товарной сельхозпродукции. Они были призваны внести существенный вклад в решение краеугольных социально-экономических задач коммунистического строительства: слияния кооперативной и государственной собственности, превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, преодоления различий между городом и деревней. Один из теоретиков агропромышленной интеграции Я.П. Никулихин писал: «В перспективе мы, конечно, не будем иметь раздельно существование совхозов и колхозов. Мы будем иметь какую-то новую высокую форму предприятий, где промышленность и сельское хозяйство будут сливаться в прочном единстве». При этом «отойдет в прошлое грань, которая отделяла город от деревни»¹⁴.

К 1930 г. сформировалось два ведущих центра разработки теоретических и практических вопросов аграрно-индустриального комбинирования: Аграрный институт Коммунистической академии в Москве и объединенная

14. Цит. по: *Фигуровская Н.К.* Агро-промышленные комбинаты в историческом развитии // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975. С. 207–208.

группа экономистов в Новосибирске¹⁵. Результатом изысканий последних стал опубликованный в 1930 г. Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края, согласно которому сельское хозяйство региона к началу 1940-х годов представляло собой систему агро-индустриальных комбинатов¹⁶. Всего на территории края предполагалось создать 173 АИКа. Каждый комбинат имел специализацию, в целом соответствующую специализации сельскохозяйственного района, на территории которого он находился.

К середине 1930 г. специалисты сельхозсекции Сибплана разработали несколько подробных проектов агро-индустриальных комбинатов, которые рассматривались как типовые. Так, ведущей специализацией Шипуновского АИКа (Рубцовский округ) должно было стать производство пшеницы. На ее отходах базировалось птицеводство. В севооборот в качестве пропашной культуры вводилась соя. Отходы ее переработки, сеяные травы, окультуренные сенокосы и естественные выпасы создавали кормовую базу для разведения крупного рогатого скота мясного направления. На менее продуктивных пастбищах развивалось шерсто-мясное овцеводство. Организационно АИК состоял из базового зерносовхоза, двух крупных колхозов, птицеводческого и овцеводческого хозяйств. На центральной усадьбе совхоза, расположенной на железнодорожной станции, располагались большое мельпредприятие, зернохранилище, маслоперерабатывающий (соевый) завод, холодильник, электростанция и ремонтный завод (отдельные мастерские строились и в колхозах). Первоначально проектируемая площадь земельных угодий комбината – 200 тыс. га. Впоследствии ее планировалось увеличить до 700–800 тыс. га, а число входящих в АИК колхозов – до 7. Были созданы также проекты Маслянинского льно-молочного (Новосибирский округ), Еланского молочного (Барабинский округ), Прокопьевского пригородного

15. Там же. С. 207.

16. Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930.

овощеводческо-молочного (Кузбасс) АИКов и специализирующегося на производстве мяса и шерсти совхозно-колхозного комбината в Горном Алтае¹⁷.

Данные комбинаты должны были начать сооружаться в первую очередь в 1930/31 г. и выйти на проектную мощность к концу пятилетки. Первым этапом их создания являлось образование головного совхоза. Параллельно с ним проводилась коллективизация будущей территории АИКа. Далее следовало поэтапное строительство перерабатывающих предприятий, транспортной, энергетической инфраструктуры, объектов соцкультбыта.

В начале 1930 г. принимается решение о форсировании темпов коллективизации. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) поставил задачу завершить ее в основном в главных зерновых районах (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье) «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», в других зерновых районах (в том числе в Сибири) – осенью 1931 – весной 1932 г., в незерновых районах – к весне 1933 г.¹⁸ В регионах, с одобрения центра, этот процесс решили еще более ускорить. Так, 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) по инициативе его первого секретаря Р.И. Эйхе выдвинул задачу завершения коллективизации весной текущего года¹⁹.

Форсирование коллективизации было напрямую связано с планами индустриального строительства. Известный ученый-аграрник В.В. Кондрашин отметил, что в случае замедления уже набравшего темп «локомотива индустриализации» государство было бы вынуждено заморозить

17. Непосредственно в Генплан проекты АИКов не вошли. Они публиковались в отдельных брошюрах (Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. II: Маслянинский АИК (Маслянинский район Новосибирского округа); Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. 4: Шипуновский АИК (Шипуновский район Рубцовского округа); Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. 5: Прокопьевский агро-индустриальный комбинат (Прокопьевский район Кузнецкого округа); Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. 6: Онгудайский совхозно-колхозный комбинат (Онгудайский аймак Ойротской области)).

18. КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 5. С. 73.

19. Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: сб. документов. Новосибирск, 2009. С. 6–7.

основные промышленные стройки, распустить рабочих, специалистов, в том числе иностранных, и т.д. Чтобы не допустить этого, требовались «быстрые деньги» (валюта) для закупки оборудования в западных странах. Получить их, по мнению И.В. Сталина и его сторонников в Политбюро ЦК ВКП(б), можно было только за счет экспорта хлеба, существенное увеличение производства которого должны были обеспечить крупные товарные социалистические сельхоз-предприятия²⁰.

В конце зимы 1930 г. темпы коллективизации соответствовали самым смелым предположениям. В начале марта в СССР в колхозах числилось 56% крестьянских хозяйств²¹. Форсировались не только темпы колхозного строительства, но и степень «обобществления» крестьянского имущества. Ставка была сделана на насаждение коммун. Создавались колхозные комбинаты и колхозы-гиганты, в которые входили десятки селений, разбросанных на огромной территории, с количеством дворов, исчисляемых тысячами. Гигантскими размерами отличались вновь создаваемые совхозы. Некоторые из них располагались на территории нескольких административных районов. Началось создание АИКов. В Усманском округе Центрально-Черноземной области решением VI пленума облизполкома от 4 января 1930 г. был образован Ендовищенский агро-индустриальный комбинат. В него вошли 48 селений (59 тыс. человек), 6 совхозов и промышленных предприятий, 2 завода союзного значения по выработке огнеупорной глины, 2 кирпичных, 11 механических заводов, 13 водяных и несколько десятков ветряных мельниц. Для успешного функционирования АИКа предполагалось вложить около 3,5 млрд руб. на строительство зерно- и овощехранилищ, хозяйственных построек для сельхозинвентаря,

20. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 35.

21. История советского крестьянства. Т. 2. С. 155.

тракторов и автомобилей, служебных помещений (контор), жилых построек, дорог и т.п.²²

Результатом «большевистского натиска» на деревню стало резкое падение производительных сил сельскохозяйственного производства, особенно ошутимое в животноводстве. С тем чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне в массовом порядке стали выходить из колхозов. Уровень коллективизации опустился в СССР до 21%²³. Развалились, не успев организовать, и первые АИКи.

Отступление режима имело тактический характер. В начале 1931 г. массовая коллективизация возобновилась. На повестку дня вновь был поставлен вопрос о необходимости создании совхозно-колхозных и агро-индустриальных комбинатов. 22 февраля 1931 г., выступая на I съезде советов Западно-Сибирского края, заведующий краевым земельным управлением Н.П. Ялухин заявил: «Мы приступили к организации высшей формы сельскохозяйственного производства – агро-индустриальных комбинатов». Сообщив делегатам съезда, что разработаны проекты 5 комбинатов, он сказал, что строительство Маслянинского АИКа уже началось²⁴.

Однако на состоявшемся в марте 1931 г. VI съезде Советов СССР данная практика была осуждена. При этом материальная, техническая и политическая невозможность соединения в конкретно-исторических условиях сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности через создание комбинатов получила идеологическое объяснение. В постановлении съезда «О совхозном строительстве» указывалось на «огромное различие между совхозами и колхозами на данной стадии развития. Совхозы являются государствен-

22. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 831.

23. История советского крестьянства. Т. 2. С. 169.

24. Советская Сибирь. 1931. 24 февр.

ными предприятиями, где государство является полным хозяином <..>. Колхозы же, наоборот, являются предприятиями, основанными крестьянами, добровольно обобществившими свои средства производства <..>. При этом хозяевами колхоза являются колхозники». Основываясь на подобных тезисах, съезд определил «антиленинскими» и «грубо нарушающими политику Советской власти» «всякого рода попытки отождествить совхозы и колхозы, создавать скороспелые совхозно-колхозные комбинаты, а тем более подчинять колхозы совхозам»²⁵. Планирование АИКов после выхода данного постановления называлось не иначе как «вредительская» и «антипартийная» деятельность, как «маневры врагов» с целью ликвидации колхозов и совхозов²⁶.

После отказа от создания АИКов и совхозно-колхозных объединений на повестку дня была поставлена задача реализации совхозно-колхозной модели социалистической модернизации сельского хозяйства. При этом основной формой коллективного хозяйства на данной стадии колхозного строительства провозглашалась сельскохозяйственная артель, а ее оптимальные размеры соотносились с отдельным сельским населенным пунктом («артель-село»). Переход к коммуне как высшей форме колхозного движения должен был происходить в соответствии «с повышением технической базы, ростом колхозных кадров и культурного уровня колхозников»²⁷. Опережающими темпами планировалось развивать совхозное производство. Объединяемые в крупные специализированные тресты совхозы должны были занимать все более высокий удельный вес в аграрном секторе экономики.

К концу 1931 г. в колхозы вступило 60% крестьянских дворов страны. Таким образом, уже в течение 1931 г. аграрная экономика России перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство — ее базовой производственной ячейкой.

25. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. 1929–1940 гг. С. 280–281.

26. Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. С. 143–144.

27. КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 5. С. 162.

80%-ный уровень коллективизации, который определялся как ее «завершение в основном», был достигнут в стране в начале 1935 г.²⁸ Продолжалось интенсивное совхозное строительство. В СССР площадь посевов в совхозах увеличилась с 1929 по 1932 г. в 22 раза, поголовье КРС – в 16 раз, овец – в 6 раз, свиней – в 18 раз²⁹.

Однако, несмотря на видимые успехи колхозного и совхозного строительства, грандиозные планы по наращиванию сельхозпроизводства провалились. Коллективизация не только не способствовала подъему сельского хозяйства, но, напротив, в краткосрочной перспективе привела к падению производительных сил, особенно глубокому в животноводстве. В среднесрочной перспективе к концу 1930-х годов удалось добиться наращивания по сравнению с концом 1920-х годов посевных площадей и валовых сборов. Восстановить поголовье скота так и не удалось. Кроме того, форсированная коллективизация привела к ухудшению качественных показателей производства (урожайности, продуктивности).

При этом сформированный в процессе форсированной коллективизации аграрный строй радикально отличался от принятых к реализации теоретических конструкций. Организационно-производственной основой новой модели аграрного строя являлись колхозы, которые потеряли свою изначальную кооперативную сущность. С одной стороны, колхозы находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой – функционировали на принципах самокупаемости, осуществлявшейся в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена. Возросший по сравнению с доколхозной деревней уровень отчуждения сельхозпродуктов обеспечивался внеэкономическим принуждением («принудительная товарность»). Сверхнормативное изъятие продовольственных ресурсов в деревне приводило к латентному, очаговому или

28. История советского крестьянства. Т. 2. С. 196, 314.

29. Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1935. С. 328, 377; Народное хозяйство СССР: стат. справочник. 1932. М., 1932. С. 189.

массовому голоду, который сопровождал аграрный строй сталинского социализма на протяжении всего его существования.

Колхозы обладали лишь простым конно-ручным инвентарем. Сложные сельхозмашины находились в МТС, которые на возмездной основе, взимаемой в форме натуральной оплаты, занимались производственно-техническим обслуживанием колхозов. Помимо выполнения механизированных работ на МТС возлагалось осуществление так называемой организационной помощи колхозам. Они контролировали практически все стороны колхозной жизни – производство, учет труда, распределение дохода, в директивном порядке определяли агротехнику.

Как по своим размерам, так и по уровню механизации колхозы не стали «фабриками зерна, мяса и молока». По показателям урожайности и продуктивности скота они уступали единоличным крестьянским хозяйствам. Постоянным спутником колхозного производства являлась невиданная в доколхозной деревне бесхозяйственность. Крайне низкими были трудовая дисциплина и качество выполняемых работ. Значительных размеров достигали потери урожая. Низкая продуктивность и высокий процент падежа животных являлись следствием недостатка кормов, животноводческих помещений, плохого ухода за скотом.

Неотъемлемой составляющей колхозной системы были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ). Несмотря на мизерные размеры, они являлись для владельцев основным источником существования. Кроме того, значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед государством. Владение приусадебным участком было обусловлено членством в колхозе. У крестьянина, вышедшего или исключенного из колхоза, его должны были отобрать. Правления колхозов обязывались оказывать помощь колхозникам в обработке приусадебных участков, предоставлять участки для сенокосов. Важную роль в продовольственном обеспечении своих владельцев имели также личные подсобные хозяйства сельских рабочих и слу-

жащих. Массовым явлением стало так называемое коллективное огородничество жителей городов, которым выделялись значительные массивы земли в сельской местности для выращивания картофеля.

Совхозы, которые входили в специализированные тресты, отличались относительно высоким уровнем механизации и существенно превосходили колхозы по своим размерам. Однако они не стали, как это планировалось, ведущей организационно-производственной формой сельского хозяйства, а превратились во вспомогательный придаток колхозной экономики. Помимо трестированных совхозов в стране функционировало большое количество госхозов, представлявших собой подсобные сельхозпредприятия отделов рабочего снабжения (ОРСов) ведомств и крупных предприятий. Как правило, они были небольшими по размерам и в основном специализировались на свиноводстве, выращивании картофеля и овощей. Подсобные предприятия, создание которых планами социалистического строительства также не предусматривалось, имели фактически потребительский характер, поскольку их продукция предназначалась для снабжения работников основного производства.

Отличительной чертой аграрной экономики сталинского социализма являлась ее многоукладность. При этом так и не была в полной мере решена поставленная в конце 1920-х годов задача замены мелкотоварного крестьянского уклада крупным социалистическим. На сельхозпредприятиях социалистического сектора аграрной экономики (колхозах и совхозах) производилась абсолютно большая часть зерновых, кормовых и технических культур. Основным производителем картофеля и молока стали ЛПХ сельских жителей, размеры и товарность которых уступали даже бедняцкому хозяйству доколхозной деревни. В ЛПХ также производилась значительная часть мясопродуктов и овощей.

Таким образом, в ходе сплошной коллективизации в аграрной сфере в СССР сформировалась система, которую некоторые публицисты и даже исследователи определяют как

«агроулаг». В связи с этим возникает вопрос, не использовались ли картины, нарисованные в различных плановых наработках конца 1920-х годов как отвлекающая пиар-акция, прикрывающая действительные планы И.В. Сталина, изначально сделавшего ставку на построение «агроулага». Нам представляется, что И.В. Сталин и его окружение в высших эшелонах власти, начиная форсированную коллективизацию, все-таки верили в благотворное влияние массового колхозно-совхозного строительства на сельское хозяйство. И задача осуществления индустриализации за счет фактического ограбления деревни и тем более голодомора первоначально не ставилась.

Но завышенными ожидания от коллективизации были не только у теоретиков и практиков большевистского режима, но и у самих сельских жителей. Официальная пропаганда с самого начала установления советской власти постоянно говорила о преимуществах крупного социалистического хозяйства, которое позволит крестьянам выйти из вековой нужды, повысит материальное благосостояние, с помощью машин и механизмов существенно облегчит их труд, превратив его в разновидность индустриального. Крестьяне были убеждены, что, вступив в колхозы, они так же, как и рабочие, будут трудиться по 8 часов, получая 12 полновесных «урожаев» (зарплат) в год. При этом государство даст им необходимые материальные и финансовые ресурсы, позволяющие повысить материальное благосостояние, не прикладывая особых трудовых усилий.

Однако государство, уверенное в высоком производственном потенциале колхозов, намеревалось получить от колхозной деревни сельхозпродукции больше, чем оно получало до начала массовой коллективизации. При этом невыполнение заготовительных планов воспринималось как проявление «кулацкого саботажа» и пресекалось административными и репрессивными мерами. Колхозы необходимого для государства количества продукции не производили и были вынуждены выполнять планы заготовок за счет своих семенных, кормовых, страховых и потребительских фондов.

Поскольку фактически всю производимую продукцию изымало государство, то ресурсы для оплаты труда своих членов у колхозов отсутствовали. Практически ничего не получающие за свой труд колхозники фактически устроили на «общественных» полях и фермах «итальянскую» забастовку³⁰. Кроме «итальянки» массовый характер приобрело бегство из деревни. Широкое распространение получили хищения колхозного имущества, прежде всего хлеба. При этом массовый характер хищений в начале 1930-х годов стал производным не только и не столько от традиционного крестьянского менталитета, а представлял собой попытку крестьян спасти себя и свои семьи от реально грозящего им голода. Ответом режима становятся массовые репрессии, «закон о колосках», введение паспортной системы.

Показателем пересмотра взглядов части правящей верхушки и лично И.В. Сталина на перспективы и методы социалистической модернизации деревни можно считать и окончательный отказ от рудиментов «ленинского кооперативного плана». В начале 1932 г. упразднили сельскохозяйственную кооперацию, а ранее закрепленную за ней функцию заготовок передали государственным заготовительным организациям. В декабре того же года ликвидировали Колхозцентр, а также общесоюзные специализированные, региональные и районные колхозсоюзы. Та же участь постигла Трактороцентр (Всесоюзный центр МТС), акционерами которого, помимо государственных органов, были сельскохозяйственная кооперация и Колхозцентр. Руководство колхозами и МТС передавалось в руки Наркомата земледелия СССР и его органов. В конце 1932 – начале 1933 г. была отменена контрактационная система. Вместо нее вводились имеющие налоговый характер обязательные поставки основных видов сельхозпродукции. Таким образом, было осуществлено тотальное огосударствление аграрного строя страны.

30. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 131–134.

Коррективы подверглись и взгляды на перспективы совхозного сектора аграрной экономики. Положение дел в совхозах, которые были призваны демонстрировать крестьянам преимущества крупного «социалистического» производства, складывалось не лучше, чем в колхозах. В них также не соблюдались элементарные агротехнические и зоотехнические правила, относительно низкими были урожайность и продуктивность животных. В то же время себестоимость производства сельхозпродукции в совхозах была на порядок выше, чем в колхозах. Государство было вынуждено тратить значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение совхозов. Их работники в отличие от колхозников получали гарантированную заработную плату. Особенно неприятным сюрпризом для сталинского руководства стало невыполнение в 1930–1932 гг. подавляющим большинством совхозов СССР данных им планов хлебазаготовок. В материалах созданной в 1931 г. по инициативе Сталина специальной комиссии по проверке хозяйственной деятельности совхозов констатировалось, что они «фактически повисли на шее у государства»³¹. В связи с этим программа расширения совхозного сектора сельской экономики была свернута. Создание новых хозяйств практически прекратилось. Часть совхозных угодий была передана колхозам.

После массового голода 1931 – 1933 гг., чтобы не допустить его повторения, руководители государства приняли решение укрепить ЛПХ. Местные власти обязывались ликвидировать их «бескоровность», оказав колхозникам помощь в приобретении и выращивании молодняка. Колхозам, в свою очередь, следовало организовать продажу скота своим членам. В 1935 г. был принят новый Примерный устав сельхозартели, в котором предусматривались более высокие предельные нормы личного хозяйства, чем в старом³².

31. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки... С. 36.

32. В утвержденном в марте 1930 г. Примерном уставе сельскохозяйственной артели в индивидуальном пользовании рекомендовалось оставлять приусадебные земли (огороды, сады и т.п.), одну корову и «некоторое» количество мелкого продуктивного скота (Правда. 1930. 2 марта).

Провал сформулированной в конце 1920-х годов программы социалистической модернизации сельского хозяйства официально признан не был. Более того, в официальных документах, а затем и в советской историографии был сделан вывод о том, что коллективизация в СССР прошла в соответствии с основными принципами «ленинского кооперативного плана». Незначительные же отступления от него на первых этапах колхозного строительства, виновниками которых являлись левые и правые оппортунисты, были исправлены. В постсоветской историографии тождественных взглядов на позицию И.В. Сталина по вопросу перспектив коллективизации придерживаются приверженцы теорий модернизации и тоталитаризма. Адепты тоталитаризма абсолютно уверены в том, что тиран изначально сделал ставку на построение «агроулага». Сторонники концепции модернизации считают, что Сталин ясно осознавал необходимость создания колхозного строя как инструмента внеэкономической перекачки ресурсов из аграрной сферы в индустриальную. Иного выбора ни у вождя, ни у страны не было. Принципиальные отличия двух вышеперечисленных позиций заключается в формулировке конечных целей Сталина: завоевание мирового господства или сохранение суверенитета страны в условиях враждебного окружения.

Следует отметить, что некоторые из высокопоставленных представителей большевистской политической элиты 1930-х годов воспринимали сформировавшийся в ходе форсированной коллективизации аграрный строй как вынужденное временное отступление от идеальной социалистической

В Уставе 1935 г. в отличие от старого варианта устанавливались нормативы наделения колхозников приусадебными землями, которые могли варьироваться от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах – до 1 га. Уставом предусматривалось четыре варианта предельных норм содержания скота, зависящие от местных условий: 1) в растениеводческих районах – 1 корова, 2 головы молодняка крупного рогатого скота (КРС), до 2-х свиноматок с приплодом и до 10 овец и коз; 2) в растениеводческих районах с развитым животноводством – до 3-х коров, молодняк КРС, до 3-х свиноматок с приплодом, до 25 овец и коз; 3) в районах полукочевого животноводства – до 5 коров, молодняк КРС, до 40 овец и коз, до 3-х свиноматок с приплодом, «а также по одной лошади или по одной кумысной кобылице, или по 2 верблюда, или по 2 осла, или по 2 мула»; 4) в районах кочевого животноводства – до 20 коров, молодняк КРС, до 150 овец или коз, до 10 лошадей, до 8 верблюдов (СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82).

модели. И.В. Сталин, напротив, по нашему мнению, воспринимал сформировавшийся в ходе массовой коллективизации аграрный строй как утвердившийся «всерьез и надолго», поскольку, по его мнению, применительно к российским условиям он оптимально отвечал решению стоящих перед страной геостратегических задач.

Колхозная система, ставшая неотъемлемой составной частью мобилизационной экономики, выполнила поставленные перед ней задачи тотальной перекачки ресурсов деревни для проведения индустриализации в 1930-е гг., победы в Великой Отечественной войне, послевоенного восстановления народного хозяйства, но в то же время в силу неэффективности принудительного труда отличалась низким уровнем развития производительных сил.

В начале 1950-х годов кризисные явления в сельском хозяйстве начали нарастать. Объем производства и заготовок не обеспечивал потребностей страны. Зерновая проблема в СССР так и не была решена. Урожайность хлебов оставалась низкой и неустойчивой. В стране возник дефицит хлебопродуктов. Кризис животноводства был еще более глубоким. В связи с этим все большему числу представителей партийно-государственной элиты становилось ясно, что дальнейшее развитие отрасли на старых принципах невозможно.

С целью улучшения ситуации в сельском хозяйстве в начале 1950-х годов был сформулирован ряд предложений по реформированию организационной структуры и механизма его функционирования. Некоторые представители партийно-государственной элиты считали, что поступательное развитие колхозов сдерживают их относительно небольшие размеры, которые препятствуют эффективному использованию техники и наращиванию общественного производства. В полной мере раскрыть потенциальные возможности колхозного строя, по мнению сторонников данной точки зрения, возможно лишь на путях укрупнения хозяйств. Наиболее активным проводником данной идеи являлся Н.С. Хрущев, занимавший должность первого секретаря Московского

областного комитета КПСС. В январе 1950 г. пленум обкома принял решение начать в области «объединение мелких колхозов в более крупные и мощные колхозы». В марте 1950 г. в Министерстве сельского хозяйства СССР была подготовлена «Записка о необходимости объединения чрезмерно мелких колхозов»³³. В 1951 г. после завершения кампании по укрупнению колхозов Хрущев предложил вернуться к воплощению идеи агрогородов³⁴. В этом же году в рамках развернутой по инициативе И.В. Сталина экономической дискуссии научный сотрудник Института экономики РАН В.Г. Венжер и доцент МГУ А.В. Санина предложили передать технику МТС колхозам³⁵.

В 1952 г. с целью преодоления кризисных явлений в животноводстве была создана комиссия ЦК КПСС, в которую входили А.А. Андреев, Н.И. Игнатов, А.И. Микоян и Н.С. Хрущев. В конце года членами комиссии был согласован проект постановления «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах», предусматривавший существенное повышение заготовительных цен на продукты животноводства и ослабление тяжести налогового-податного обложения колхозов³⁶.

На рубеже 1940–1950-х годов активно обсуждался вопрос о санации совхозного сектора аграрной экономики. Большинство совхозов были убыточными. Их отрицательная рентабельность определялась относительно высокими производственными издержками в сочетании с крайне низкими сдаточными ценами на произведенную сельхозпродукцию. Однако их убытки компенсировались государственными дотациями. Эксперты Министерства совхозов СССР предлагали повысить рентабельность производства путем существенного увеличения государственных цен на продукцию. В Министерстве финансов полагали, что основным методом

33. Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950 М., 1978. С. 307–308.

34. Правда. 1951. 4 марта.

35. Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 16. С. 220–221.

36. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 52.

снижения себестоимости должна стать минимизация производственных издержек за счет мобилизации внутренних резервов³⁷.

И.В. Сталин, руководивший страной в режиме «ручного управления», дал согласие только на укрупнение колхозов. Остальные предложения им были отвергнуты. Генсек подверг критике предложения В.Г. Венжера и А.В. Саниной по МТС³⁸ и Н.С. Хрущева — об агрогородах³⁹, отложил рассмотрение вопроса о стимулировании развития животноводства. В 1952 г. Сталин поставил вопрос о ликвидации убыточных совхозов и передаче их земель колхозам⁴⁰.

Более того, в начале 1953 г. И.В. Сталин предложил повысить налоги на колхозы и личные хозяйства сельских жителей на 40 млрд руб., поскольку «крестьяне живут богато»⁴¹. Естественно, что данное утверждение абсолютно не соответствовало реальной действительности. В начале 1950-х годов колхозники большинства регионов России владели нищенское существование, а в основных сельскохозяйственных районах Сибири в связи с чередой недородов вообще находились на грани голода. Попытки модернизации аграрного строя были предприняты лишь после его смерти.

С конца 1953 г. аграрную политику в стране стал определять Хрущев, оттеснивший, а затем и устранивший своих политических соперников от власти. В современной историографии имя Хрущева, как правило, связывается с реализацией трех основных сверхпрограмм (проектов) развития сельского хозяйства страны: целинной, кукурузной и по подъему животноводства. Но указанные программы имели отраслевой, в целом внеидеологический характер и не приводили к изменению аграрных отношений. Масштабом дей-

37. Там же. С. 51.

38. Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. С. 221.

39. Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 33, 45–46. Критике, в частности, было подвергнуто предложение Хрущева сократить размеры приусадебных участков в перестроенных поселках.

40. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева... С. 51.

41. Там же. С. 52.

ствительной сверхпрограммы обладала проведенная под его руководством организационно-хозяйственная перестройка сельского хозяйства, которая в конечном итоге привела к формированию новой модели аграрного строя страны.

В своей деятельности по реформированию сельского хозяйства Хрущев основывался на собственных убеждениях, которые были окончательно сформированы на рубеже 1920–1930-х годов. Его взгляды на пути решения аграрного вопроса сводились к следующим тезисам: 1) крупное общественное хозяйство с мощной технической базой имеет преимущества над мелким; 2) организационно-производственная структура социалистического сельского хозяйства должна состоять из предприятий двух типов – государственных хозяйств и базирующихся на кооперативной собственности колхозов; 3) ведущая роль в социалистической реконструкции аграрной экономики принадлежит совхозам, которые, в отличие от колхозов, являются «последовательно-социалистическими» предприятиями; 4) после построения социализма кооперативная собственность начнет сливаться с общенародной (государственной), а колхозы – фактически превращаться в совхозы; 5) строительство социализма будет сопровождаться постепенным преодолением различий между городом и деревней, которое будет завершено в коммунистической перспективе.

Однако сформированный в процессе форсированной коллективизации аграрный строй радикально отличался от теоретических конструкций. Особенно сильное отторжение у Хрущева вызывали следующие его отличительные черты: а) абсолютное преобладание колхозной формы производства; б) небольшие размеры колхозов; в) лишение колхозов сложной сельскохозяйственной техники, сосредоточенной в МТС; г) натуральный характер отчуждения сельхозпродукции; д) значительные масштабы развития личного сектора сельской экономики. Устранение перечисленных «отступлений» от марксистско-ленинских принципов функционирования социалистического сельского хозяйства и составляло основное содержание сверхпрограммы Хрущева по реформиро-

ванию аграрного сектора экономики. Данная программа не была зафиксирована в каком-либо документе, а существовала лишь в виде концептуальных ориентаций реформатора, реализация которых имела ситуативный характер.

В конце 1950-х годов Хрущев реализовал базовые положения своей программы. Основные политические акции по ее воплощению в жизнь (реорганизация МТС, отмена натуральных податей, публичное объявление войны ЛПХ) были предприняты в 1958 г.⁴² В первую очередь это было связано с разгромом консервативной («антипартийной») группы в руководстве КПСС, члены которой выступали не за демонтаж, а за совершенствование сложившейся в стране в предыдущий период колхозной системы с опорой на уже апробированные в ее рамках механизмы развития. Кроме того, советский лидер полагал, что в результате предшествующего развития сельского хозяйства для реформ созрели объективные условия.

На рубеже 1950–1960-х годов Хрущев, посчитав этап создания социалистической экономики завершенным, принял решение приступить к строительству коммунизма. Данный курс был закреплен в принятой в 1961 г. III программе КПСС, в которой была поставлена цель в течение двадцати лет создать материально-техническую базу коммунизма. В аграрной сфере ставились следующие задачи: превращение сельскохозяйственного труда *«в разновидность промышленного»*; сведение к минимуму зависимости сельского хозяйства *«от природной стихии»*; достижение *«изобилия высококачественных продуктов питания для населения и сырья для промышленности»*; экономическое *«изживание»* личного подсобного хозяйства; создание условий для *«слияния колхозной собственности с общенародной в единую коммунистическую собственность»*; ликвидация *«в основном»* различий между городом и деревней⁴³.

42. Андреев С.Н., Ильиных В.А. Аграрный вопрос в 1950-е гг.: выбор модели решения // Экономическая история. 2014. № 2. С. 84–85.

43. КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 128, 135–142.

Соратники Хрущева, устранив его в октябре 1964 г. от власти, отказались от немедленного построения коммунизма, но не отказались от сделанной им ставки на совхозно-колхозную модель функционирования сельского хозяйства. Преемственность «нового» курса аграрной политики с прежним, в частности, заключалась в продолжении совхозизации сельского хозяйства. В то же время были скорректированы подходы к личному сектору аграрной экономики. На самом высоком уровне было заявлено о необходимости устранения его «необоснованных ограничений».

В итоге в 1970-е годы в СССР окончательно сформировалась постсталинская модель аграрного строя, которую можно определить как совхозную. Характерными чертами ее становления и функционирования являлось укрупнение производственных структур, индустриализация сельскохозяйственного производства и труда. Организационно-производственной основой новой модели стали крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые были превращены и колхозы. От совхозов они отличались лишь по формально-правовым признакам. Юридически основные и оборотные средства колхозов и произведенная продукция находились в коллективной (кооперативной) собственности их членов; на деле же неограниченным владельцем, пользователем и распорядителем, т. е. собственником колхозного имущества, являлось государство. Основным стимулом труда в совхозах и колхозах стала заработная плата, размер которой постоянно увеличивался. В связи с этим роль ЛПХ в удовлетворении потребительских нужд сельских семей уменьшилась, и оно превратилось в подсобное. При этом личный сектор аграрной экономики был интегрирован с совхозно-колхозным производством.

А.Б. Шейнин¹

ПРОБЛЕМА ПОСТОЯНСТВА ВЛАДЕНИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЗЕМЛЕЙ
(на примере России)

Исторически финансовые соображения обычно перевешивали выгоды от постоянства владения и пользования землей. В настоящее время незавершенность аграрной реформы и государственного управления сельским хозяйством мешает восстановлению и развитию сельского хозяйства в разных зонах России. Предлагаются некоторые меры с целью преодоления нынешних недостатков.

Ключевые слова: сельское хозяйство, земля, право собственности, постоянство владения, аграрная реформа, неопределенность земельных прав, нечерноземная зона.

1. Постоянство владения землей официально выражается в праве собственности. Но оно может проявлять себя и в других правовых институтах, вроде постоянного владения, длительной аренды с правом ее продления и др. Историки права подробно изучают развитие института собственности на сельскохозяйственные земли, прежде всего крупной собственности. Меньше уделяется внимания развитию права собственности на землю низовых тружеников.

Слов нет, без выяснения всех этих обстоятельств нельзя судить о справедливости установленных в обществе земельных отношений. Однако нередко при этом в стороне остаются важные *экономические* вопросы: как влияют правовые отношения собственности на интенсивность производства, как они отражаются на состоянии самой земли, с помощью которой добываются продукты сельского хозяйства. В общем случае оптимальный результат достигается тогда, когда на земле трудится сам ее хозяин. Однако такое положение наблюдается далеко не всегда. Например, в крупном хозяй-

1. Леонид Борисович Шейнин – к. ю. н., независимый исследователь.

стве собственник и работник на земле не совпадают в одном лице. Такое совпадение необязательно и для не крупного хозяйства. Если собственник не может (не хочет, не умеет) вести сельское хозяйство, то земля нередко оказывается в чужих руках, например арендатора. При этом для общества важно не только справедливое распределение результатов производства между этими лицами. Важно, чтобы в процессе их взаимодействия земля не снижала плодородия, а по возможности повышала его. Исторический опыт показывает, что добиться такого результата бывает непросто.

Особую проблему составляет стабильность границ каждого хозяйства. Такая стабильность необходима, ибо к существующим земельным площадям их владелец приспособливает свои рабочие силы, постройки, технику, поголовье скота, другие средства производства. Но, с другой стороны, прогресс сельского хозяйства нередко дает возможность увеличивать мощность отдельных хозяйств и вовлекать в них новые производственные площади. Если же границы хозяйства суживаются, то возникает вопрос о его жизнеспособности как производственной единицы. Если хозяйство поставляет свою продукцию постоянному покупателю, например перерабатывающему предприятию, то последнему зачастую неудобно, что его партнер уменьшает размер продаж или меняет другие сложившиеся отношения. Все такие перемены в динамике производства заслуживают особого рассмотрения.

При анализе права собственности на землю необходимо различать право и фактические отношения владения и собственности, поскольку фактические отношения могут не отвечать соответствующим правам. В русском законодательстве само понятие «право собственности» документально зафиксировано только в 1782 г. в указе Екатерины II, который закреплял за помещиками в пределах их имений все земли, недра, воды, а также «произрастания»².

2. Шейнин Л.Б. Как в Российском праве появилось дремлющее право на землю. История государства и права. 2014, № 4. С. 17–21.

Если земля сдается в аренду, то определенность отношений между арендатором и собственником является одной из составляющей, необходимой для получения оптимального результата. Но не менее важным является воздействие государственной власти и на земледельцев, и на собственников земли; история показывает, что перетасовка тех и других нередко зависит от политических решений и от складывающихся социальных условий.

Отмечая массовое нарушение вотчинных прав в период Опричнины (1565–1572 гг.), известный историк В.О. Ключевский приходил к выводу, что при Иване Грозном крупная частная собственность на землю была вообще ликвидирована³. Действительно, в ходе Опричнины так называемая вотчинная система претерпела немалый урон, и в этом Ключевский был прав. Однако спорным является его исходное предположение, что вотчины (в это понятие входила не только земля) были *собственностью* их владельцев. Дело в том, что владение вотчиной (как и поместьем) было *условным*. Если вотчинник не выполнял своих обязанностей перед государством или если на него распространялась опала по политической причине, то вотчину у него отнимали.

Движение против крупных вотчинников продолжалось и после отмены Опричнины, порой оно принимало причудливые формы. Так, овдовевшему и не имевшему детей князю Василию Шуйскому (будущему царю в 1606–1608 годы) было запрещено жениться второй раз. Этот запрет действовал еще в годы правления Бориса Годунова (запрет был снят только при воцарении Лжедмитрия). Имелось в виду, что заслуженное лицо – боярин и князь Шуйский – будет пользоваться, вместе с приближенными к нему людьми, доходами со своей вотчины при жизни, но затем она как выморочная поступит в поместную раздачу, которой отдавалось предпочтение.

Тем не менее, вотчинная система уцелела, и на то были серьезные причины. Вотчинник в отличие от помещика не счи-

3. См.: Ключевский В.О. Подушная подать в России и отмена холопства. Соч. Т. VII. М., 1959. С. 136.

тал себя временным владельцем и зачастую не был им. «Проча себе и детям», он не склонен был переобременять своих крестьян, а при чрезвычайных обстоятельствах нередко приходил им на помощь. Правда, вотчинник чувствовал себя более независимым, чем помещик, и это могло отрицательно сказываться на его государственной дисциплине. Однако и «государственный отбор» в отношении вотчинников был более строг. Можно думать, что вотчины получали и продолжали ими владеть в основном зарекомендовавшие себя роды; внутри этих родов существовало что-то вроде круговой поруки, о чем уже в XVIII в. писал один из первых известных нам русских историков князь Щербатов. Не исключено, что вотчинники стремились выделить себя из всей служилой массы как носителей идеи государственности; они старались поддерживать в государстве нечто вроде аристократического духа.

Более прочное земельное положение вотчинников по сравнению с помещиками должно было *положительно сказываться* также на освоении новых земель и на окультуривании старопахотных массивов. По-видимому, в крупных вотчинах более благоприятным было и положение земледельцев. Со временем именно поместья были переведены на положение вотчин, а не наоборот. Однако пока что эта тема остается мало затронутой историками сельского хозяйства. Подтверждение (или опровержение) предложенного тезиса ждет своего исследователя.

2. Теоретически, владельцем сельскохозяйственной земли может быть крестьянская семья (двор), кооператив, фермерское или иное хозяйство. В любом случае сельскохозяйственным землям противопоказана частая смена владельцев – пользователей. Постоянный владелец хорошо знает особенности своих земель и поэтому способен правильно распланировать их: выделить пашню, огородную и садовую землю, сенокосы, выпасы, а внутри каждого поля и среди каждого угодья – отдельные контуры (парцеллы), требующие неодинакового обращения. Соответственно, он может оптимальным образом расположить дороги, строения, лесопосадки,

пруды, каналы. Если владелец застал уже распланированную землю, то может просто придерживаться сложившегося устройства; правда, такой вариант замедляет необходимые улучшения. Кроме того, он должен реагировать на изменения: технологические, социальные и рыночные, которые происходят как внутри, так и вне данного хозяйства. Ему надо также принимать во внимание, что природные процессы не движутся по кругу; они меняют направление и интенсивность, и к этим изменениям надо приспосабливаться.

Смена владельцев, особенно если она производится систематически (так бывало в России при пользовании общественной крестьянской землей), чревата и другими недостатками. Перед очередным переделом земель каждый владелец, имеющий право на надел, придерживает удобрение (ему нет смысла вносить его в землю, которая достанется другому), ослабляет меры борьбы с сорняками, с эрозией почв. Систематические переделы мешают прочным земельным улучшениям (мелиорациям), производимым в индивидуальном порядке, поскольку плоды проделанных работ достаются другому лицу. Это же соображение сдерживает мелиоративные работы, растянутые по времени, вроде углубления культурного слоя почвы, уборки напольного камня, создания напашных террас на склонах. Давно было замечено, что земельные переделы препятствуют «обиходить участок, который вскоре может быть... отдан другому»⁴.

Известный английский агроном Артур Янг (1741–1820) даже аренду земли считал величайшим злом, так как после окончания срока арендатор оставлял после себя негодное пространство. Тем не менее, в середине XX в. в Англии сдавалась в аренду примерно половина всех сельскохозяйственных земель, и это не мешало высокой производительности, которая достигалась многими способами, в том числе путем капитальных работ по улучшению почв⁵. В этих работах

4. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. М., 2013. С. 63. (Со ссылкой на: Качаровский К.Р. Русская община. М., 1906.)

5. Hallet G. The economics of agricultural land tenure. Aberystwyth, 1960.

арендаторы нередко являлись партнерами собственников. Но такая слаженность была достигнута далеко не сразу; понадобилось немало лет, пока законы и судебная практика создали систему гарантий для вложений в землю, которая устраивала как арендаторов, так и собственников земли⁶.

В России во времена крепостного права аренда земли не была частым явлением. Зато переделы земли практиковались и среди государственных крестьян, и во многих помещичьих имениях. Наверное, все причастные стороны понимали нерациональность такого метода землевладения и старались добиться постоянства владения землей. Из одного документа Никольской вотчины Орловых на Ярославщине видно, что, когда земли одной деревни перешли к другой, мирские власти последней настояли на записи, что земля переходит к ним «в вечное владение»⁷.

Однако к переделам толкала существовавшая финансовая система. В помещичьих имениях государственные подати и работы ложились не на конкретного крестьянина (или дворового человека), а на всех лиц, приписанных к данному имению. Если слабое хозяйство не могло выплатить падающей на него суммы, то она раскладывалась между остальными⁸. Помещики применяли круговую поруку для взыскания также сумм, которые следовали им самим. Поэтому и помещик, и крестьянский «мир» старались не допустить положения, когда плодородная земля оставалась во владении ослабевшего двора (где умирал или заболел глава семьи, где пала лошадь или случались иные невзгоды). Такую землю передавали соседу или соседям, соответственно увеличивая падающую на него или на них долю от общего платежа. Прирезка земли какому-либо хозяйству не всегда была при-

6. Мануйлов А.А. Аренда земли в Ирландии. М., 1895.

7. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.) М., 1976. С. 222.

8. Если в долгу оказывалось помещичье имение в целом, то ему грозило, что в крестьянские дворы будут водворены на постой солдаты. Такой постой был равнозначен разорению крестьянских хозяйств.

вилегией; она означала не только расширение земельных прав этого хозяйства, но и увеличение фискальной нагрузки.

Некоторые помещики предписывали не трогать земельные наделы упавших хозяйств в ожидании их «поправки» (например, если у главы семьи — вдовы растут дети — мальчики). При этом было два возможных финансовых последствия. Либо выпадавшие (неплатимые) суммы с этих хозяйств перекладывались на других крестьян, либо помещик принимал такие суммы на свой счет. Этот последний вариант известен на примере Н.И. Одоевского, который давал льготы некоторым бедным крестьянам в своем селе Покровском⁹. Примером же первого варианта может служить распоряжение графа В.Г. Орлова, направленное в 1777 г. бурмистру его села Сидоровского. Орлов требовал освободить от тяглых платежей хозяйства, впавшие от несчастных случаев в «бедность и крайнее изнеможение», и переложить эти платежи на «прожиточных» крестьян. При этом упавшим хозяйствам оставалась вся их пахотная земля и сенокосы¹⁰.

Но во многих случаях на первом месте стояли ближайшие фискальные интересы помещика — не допустить падения его доходов и по возможности способствовать их росту. Показательно, например, решение С.Г. Нарышкина в отношении спорной земли двух его малоярославецких деревень. Эти земли помещик разделил между двумя деревнями по наличным тяглам — безотносительно к тому, какая деревня и как долго владела этими землями, и какие были между деревнями прежние отношения по земле.¹¹ Фискальные отношения обычно перевешивали доводы тех, кто претендовал на землю, как на «свою»; землю отдавали тому, кто готов был сполна платить царю и барину. Когда земля перераспределялась между селениями, многоземельные селения пытались отстаивать свои права на «излишние» земли, но безуспешно¹².

9. Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 122.

10. Там же. С. 158–159, 183.

11. Коган Э.С. Очерки истории крепостного хозяйства. М., 1960. С. 188–189.

12. Там же. Сс. 191, 192, 195, 199.

Представляет интерес не получивший объяснения в исторической литературе феномен — различное отношение крестьян к наделной и покупной земле.

Состоятельные помещичьи крестьяне могли покупать землю на стороне, правда, только на имя своего помещика, поскольку официально (с 1782 г.) вся земля в пределах каждого помещичьего имения принадлежала помещику. Но при этом наблюдалась такая картина, когда крестьяне-покупщики *забрасывали* свои наделные пашни и переключались на обработку покупных земель — нередко вопреки воле своих помещиков. Объяснить такое странное поведение можно только одним — нежеланием вкладывать силы и средства в наделные земли, которые были подвержены переделам. Крестьяне предпочитали более тщательно обрабатывать и усиленно удобрять именно покупные земли, поскольку они в переделы не вовлекались. В многоземельных степных местах вместо покупных нередко использовались ничейные соседние земли.

В 1826 г. в Мануйловском имении кн. Гагарина его ревизор обнаружил, что у крестьян «много гулящей, запущенной в покос и заросшей кустарником земли... а которую хотя и засевают, но обрабатывают ее нехозяйственным образом и удобряют навозом очень мало»¹³. Такое явление не было единичным и в более раннее время. В Саратовской вотчине Куракиных в 1783 г. процент засева наделной земли не превышал 56, а по некоторым тяглам доходил только до 18. Одна из причин — падение плодородия выпаханых земель. Крестьяне забрасывали их в залежь и косили там сено, а для посева пользовались вновь распаханными более плодородными нивами. Такой двуединый земельный процесс был характерен для разных по своему состоянию крестьян, которых исследователь сгруппировал по размеру их озимого клина и озимого посева¹⁴. Можно думать, что этот процесс происходил в одних и тех же крестьянских хозяйствах.

13. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М.: Изд. Моск. университета, 1967. Сс. 177, 192.

14. Коган Э.С. Указ. соч. С. 47.

Довод о выпаханности надельной земли не принимался Куракиными, которые требовали, чтобы все такие земли обязательно распаивались и засеивались — очевидно, вне зависимости от использования крестьянами новых земель. Почему перемена пашни была не в их интересах — не вполне ясно (возможно, перемена пашни снижала расчет денежных и натуральных платежей, причитавшихся с крестьян).

Не исключен и такой вариант, что многие тяглецы занимались промыслами, которые давали им больше дохода, чем пашня. Переключаясь на выделку саней и рогож, часть пашни они забрасывали. Если Куракины плохо контролировали промысловые доходы своих крестьян, то для них было логично ограничивать отлучки крестьян из вотчины, с одной стороны, и заставлять их обрабатывать всю тяглую пашню, с другой. Примерно так они и поступали. Забрасывание надельной земли Куракины рассматривали как леность и нерадение крестьян; последних иногда подвергали за это наказанию (порке). Однако эта мера не достигала своей цели¹⁵.

В особом положении были земли, которые крестьяне расчищали из-под леса. В 1770-х годах помещики Суворовы запрещали оборот крестьянских земель внутри своей Ветлужской вотчины. По-видимому, они опасались, что таким путем слабые хозяйства освободятся от земли, превратятся в так называемых бобылей и перестанут выполнять свои крестьянские (крепостные) обязанности перед помещиком (и государством). Но это не касалось крепких хозяйств, расчищавших из-под леса новые земли. Такие земли Суворовы разрешали пускать в оборот.

Примерно такие же отношения по поводу расчисток существовали на Ярославщине в Нерехотском селе Писцово, принадлежавшем Голицыным. Нередко так же поступали монастыри. Например, относительно большие хозяйственные права признавали за своими крестьянами — освоителями новых земель Пафнутьевский (Боровский) и Иосифо-Волоколамский

15. Там же. С. 69.

монастыри. Они поощряли расчистки, оставляя их в пользовании инициаторов на 8–10 лет, но затем накладывали на эти земли свою руку и распоряжались ими сами¹⁶.

Из документов архива кн. Куракина, относящихся к его саратовскому и пензенскому имениям (последняя треть XVIII в.), видно, что чищебные из-под леса крестьянские земли не поступали в переделы, их наследовали и продавали, т. е. они приближались по своему положению к частной собственности их владельцев. По одной из малоземельных вотчин князя процент такой единоличной крестьянской пашни достигал 35. Поскольку некоторые крестьяне испытывали нужду в земле, помещик иногда требовал поравнения землепользования по тяглам, однако это требование плохо выполнялось. Правда, когда часть крестьян переселяли в другую многоземельную вотчину того же Куракина, чищебные земли подлежали передаче остающимся крестьянам. Переселенцы наделялись землей на новом месте, но уже не с такими правами на нее, как прежде¹⁷.

В 1818 г. на часть крестьянских расчисток в своем бутском имении в Тамбовской губернии претендовал с помощью привлеченной военной силы Н.С. Гагарин. Тем не менее, эти расчистки остались за крестьянами¹⁸.

В исторической литературе недостаточно освещенным является понятие *своеземцев* (земцев). Считается, что такой слой земледельцев существовал с XII по XVIII в. В.О. Ключевский сообщает, что эта категория лиц была известна в Новгородской земле, например в Ореховском (будущем Шлиссельбургском) уезде. Своеземцы упоминаются также в документах псковских и тверских. По представлениям Ключевского, своеземцы были состоятельными горожанами, которые коллективно осваивали подходящие земли (в качестве так называемых сябров), после чего такие земли делились по участникам.

16. Коган Э.С. Указ. соч. С. 230, 231, 232.

17. Там же. С. 32–40, 102.

18. Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 245–246, 259.

Земли своеземцев обычно группировались в определенных местах. По писцовым описаниям за каждым своеземцем числилось несколько деревень, под которыми можно понимать окультуренные участки. Возможно, что эти участки составляли некий «куст». Если на участках располагались дворы, то существует большая вероятность, что на них привлекались так называемые половники. По всей видимости, своеземцы не входили в волостную организацию¹⁹.

Возможно и другое понимание своеземцев как низового административного аппарата, по крайней мере в некоторых частях Новгородских владений. Известно, что после завоевания Новгорода в 1478 г. Иван III набирал низовой административный аппарат из своеземцев и послуживцев новгородских бояр. В более поздние годы, в 1574 г., когда проходила первая перепись смоленских помещиков – служилых людей, из 519 человек 114 принадлежали к «земцам»²⁰.

Во времена Великого Новгорода их можно представить в качестве налоговых агентов, за каждым из которых закреплялись определенные деревни. С этих деревень своеземец и собирал причитавшиеся Новгороду подати. В качестве же поощрения своеземцы не платили налогов с принадлежавших им самим земель; отсюда (возможно) происходит их название. Для нашей темы важно отметить, что закон допускал особые их права на занимаемую землю. Своземцы исчезли в официальных документах в последнюю четверть XVIII в. По-видимому, те из них, которые не были востребованы в государственный аппарат, оказались на положении государственных крестьян.

Вопрос о своеземцах ждет прояснения. Возможно, это позволит лучше оценить полезность такого земельного института, как постоянство землепользования, которое было при-

19. О своеземцах нет упоминания в официальных документах, содержащих категории плательщиков налогов.

20. *Маковский Д.П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963. С. 185, 186.

суще своеземцам (впрочем, как и некоторым другим кругам северного крестьянства).

3. Во времена крепостного права были помещики, которые стремились утвердить постоянство владения землей среди своих крестьян. Одним из них был дворянин подмосковного Звенигородского уезда Е.И. Бланкеннагель (1750–1813 гг.)²¹. Зять Бланкеннагеля (он же основатель Харьковского университета) В.Н. Каразин пошел еще дальше; он предлагал правительству обязать помещиков передавать определенную долю пахотной земли каждого имения «в наследственную аренду» крестьянам²². Некоторые помещики имели резервные земли для новых тягол, и это позволяло им добиваться постоянства землепользования (Чембарское имение в Пензенской губернии П.А. Шепелева)²³.

Шаги в этом же направлении предпринимались на государственном уровне. В 1760-х годах вновь созданное Вольное экономическое общество объявило конкурс работ о праве собственности крестьян на *движимое имущество*. Не подлежит сомнению, что поддержка конкурса или даже его инициатива принадлежала самой императрице – Екатерине II (годы правления 1762–1796), поскольку она была привержена идее частной собственности²⁴. Можно утверждать, что

-
21. Егор Иванович Бланкеннагель больше известен как пионер в области производства свекловичного сахара. В 1802 г. вместе со своим партнером технологом Есиповым он устроил первый в России сахарный завод в тогдашних Тульских краях (электронная информация). К сожалению, его идея относительно закрепления за крестьянами их участков и расселения на хутора известна гораздо меньше. Нет сведений, производилось что-либо подобное в его сельце Анашкино, а если производилось, то как оно показало себя на практике.
 22. *Семевский В.И.* Крестьяне // Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7. СПб, 1913. Т. 25. С. 499.
 23. *Александров В.А.* Указ. соч. С. 204.
 24. В своем «Наказе» для Комиссии о составлении законов, собравшейся в 1767 г., Екатерина прямо писала о вреде «рабства» и о пользе (частной) собственности. Впоследствии многие публицисты и политические деятели упрекали ее в лицемерии, ибо никаких шагов к отмене крепостного права императрица не сделала. Но расхождение между ее идеалами и делами было вынужденным. Дворянство не позволило бы никакому монарху отменить крепостное право, если бы это ударило по его доходам. Заслугой Екатерины II надо признать те подготовительные меры, которые она предприняла для отмены крепостного права. См.: *Шейнин Л.Б.* Политика заселения свободных земель в XVIII–XIX веках, как подготовка к отмене крепостного права // Крестьянская реформа 1861 г.: итоги и последствия. Сб. ст. М.: Институт экономики РАН, 2011. С. 180–191.

«движимое имущество» было только пробным шаром, настоящей целью был вопрос о собственности на землю.

Практически во всех конкурсных сочинениях (где затрагивался вопрос не только о движимом имуществе крестьян), идея частной собственности крестьян на землю отвергалась. Тем не менее, в 1766 г. было премировано сочинение, принадлежавшее французскому автору Беарде-де-Лаббе, в котором он предлагал закрепить за крестьянами их усадьбы, плюс небольшие наделы, с тем чтобы остальную землю они арендовали у помещиков. Фактически речь шла об освобождении крепостных крестьян от власти помещиков, точнее, о переводе этой власти в плоскость рыночных отношений (аренды земли). Сочинение де-Лаббе было переведено на русский язык и опубликовано²⁵.

Императрица, как и некоторые просвещенные администраторы, хотела внедрить в дворянскую среду мысль о необходимости *постоянства* пользования крестьянами своей землей. В собранную императрицей Комиссию о составлении законов эта идея была подана как отмена подушной подати с крестьян и переложение ее на землю (видимо, на пашню). Предложение императрицы обсуждалось в Комиссии, но было отвергнуто. Дворянский депутат Полетика разъяснил царице, что земля без крепостных крестьян не имеет экономической ценности.

Правда, такое положение было не везде. В Веневском уезде (современная Тульская область) помещики предложили правительству переселить местных однодворцев (в недалеком будущем – государственных крестьян) в открывшиеся для земледелия (после покорения Крыма и ликвидации Запорожской Сечи) Причерноморские степи. Освободившуюся землю они прочили себе и своим крестьянам. Но такие случаи были, по-видимому, единичными. В недалеком от Венева Крапивненском уезде помещики

25. Семевский В.И. Крестьяне // Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7. СПб, 1913. Т. 25. С. 463–464.

просили продать им бывшие монастырские (недавно секуляризованные) деревни, предлагая заплатить по 30 руб. за каждую мужскую душу. О платеже за землю не упоминалось. Очевидно, у этих помещиков не хватало работников, и они готовы были частично переселить купленных (если им разрешат) людей на свои земли²⁶.

Но в первой половине XIX в. положение начало меняться. Рост населения приводил к повышенному спросу на землю. Угроза, что земля может оказаться без обработки, заброшена, резко снизилась. К тому же некоторые помещики стали применять наемный труд, и могли забрать себе забрасываемые крестьянские участки. В 1845 г. тогдашний министр внутренних дел А.А. Перовский в докладе царю писал, что в некоторых черноземных уездах помещикам выгоднее нанимать батраков для обработки своей пашни, чем прибегать к крепостному труду²⁷. При таких обстоятельствах стремление к переделам земли должно было упасть.

О произошедших изменениях в аграрных отношениях сообщает более близкий к нам автор – А.Н. Юровский. Он приводит отчет управляющего помещицы Нарышкиной в Камышинском уезде, где в качестве доказательства успешности своей деятельности управляющий ссылается на то, что каждое крестьянское хозяйство имеет «в своем неприкосновенном владении» усадебные, огуменные и огородные места, а также некоторую пашню²⁸. Таким образом, переделы земли не были повсеместными.

Допустимо думать, что закрепленные крестьянские участки уподоблялись так называемым *чиншам* в украинских губерниях (бывших польских владениях)²⁹. Эту особенность

26. Троцкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 103–104.

27. Милюков П. Крестьяне // Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Т. XVI-А. СПб., 1895. С. 700.

28. Юровский А.Н. Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крестьянского хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия. Саратов, 1923. С. 202.

29. В Литовском государстве в XVI в. (в период с 1557 г. примерно до 1570 г.) проводилась аграрная реформа, приводившая к выделению-закреплению за каждым тягловым двором стан-

украинских земель отмечал известный историк Н.И. Костомаров. Он считал, что понятие об общей земельной собственности на Украине «не выработалось». Как он полагал, каждый земледелец был независимым собственником своей земли³⁰.

Известно, что перед реформой 1861 г. в западных губерниях, входивших прежде в Польшу, было распространено так называемое подворное землевладение, при котором каждый тягловый двор владел пахотной землей (хотя и в разных кусках) на постоянной основе, близкой к частной собственности. Возможно, подворное землевладение представляло разновидность чиншевого порядка. Однако прямого указания на это в литературе не встречается.

Особый пласт земельных отношений возникал среди государственных крестьян на севере европейской части страны. Он касался проблемы принадлежности земель из-под лесных расчисток. Эта проблема вышла на государственный уровень при Екатерине II. В Комиссии о составлении законов (1767–1768 гг.) некоторые депутаты от государственных крестьян северных провинций требовали поравнения (перераспределения) земель между тягловыми хозяйствами. Они мотивировали это финансовыми (государственными) соображениями. А именно, что малоземельные тягла не в силах выплачивать подушную подать и нести иные повинности, поскольку не имеют достаточно земли для приложения своего труда. Между тем, излишки земли есть у их состоятельных соседей, которые сумели расчистить подходящие лесные земли и увеличить тем самым свои наделы³¹.

В приведенном изложении требование о переделе земли можно понимать двояко. Во-первых, как чисто конфискационную меру, призванную уравнивать бедных и богатых.

дартных (для данной местности) пахотных участков – «волоков», к которым привязывались государственные повинности. В отечественной историко-аграрной литературе этот вопрос не получил сколько-нибудь полного освещения.

30. Костомаров Н.И. Две русские народности – работа 1861 года (электронная информация).

31. Указанная проблема освещена в специальной литературе, в основном информационно, т. е. без ее экономического анализа. См. например: Латто-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленных в царствование Екатерины II. СПб, 1898.

Однако такое предположение вряд ли правильно. Северные крестьяне хорошо знали, какой нелегкий труд требуется для освоения лесных земель, и умели уважать этот труд. Скорее, они исходили из того соображения (не выраженного прямо или не оставившего следа в источниках), что многоземельные соседи *опередили* их. Ими были освоены прежде всего наиболее удобные участки, они же обещающие в смысле плодородия. Остались участки удаленные, малодоступные, малоплодородные, требующие больших затрат дополнительного труда, например осушения. Во-вторых, возможно, в ходу был и дополнительный аргумент в пользу поравнения земель: за время пользования вновь освоенными участками инициаторы расчисток уже окупили свои затраты и получили некоторый дополнительный доход; таким образом, они уже наградили сами себя за свои труды³². Если принять во внимание, что новые участки расчищались на «ничейных» землях, или же на землях волости, на которую все волощане имели одинаковые права, то приведенное соображение не выглядит как призыв к ломке отношений собственности.

Указанные требования шли вразрез с идеями императрицы о пользе частной собственности, о необходимости ее защиты и поощрения. Тем не менее (судя по отрывочным сведениям), уравнение в земельных наделах в северных провинциях проводилось, правда, не сплошь. Правительство, хотя и уступало требованиям уравнителей, но делало это не особенно охотно.

Некоторые исследователи отмечают, что идеи уравнительности землепользования пробивали себе дорогу даже независимо от государственного вмешательства. В частности, такие явления наблюдались в земледельческой полосе

32. Именно такое соображение фигурировало в некоторых первых декретах Советской власти, касавшихся изъятия крестьянских земель для государственных или общественных надобностей. См., например, ст. 53 Декрета о социализации земли, принятого ВЦИК РСФСР 19 февраля 1918 г. Согласно этой статье землепользователь, если у него изымали землю, мог требовать от своего земельного отдела возмещение за неиспользованные улучшения, если он не получил уже достаточного вознаграждения в виде доходов за время пользования участком (СУ РСФСР 1918 г. № 25, ст. 346).

Сибири. Первые переселенцы в Сибирь, которые нередко заставляли обилие пригодных для расчистки и распашки земель, пользовались той землей, которую облюбовал и обрабатывал каждый двор. Но по мере того, как проявляла себя «земельная теснота», во многих селениях начинали преобладать идеи передела земли и раздела ее по числу тягловцев³³.

Таким образом, в отношении лесных расчисток на Севере и в таежной зоне Сибири солидной экономической идее в виде закрепления за крестьянами их земель в частную собственность или в вечное владение противостояли не менее серьезные соображения. В основном эти соображения были финансового (налогового) порядка, но в них присутствовали также некоторые хозяйственные элементы, а равно элементы справедливости. Тем не менее, можно утверждать, что экономические плюсы, связанные с постоянством владения землей, не были секретом ни для крестьянского населения России, ни для помещиков, ни для правительства. Однако во многих случаях эти плюсы перевешивались финансовыми соображениями.

4. Финансовые соображения преобладали в русской деревне и после отмены крепостного права. Как известно, после Реформы 1861 г. собственниками крестьянских земель в большинстве местностей стали крестьянские общины. Пашня в каждой общине подлежала разделу между составлявшими ее крестьянскими дворами, но только на время. Что касается сенокосов и пастбищ, то хотя они считались принадлежностью пашни, но разделу не подлежали³⁴.

Выполненный однажды раздел не был окончательным. Дело в том, что на крестьянах лежали государственные подати, а на их землях — выкупные платежи, тоже поступавшие в казну. Отвечала за все платежи община в целом. Она должна была учитывать, насколько каждый двор способен

33. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897. Правда, автор обходит вопрос о влиянии налогов на аграрные отношения.

34. На срок, пока действовал передел, пашня закреплялась за данным двором (хозяйством). Кормовые же угодья обычно не закреплялись за индивидуальными хозяйствами; так, сенокосы могли переделываться ежегодно.

выплачивать свою долю подушной подати, других казенных и общественных платежей, а также выкупных платежей за свою землю. Приходилось считаться также с продовольственным вопросом. Ведь чем больше в семье было едоков, тем больше ей требовалось земли для прокормления³⁵. Раздел общественной земли обычно производился по трудовой силе в каждом дворе. Но со временем эти цифры менялись. В каком-то дворе происходила убыль работников, а в каком-то прибавление. Тогда землю делили по-новому. Иногда община производила поправки в границах наделов без общих переделов, ограничиваясь отрезками-прирезками земли. Тем не менее, не удавалось обходиться без общих переделов. Иногда они происходили так часто, что серьезно вредили сельскохозяйственному производству. Правительство старалось ограничить частоту общих переделов; в 1880-х годах было запрещено производить общие переделы земли (пашни) в крестьянских общинах чаще, чем раз в 12 лет.

При разделе пахотной земли в каждой крестьянской общине приходилось принимать во внимание хозяйственное и природное *разнообразие* отдельных участков. Так, надо было учитывать их близость или удаленность от дорог и поселений, сухость или переувлажненность почвы в сезоны вегетации, сроки просыхания и готовности к весенним работам, окультуренность почвы (мощность ее гумусового горизонта), засоренность злостными сорняками, наличие или отсутствие камней и кустарников, поражение процессами эрозии. Для склоновых земель немаловажное значение имеет их экспозиция, прежде всего южная и северная сторона. Крестьяне различали «твердую» и «мягкую» пашню – в зависимости от трудности ее обработки. Чтобы никому не было обидно, полосы пашни

35. Приведенная в тексте схема переделов земли не всегда отвечала реальности. Примерно до середины 1870-х годов лежавшие на земле повинности иногда превосходили тот доход (теоретически – ренту), который земля способна была давать ее владельцам. Отмечались случаи, когда земля отдавалась в аренду за платеж податей. Но с проведением железных дорог, ростом городского населения и экспортной торговли положение изменилось. Земля набирала ценность, и спрос на нее повысился.

выделялись каждому двору во всех местах. В результате, на двор приходилось по 10–20 и больше наделных полос. При выделении из общего земельного массива более или менее однородных пахотных участков, а внутри каждого участка – хозяйских полос, требовалось не только агрономическое и дипломатическое искусство, но и масса межевого труда. Дополнительный минус такого землеустройства состоял в том, что полоса от полосы отделялась непаханным межником; под межниками пропадало немало плодородной земли.

Особые недостатки проявляли себя в ходе обработки пахотных полос, Так, каждый хозяин должен был терять немало времени на холостые переезды. Полосу можно было пахать только в одном направлении (что по агрономическим правилам считается нежелательным). Для заезда на свою полосу и для выезда с нее иногда приходилось задевать полосы соседей. После уборки урожая на поля выгонялся скот. Этот прием заставлял всех хозяев на данном участке (или даже на более крупном массиве) высевать одну и ту же культуру, одновременно убирать ее, а следовательно, и сеять примерно в одно время (так называемый принудительный севооборот). Такой порядок предусматривал рутинное производство; он не оставлял места для новаторских приемов, индивидуальных экспериментов³⁶.

5. При всех своих недостатках общинная собственность на землю держалась в России довольно стойко. Только через сто сорок лет после Екатерининской уложенной комиссии вопрос о закреплении крестьянских земель за отдельными дворами вновь проявил себя на государственном уровне. Речь идет о Столыпинской аграрной реформе, начало которой относят к 1906 г. (эта реформа не была доведена до конца ввиду начавшейся мировой войны и событий 1917 г.).

Хотя общинная собственность в глазах тогдашних официальных идеологов была одним из столпов государственного

36. Сторонники общинного землевладения указывали, что новаторские приемы, вроде травосеяния, применяли земельные общины (общества) в целом. Такие случаи были, например, в подмосковном Волоколамском уезде. Однако не они делали погоду в сельском хозяйстве страны.

устройства, но под влиянием революционных событий 1905 г. от нее решили отказаться. Тогда во многих земельных уездах крестьяне захватывали принадлежавшие помещикам дуга, рубили помещичьи леса. Нередки были поджоги господских усадеб с целью выкурить помещиков из их гнезд; расчет был на то, что помещичья земля окажется брошенной, и тогда она перейдет в руки крестьян. В этих условиях государственные реформаторы решили, что создание крестьянской частной собственности на землю будет лучшей гарантией для охраны помещичьих земель. Этим соображением руководствовался и двор во главе с царем, давая согласие на реформу³⁷.

По условиям реформы превращение общинной собственности в частную собственность, или так называемое разверстание земли, могло происходить по трем повышающимся ступеням: 1) желающее домохозяйство закрепляло за собой те пахотные полосы, которыми оно обладало на день подачи заявления о разверстании. Угодья оставались в общинном владении, и хозяйство, выделявшееся со своей пашней, продолжало пользоваться ими по-прежнему. Большинство крестьян, закрепивших за собой свою пахотную землю, оставались на этой ступени; 2) выделявшееся хозяйство могло требовать нарезки ему пахотного участка в *одном месте*, т. е. за счет соседних полос. Взамен оно отдавало общине свои полосы в других местах. В разверстание вовлекались также угодья. Доля этих угодий, причитавшаяся данному хозяйству, присоединялась к его пашне. В результате получался цельный участок, носивший название *отруб*; 3) если отруб находился далеко от селения, то предполагалось, что хозяин отруба перенесет туда свою усадьбу, устроив, таким образом, *хутор*. Отсюда дополнительное требование к каждому нарезаемому отрубам, чтобы там был водный источник.

В литературе указывается, что до 1917 г. примерно десятая часть крестьянских хозяйств, входивших в земельные общины,

37. Чупров А. Уничтожение сельской общины в России // Вопросы экономики. М., 2010. № 10. С. 135–146. Чупров указывал, что превращение некоторых крестьян в частных собственников не понизило градус требований крестьян в отношении помещичьих земель.

так или иначе закрепила за собой свои пахотные наделы. В их числе было немало бедняков, которые не могли или не хотели вести хозяйство, и которым титул собственников был нужен только для того, чтобы продать свои пахотные полосы соседям. Такие сделки были полезны для сельского хозяйства, ибо запустелые или плохо используемые земли попадали в более умелые руки. Титула собственников нередко добивались также те хозяйства, которые опасались, что при следующем переделе земли, им достанется меньший надел по сравнению с тем, которым они владели на момент разверстания.

Общие успехи реформы были невелики. Правительство всячески торопило места, и это сказывалось на качестве проводившихся землеустроительных работ. Хотя прежних землемеров переименовали в землеустроителей, это не прибавило им опыта в нарезке отрубов. В ходе землеустроительных работ требовалось выравнивать причитавшиеся крестьянам земельные доли путем зачета качества за количество и количества за качество. Но такая техника поравнения владений была (и остается) недостаточно отработанной³⁸. Нередко выделявшимся хозяйствам просто отводили лучшие земли, оставляя худшие общине. Такое землеустройство встречало критическое отношение крестьянской массы. После Октября 1917 г., когда производились новые земельные переделы, границы отрубов, как правило, не принимались во внимание, отруба поступали в общий передел³⁹.

Трубадуром хуторского землевладения был переселившийся в Россию датский агроном Кофод, который еще задолго до реформы искал и находил примеры частного

38. В принадлежавшей Польше (а до этого Австро-Венгрии) Восточной Галиции до ее присоединения к СССР в 1939 г. закрепленные за каждым крестьянским двором разбросанные полоски пашни ждали не один десяток лет так называемой комассации – объединения их в один участок. Косвенно этот факт указывает на трудность разбивки общего земельного массива на цельные жизнеспособные (отрубные) участки в соответствии с земельными правами каждого лица.

39. Стремление к уравнительному разделу земли приводило иногда к тому, что в общий передел вовлекались земли смежных земельных обществ и даже волостей. В 1920 г. ВЦИК РСФСР вынужден был запретить дальнейшие переделы, так как неумеренные переделы подрывали стабильность, как тогда говорили, землепользования.

крестьянского землевладения, в том числе хуторского типа. Кофод исходил не только из положительного опыта своей родины – Дании, но также из примеров в некоторых западных районах России, в частности в Белоруссии⁴⁰. Близким по географии был и опыт Столыпина, который мог приобрести его в Гродненской губернии, где одно время он служил предводителем дворянства. Однако в большинстве районов России хуторской способ расселения себя не показал. В литературе не видно анализа этого феномена, поэтому оправдано хотя бы его затронуть.

По сравнению с густонаселенной Западной Европой во многих регионах России плотность населения, как и дорожной сети, была существенно меньше. Во многих случаях хуторскому поселенцу надо было чуть ли не в одиночку создавать колесный (санный) путь, выводящий его на дорогу общего пользования. Дополнительная трудность состояла в работах по его поддержанию, а это совсем непросто при многоснежных русских зимах. Обустривая пастбище для своего скота, каждому хуторянину надо было думать и о его ограждении. Противодействовало хуторам и демографическое обстоятельство: на малолюдных пространствах, по сравнению с плотно населенными районами, труднее обеспечить ротацию владельцев земли, когда в ней возникает необходимость. Хуторское расселение ограничивало бытовую и всякую иную взаимопомощь соседей. Можно думать, что все эти препятствия играли не последнюю роль в слабом распространении хуторов в России.

Для хуторского расселения существовало еще одно неудобство – трудность связи с окружающим миром, но она имела, видимо преходящий характер. С годами новые средства связи позволяли хуторянину своевременно передать просьбу о производственной, бытовой или иной помощи, которая могла ему потребоваться.

40. См.: Кофод А.А. 50 лет в России. М., 1997.

Вывод таков. Несмотря на прошлые неудачи, хуторское расселение имеет перспективы — если не везде, то по крайней мере в некоторых районах обширной России.

6. Идею постоянства владения сельскохозяйственной землей пытались внедрить в РСФСР в 1920-х годах, когда вся земля по закону считалась государственной собственностью⁴¹. Постоянство распространялось прежде всего на новые земли, вовлечение которых в сельское хозяйство требовало больших затрат труда. Например, в Дагестане местный закон гарантировал постоянство пользования искусственными террасами на склонах гор тому освоителю, который разделил эти террасы («из пространств, в естественном виде совершенно не пригодных к земледелию»), и тому, кто покрыл каменистые участки плодородной землей.

В 1928 г. Белорусский Водно-земельный кодекс этой республики закреплял за освоителями земельные участки из состава Гослесфонда или Госземфонда, которые те осушили и привели в культурное состояние своими силами. Подобные же нормы были включены в Украинский земельный кодекс 1922 г. Земельный кодекс РСФСР, вступивший в действие в 1923 г., относился отрицательно к включению в передель те участки, на которых предыдущие владельцы выполнили коренные улучшения. Если же по местным условиям такие участки все-таки поступали в передел, то новый владелец был обязан возместить «прежнему землепользователю стоимость неиспользованных или особых затрат» (ст. 119). Сады, огороды, застроенные участки, а также конопляники (под которые вносили высокие дозы удобрений) не должны были поступать в передел.

Однако все эти правовые гарантии были нарушены в ходе последовавшей коллективизации сельского хозяйства, поскольку при отводе земель колхозам заслуги отдельных лиц или групп по освоению новых или улучшению уже исполь-

41. Наркомзем СССР с его землеустроительной службой появился только в 1930 г. Он был образован в связи с коллективизацией сельского хозяйства, которая предусматривала отнюдь не стабильность аграрных отношений, а их ломку.

зуемых земель не принимались во внимание. Фактически оказалось отмененным и право земледельца на ведение индивидуального хозяйства.

В 1930-х годах и позже государство проводило активную политику в отношении колхозных земель. Одно из направлений земельного законодательства, отвечающее нашей теме, заключалось в попытке стабилизировать границы колхозов и внушить колхозам уверенность в постоянстве их права на владение землей. Так, в 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О создании устойчивого землепользования колхозов»⁴². Специальное внимание этому вопросу уделила Конституция СССР 1936 г. Статья 8 Конституции утверждала, что каждому колхозу земля предоставляется не только в бесплатное и бессрочное пользование, но еще навечно. Изменение границ (вследствие изъятия земли) могло происходить только с согласия колхоза и с утверждения Совнаркома СССР, а по участкам менее 10 га – с утверждения Наркомзема СССР⁴³. Надо сказать, однако, что практика земельных отводов ломала идею стабильности земельных границ. При планировании и проектировании крупных объектов эта стабильность была отнюдь не приоритетной задачей. Так, гидроэнергетическое и транспортное освоение Волги превратило почти всю эту реку в цепь водохранилищ-озер, которые затопили не только десятки тысяч гектаров плодородных земель, но также многие населенные пункты, включая некоторые города.

В послевоенные годы наметилась политика, которая преследовала цель удержания не границ отдельных хозяйств, а сельскохозяйственных площадей в целом. В 1970-х годах оформилось законодательство, согласно которому почти всякое занятие сельскохозяйственных земель должно было компенсироваться вводом в эксплуатацию новых земель той же

42. Важнейшие решения по сельскому хозяйству. М.: Сельхозгиз, 1934. С. 438.

43. Постановление Совнаркома СССР от 2 июня 1938 г. «О порядке изъятия земель у колхозов для государственных нужд». СП СССР 1938 г. № 27, ст. 277.

площади⁴⁴, по принципу «гектар за гектар». В своей основе это законодательство было непоследовательным, так как новые земли, например раскорчеванные из-под леса, не были бесплодными; ведь, помимо древесины и урожая дичи, они давали людям грибы, плоды, ягоды, лекарственное и техническое сырье, они содержали выпасные и сенокосные участки – не говоря уже об эстетике местности. Новые земли обычно были хуже теряемых (менее плодородны). И хотя должны были приниматься меры по повышению их плодородия (таких мер прямо требовало законодательство Украины, Казахстана и некоторых других союзных республик), новые земли уступали потерянными. Кроме того, с середины 1960-х годов вовлечением по государственным планам в сельское хозяйство новых земель, а также коренным улучшением уже используемых земель путем их орошения и осушения, занимались подразделения союзно-республиканского министерства мелиорации и водного хозяйства – независимо ни от каких компенсационных мер.

Тем не менее, указанное законодательство имело положительное значение. Ведомства, претендовавшие на занятие сельскохозяйственных земель, должны были вносить в бюджеты союзных республик установленные платежи, формально – в счет затрат на освоение новых земель взамен утраченных. Такой порядок дисциплинировал претендентов на удобные площади, сдерживая их земельные требования. В какой-то мере он был заменой отсутствующей в то время категории цены земли, поскольку эта категория фактически была запрещена после принятия Конституции СССР 1936 г.

Теряемые сельскохозяйственные земли старались возместить освоением новых и (или) улучшением уже используемых земель в пределах тех же самых хозяйств. Но такой

44. Основным нормативным актом служило Постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1974 г. «О возмещении убытков землепользователям и потерь сельскохозяйственного производства при отводе земель для государственных или общественных нужд». В этом постановлении и в развивающих его нормах потери сельскохозяйственного производства понимались как потери сельскохозяйственных земель.

метод был возможен далеко не везде, поэтому от него пришлось отступить. Политика возмещения потеряемых земель в натуре в конце концов оказалась нацелена не на удержание площадей пашни и угодий в ущемляемых хозяйствах, а на поддержание уровня производства продуктов питания в масштабах всей страны. Задача продовольственного обеспечения страны отодвигала на второй план задачу стабильности границ и неизменности производственных площадей в отдельных хозяйствах.

Примерно в те же годы производилось укрупнение колхозов, превращение части отстающих колхозов в совхозы и в подсобные хозяйства крупных промышленных предприятий. Происходила ликвидация так называемых неперспективных населенных пунктов в сельской местности.

Такая политика означала отказ от принципа неизменности границ колхозов и совхозов.

В середине 1960-х годов в сельской местности (в связи с планами создания агрогородов) произошел формальный отрыв органов сельскохозяйственного землеустройства от вновь создаваемых органов архитектуры и градостроительства. Тем самым было предопределено расхождение двух близких направлений земельного планирования. Это расхождение, которое не пошло на пользу ни землеустройству, ни планам застройки, сохраняется до сих пор.

7. Как известно, в начале 1990-х годов большинство колхозов и совхозов были ликвидированы. Их земли должны были перейти в собственность их работников, равно как и специалистов на селе, занятых в государственных учреждениях. Но раздел земли на доли в крупных хозяйствах был произведен только на бумаге, без привязки к местности. Фактически упомянутые лица получили право участия в *общей собственности* на землю. Осуществления своего официально провозглашенного *индивидуального права* на землю они могли добиваться только путем *требования* (обращенного не всегда понятно к кому) выделить причитающиеся им доли земли в натуре. Для многих из них это право осталось не реализован-

ным по сей день⁴⁵. В неопределенном состоянии остаются сами земельные массивы, официально находящиеся в общей собственности. Действующее законодательство облегчило создание ТСН – товариществ собственников недвижимости, но для обладателей земельных долей эта правовая конструкция в своем нынешнем виде, видимо, не подходит, так как они не являются собственниками *индивидуально определенных* земельных участков.

Прежние колхозы и совхозы накопили немалый запас сведений относительно закрепленных за ними земель. Этот запас получал солидное пополнение со стороны специализированных организаций. Так, агрохимлаборатории, выполнившие анализы почв, выдавали хозяйствам картограммы с указанием, в каких удобрениях (под какие культуры и в каких дозах) нуждаются разные участки пашни и естественных кормовых угодий. Немаловажными были почвенно-ботанические карты, которые подсказывали возможность и желательность объединения отдельных почвенных контуров в однородные хозяйственные участки. Для многих хозяйств большое значение имели результаты мелиоративных обследований. К сожалению, в процессе реорганизаций многие земельно-хозяйственные документы были утрачены. Резко упала информация относительно того, кто, когда, на чьи средства производил капитальные работы по защите земель и (или) по их улучшению и какие они дали результаты.

В Нечерноземной зоне России еще до всяких преобразований немало хозяйств, вследствие потери работников, не могли обработать всей закрепленной за ними пашни. Часть пашни и естественных кормовых угодий зарастала лесом. С распадом многих бывших колхозов и совхозов процесс забрасывания отдаленных и (или) малоплодородных участков пашни усилился. Как считается, только в этой зоне заброшено больше половины прежних посевных площадей.

45. Нефедова Т.Г. Указ. соч.

Некоторые авторы дают двойственную оценку этого факта. С одной стороны, они вроде одобряют сдвиг сельского хозяйства в более благоприятные зоны на юге. С другой – ищут пути для восстановления упавшего производства при иной его специализации⁴⁶. Но в этом стремлении они оказываются непоследовательными. Ибо восстановление сельского хозяйства в Нечерноземной зоне (и не только в ней) может и должно произойти на базе прочных земельных отношений. В настоящее же время запутанными оказались границы не только пашни и угодий, но и многих земельных прав. Крупные и средние хозяйства, использующие чужую землю, находятся в юридически неприемлемом положении, ибо любой отзыв земельных долей, которыми они пользуются, грозит подорвать их стабильность.

Земельному хаосу немало способствовало изъятие землеустроительных звеньев из органов сельского хозяйства (при которых они состояли прежде) и передача их в кадастрово-регистрационную систему «Росреестр». Последняя же (как известно) земельным устройством не занимается. Между тем, в настоящее время существует задача отстроить систему собственности на сельскохозяйственную землю с учетом уже имеющихся прав на нее, а также фактического состояния землевладения и землепользования.

Земельные реформаторы 1990-х, стремившиеся только к тому, как бы поскорее передать государственную землю в частную собственность, не задумались о шлейфе сопутствующих организационно-правовых и иных мероприятий, которые должны были сопровождать эту передачу. Нынешнее хаотичное состояние с земельной собственностью на сельскохозяйственные земли – один из показателей непродуманности аграрных преобразований, начавшихся четверть века назад. Отсюда и зависимость России от импорта продовольствия – печальный парадокс для обширной страны, имеющей достаточные земельные ресурсы для снабжения продуктами питания не только своего населения, но и народов других стран.

46. Нефедова Т.Г. Указ. соч. С. 315 и след.

Выводы

1. Задача государства – способствовать установлению (восстановлению) границ земельных хозяйств, имеющих законный титул на землю, и обеспечить относительную стабильность этих границ.

2. Государство должно оказывать помощь частному сектору в части обследования принадлежащих ему земель, их устройства, защиты и улучшения.

3. Учитывая разнообразие климатических и хозяйственных условий на просторах России, эту задачу следует решать в рамках законодательства, принимаемого в основном субъектами Российской Федерации. В этих целях подразделения землеустройства целесообразно воссоздать при сельскохозяйственных органах.

4. Обладателям земельных долей в сельской местности следует помочь объединиться в формальные и неформальные товарищества (с образованием или без образования юридического лица), которым принадлежала бы собственность на землю. Облегчить создание таких товариществ должно законодательство, уточняющее их правовой статус. Учитывая разнообразие условий по зонам страны, целесообразно эту работу проводить на уровне регионов.

5. В законе должна быть предусмотрены меры, обеспечивающие стабильность права на землю крупных и средних хозяйств, пользующихся не своей землей.

6. В 1920-х годах в РСФСР (как и в других союзных республиках) публичные земли и ряд других природных богатств был успешно разделен между Центром, с одной стороны, губерниями, автономными республиками и областями – с другой⁴⁷. Аналогичную работу требуется провести и в настоящее время.

47. Сборник законодательных постановлений и ведомственных распоряжений по неналоговым доходам. М.: Наркомфин СССР, 1927.

7. Земельную службу, обслуживающую нужды сельского населения, в том числе новых земельных собственников, и сельскохозяйственных производителей, следовало бы создать (воссоздать) в региональных управлениях сельского хозяйства.

8. Для хозяйственного управления отгонными пастбищами и другими продуктивными землями, находящимися в собственности РФ, требуется создать государственную земельную службу в Министерстве природных ресурсов РФ. В частности, она должна заведовать государственными землями, сдаваемыми в аренду частному сектору.

9. Земельные подразделения представляются уместными в федеральных ведомствах, обладающих большими земельными площадями. Их хозяйственная деятельность должна быть подконтрольна органам охраны природы.

10. В урбанизированных местностях, где земля в основном обслуживает застройку и где границы застройки определяют земельные границы, существующие землеустроительные подразделения целесообразно подчинить органам архитектуры и градостроительства.

О.М. Вербицкая¹

ИСТОЧНИКИ ДОХОДА СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ в 1985–2002 гг. (рокировка по значимости)

В статье анализируются изменения в структуре основных источников дохода сельской семьи. Если в годы перестройки (1985–1989) главным источником доходов была зарплата, то в 1990-е годы ее роль заметно снизилась, уступив первое место натуральным и денежным поступлениям от подсобного хозяйства. Раскрыты причины этих перемен и их последствия в физическом выживании селян.

Ключевые слова: инфляция, ценовой диспаритет, уровень оплаты труда, прожиточный минимум, сельская бедность, аграрная реформа.

В годы перестройки материальное положение сельских жителей определялось в основном уровнем заработной платы в колхозах, совхозах и других государственных предприятиях села. И это соответствовало стандартам развитых стран, где основным источником поступления денег в семейный бюджет являются доходы от работы по найму (на 80%)². Наряду с этим в СССР доходы большинства жителей села пополнялись и за счет продукции приусадебного хозяйства, частичная продажа которого тоже приносила денежные средства.

При М.С. Горбачеве правительство СССР проводило политику постоянного повышения зарплат, в том числе и с целью обеспечить себе надежную политическую и социальную поддержку трудящихся. В те годы начисление номинальной заработной платы проводилось в основном по уравнительному принципу, без учета реального трудового вклада работника. Благодаря этому всего за 6 лет (1985–1991 гг.) темпы роста среднего уровня оплаты труда в стране подня-

-
1. **Ольга Михайловна Вербицкая** – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.
 2. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг. Доклад Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». М., 2011. С. 19.

лись на 51%, т.е. значительно выше, чем за предыдущие 5 лет, когда они составляли 11% – в промышленности и 12% – в сельском хозяйстве³.

В то же время рост средней зарплаты в сельском хозяйстве вряд ли можно назвать существенным, поскольку у колхозников ее размер в 1980 г. отставал от данного показателя у работников совхозов на 20%, но к 1989 г. данный разрыв уменьшился до 5%. Значительно быстрее, чем у рядовых работников-аграриев, повышалась оплата труда у руководителей и специалистов сельского хозяйства. Только за один 1989 г. у данной категории членов колхозов она выросла сразу на 50%, а в совхозах – на 51%⁴. И хотя это стремительное повышение оплаты труда не было экономически обосновано, не соответствовало достигнутому приросту производительности труда и конечного объема производства, все же оно имело большое социальное значение. В итоге средняя заработная плата в сельском хозяйстве РСФСР к 1990 г. практически сравнялась (на 95%) с ее средним уровнем по экономике, всего на 8% уступая размеру среднемесячной зарплаты в промышленности⁵. Никогда прежде советское государство не платило работникам аграрной отрасли таких денег, а разрыв в уровне оплаты труда в промышленности и сельском хозяйстве всегда был на порядок выше.

Параллельно с уровнем зарплат росли и объемы государственных выплат сельскохозяйственным предприятиям за реализованную продукцию, в результате чего колхозы, совхозы и другие аграрные предприятия в 1989 г. получили почти наполовину (47%) больше денежных средств, чем в 1983 г. Полученная прибыль в значительной мере направлялась на увеличение денежных выплат рядовым работникам сельского

-
3. Социальное развитие СССР. М., 1990. С. 93; *Шаяхметова В.Р.* Проблемы уровня жизни населения России в условиях реформ (конец XX – начало XXI века). Монография. Пермь, 2007. С. 65.
 4. Об оплате труда колхозников и работников совхозов (экономический обзор Госкомстата СССР) // АПК: экономика, управление. 1991. № 5. С. 80–82.
 5. Сельское хозяйство в России. Стат. сборник. М., 1998. С. 28.

хозяйства из фондов материального поощрения⁶. Тенденция повышения материальной обеспеченности сельского населения действовала в СССР вплоть до начала 1990-х годов.

Но впоследствии углубилось несоответствие роста номинальных денежных доходов работников сельского хозяйства и фактического состояния производства аграрной продукции. Ее объемы уже давно не увеличивались — в стране обозначился огромный дефицит продовольственной продукции, а потребности населения в продуктах питания, особенно животного происхождения, в полной мере не удовлетворялись. Во многих городах магазинная торговля продовольствием постепенно свертывалась.

Сельской семье, кроме зарплаты, определенный доход приносило личное подсобное хозяйство, где она выращивала продукты, необходимые для семейного потребления. Наряду с дарами природы (грибами, ягодами, лекарственными растениями, свежей и сушеной рыбой и т.д.) жители села продавали на рынке картофель, овощи, молочную продукцию, полученную в подсобном хозяйстве. В 1980-е годы налоги на хозяйства сельского населения были сравнительно невелики, поэтому существенного давления на доходы не оказывали. Более того, зарплата и другие виды выплат, получаемые колхозниками от общественного хозяйства, налогами не облагались; незначительной была и ставка сельскохозяйственного налога. По РСФСР его средняя ставка, взимавшаяся с каждой 0,01 га земельной площади личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих, составляла всего 85 коп. Уплата всех налогов, сборов и платежей колхозным семьям обходилась всего лишь в размере 1,2% их семейного бюджета, а семьям рабочих и служащих — по 1,3 и 1,6% соответственно⁷.

В годы перестройки розничные цены в СССР на основные продовольственные и непродовольственные товары формально оставались стабильными. Однако постоянное увели-

6. Об оплате труда колхозников и работников совхозов (экономический обзор Госкомстата СССР). С. 81,82.

7. Машенков В.Ф., Бондаренко А.В. Советская деревня: труд, быт, досуг. М., 1986. С. 77.

чение зарплат, не дополнявшееся соответствующим увеличением товарной массы в стране, усиливало дефицит государственного бюджета и приводило к быстрому исчезновению из продажи товаров максимального спроса. В конце 1980-х гг. на прилавках магазинов практически не оставалось товаров, а общее экономическое положение быстро ухудшалось – перебои с продовольствием приобрели хронический характер. До предела обострился и товарный голод: кроме одежды и обуви невозможно было купить мыло, зубную пасту, стиральные порошки и прочее, не говоря о товарах длительного пользования, реализация которых уже давно осуществлялась вне предприятий торговли. Острейший дефицит товаров, значительная часть которых ввозилась из-за рубежа, во многом объяснялась кризисом всей финансовой системы СССР, напрямую зависевшей от внешних валютных поступлений. Начавшееся падение мировых цен на нефть, газ и прочие углеводороды стало, в частности, главной причиной товарного кризиса в стране в эти годы.

Исходным моментом резкого ухудшения материального положения российских семей в 1990-е годы, бесспорно, послужило начало проведения рыночных реформ в стране. По существу начало им положила политика либерализации цен, введенная в январе 1992 г. в соответствии с Указом Президента РСФСР Б.Н. Ельцина «О мерах по либерализации цен» (от 3 декабря 1991 г.). В результате существенно поднялись цены на потребительские товары, услуги, промышленное сырье, энергоресурсы, горюче-смазочные и строительные материалы и т.д. Всего за один год стремительный рост цен обеспечил падение реальных доходов населения более чем в 2 раза по сравнению с уровнем 1991 г.⁸ Необходимо оговорить, что сельское население от либерализации цен пострадало в меньшей мере, чем жители городов, поскольку оно имело возможность потреблять продукты своих приусадебных хозяйств, тем самым экономить средства.

8. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг... С. 6, 11.

Политика либерализация цен очень быстро привела к снижению среднедушевых доходов российских семей. И это особенно невыгодно контрастировало с ситуацией в странах Запада: если в США соответствующий показатель дохода составлял примерно 25 тыс. долл. в год, то средняя российская семья в период реформ 1990-х гг. ограничивалась суммой, адекватной всего 600 долл. США (при соответствующем пересчете в рублях). Искусство выживания россиян в таких условиях было основано, прежде всего, на ведении подсобного хозяйства (дач — у горожан). На вопрос журналистов, как удастся существовать на столь скромные средства, люди отвечали, что они буквально «врылись в огороды», крутились как могли. Даже в районах Севера население ухитрялось выращивать зелень, картошку, капусту, морковь и другие овощи, собирать и сушить грибы, лесные ягоды и т.п.⁹

Поначалу правительство, понимая всю болезненность политики отпуска цен для населения, пыталось держать под контролем их регулирование, хотя бы по основным социально значимым продуктам (хлеб, молоко, сахар и водка), но вскоре стало ясно, что эти усилия напрасны. Либерализация цен вызвала обесценивание российского рубля, надолго спровоцировав безудержную инфляцию в стране. Рост цен весьма существенно обгонял номинально повышаемые правительством доходы населения. Падение реальных доходов граждан и, соответственно, их покупательной способности, крайне негативно отозвалось на их жизненном уровне. Население России было поставлено перед необходимостью использования денежных сбережений, но и они были полностью обесценены к 1994 г.; к тому же Сбербанк объявил о замораживании вкладов.

По данным социологического опроса, проведенного независимым Московским Центром исследования рынка, всего за 2 года после проведения либерализации цен 8 из каждых 10 россиян стали заметно беднее. В среднем по

9. Аргументы и факты. 1999. № 14 и № 16.

стране покупательная способность населения упала на 42% по сравнению с 1990 г.¹⁰ Быстро увеличивалась численность малоимущих жителей России: в 1994 г. – 33,3 млн человек (22,4%), в 4-м квартале 1998 г. – 41,6 млн (28,4%), во 2-м кварт. 1999 г. – 55,2 млн человек (37,7%), во 2-м кварт. 2000 г. – 59,9 млн (41,2%)¹¹. Жизнь в стране катастрофически дорожала, цены на товары и услуги постоянно росли, систематические задержки выдачи зарплат приобрели хронический характер, криминогенная обстановка обострялась и т.д. Ситуация в аграрном секторе становилась все хуже: объемы производства продовольствия постоянно снижались, а масштабы безработицы и бедности росли. Положение в стране создалось тяжелейшее. Весьма красноречиво его охарактеризовали участники одного из митингов, прошедших в апреле 1995 г. (г. Ачинск Красноярского края): «*В результате реформ большая часть населения России оказалась в обстановке, при которой нет возможности жениться, родиться, жить и умереть! Все дорого, все не по карману...*»¹².

В начале 1990-х годов – при официально начавшемся переходе к рыночной экономике основное место в структуре доходов сельской семьи все еще удерживала заработная плата, несмотря на ее постоянное сокращение и удлинение интервалов между выплатами. Если в 1990 г. ее средний размер в сельском хозяйстве, как отмечалось, достиг уровня в 95% от среднего по экономике страны, то по мере проведения рыночных реформ в сельском хозяйстве она быстро снижалась. Уже в 1993 г. – из-за инфляции средний уровень оплаты труда в сельском хозяйстве снизился до 61%, в 1995 г. – до 50%, а в 1996 г. он составил лишь 48% от среднего уровня заработной платы по российской экономике. Это говорило о том, что в годы острого экономического кризиса, по времени совпавшего с проведением радикальной аграрной реформы,

10. Крестьянские ведомости. 1992. Октябрь, № 41.

11. О положении семей в Российской Федерации. М., 2005. С. 166–167.

12. ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 4. Д. 239. Л. 24. (Выделено нами. – О.В.)

средняя зарплата в сельском хозяйстве оказалась в 2-3 раза ниже, чем в промышленности и строительстве, и в 3 с лишним раза – чем на транспорте (табл. 1).

Таблица 1. Удельный вес среднемесячной начисленной заработной платы в сельском хозяйстве относительно ее размера в ряде других отраслей экономики (%)

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	2000	2001
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100	100	100
Промышленность	108	104	112	110	111	115	123	124
Сельское хозяйство	61	50	50	48	46	45	40	40
Лесное хозяйство	74	73	68	66	60	58	61	58
Строительство	133	129	126	122	128	125	126	128
Транспорт	151	150	156	144	141	144	150	137

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сборник. М., 1998. С. 123; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002. Официальное издание. Стат. сборник. М., 2002. С. 109.

Из табл. 1 следует, что средняя начисленная заработная плата в сельском хозяйстве на всем протяжении 1990-х г. была не только самой низкой по российской экономике, но при этом еще и неуклонно снижалась. Сходные тенденции действовали и в других отраслях, например, в лесном хозяйстве, однако нигде снижение уровня заработной платы не было таким глубоким и длительным, как в аграрном секторе. Так, с 1993 г. по 2001 г. формальное снижение уровня заработной платы в сельском хозяйстве равнялось 21%, а относительно 1990 г. – 55%. В условиях постоянной денежной инфляции столь низкий уровень оплаты труда был не в состоянии обеспечить даже самые минимальные жизненные потребности сельских семей.

С самого начала рыночных реформ экономика аграрного сектора оказалась в тисках навязанного ей ценового диспаритета, провоцировавшего нарастание неэквивалентности при обмене произведенной продукцией с другими отраслями. Например, несправедливый ценовой подход выражался в том, что промышленные предприятия, производившие тех-

нику для села, машины, горюче-смазочные материалы, удобрения, строительные материалы и т.п., постоянно и во много раз завышали стоимость своей продукции. В то же время, пользуясь зависимым положением сельскохозяйственных предприятий и неразберихой, обусловленной проведением реформ, они отказывались платить адекватную цену за приобретаемую аграрную продукцию, всемерно стремясь ее занижить. Со всей неизбежностью это приводило к масштабному сокращению финансовых потоков, направлявшихся в сельскую местность, что еще больше ухудшало общую экономическую ситуацию в Агропромышленном комплексе. Тотальный экономический спад, включая кризис неплатежей, значительный финансовый ущерб от ценового диспаритета, издержки форсированного проведения рыночных реформ и т.п., разоряли деревню.

Достаточно сказать, что в результате установившейся неэквивалентности во взаимоотношениях промышленности и других сфер экономики с сельскохозяйственными предприятиями, только за первые 3 года реформ (1992–1994) село потеряло примерно 110 трлн руб.¹³ Хроническое отсутствие финансовых средств сильно тормозило не только реализацию аграрных реформ, развитие сельскохозяйственного производства в целом, но и его социальной сферы. Экономическое ущемление села стало главной причиной, по которой аграрный труд все больше обесценивался. Чтобы получить представление о среднем уровне заработной платы в сельском хозяйстве, особенно учитывая факт сильнейшей инфляции, целесообразно пересчитать ее в твердой валюте по курсу тех лет. В таком случае выходит, что в 2000 г., например, средняя заработная плата в аграрной сфере составляла всего 32, а в 2002 г. – 56 долл. США в месяц. При сравнении с размерами зарплат наименее оплачиваемых работников других отраслей, где оплата труда тоже в целом была невысока, например в легкой и лесной промышленности, оказывается, что в сельском

13. Крестьянская Россия, № 22 за 12–18 июня 1995 г.

хозяйстве она не достигала даже до них, равняясь всего 78 и 66% соответственно¹⁴.

Несправедливая политика при обмене аграрной продукции с промышленными предприятиями, в сочетании с глубоким кризисом в сельском хозяйстве неизбежно провоцировала снижение объемов его производства. Уже в 1992 г. индекс физического объема продукции сельского хозяйства снизился до 86,5% от уровня 1990 г., в 1993 г. — до 82,7% в 1995 г. — до 66,9% и продолжал снижаться далее¹⁵. Экономический спад сельскохозяйственного производства сопровождался усилением безработицы на селе. По данным Госкомстата РФ, в 1990 г. в сельскохозяйственных предприятиях было занято 9,7 млн работников, в 1997 г. — 8,6 млн, а в 2003 г. — лишь 7,2 млн. Следовательно, только по официальным сведениям, общая численность работников аграрной отрасли с 1990 по 2003 г. сократилась на 2,5 млн человек (или почти на $\frac{1}{4}$). По другим данным, полученным в ходе регулярного мониторинга социально-трудовой сферы села, которые представляются более адекватными ситуации того времени, общая численность работников сельскохозяйственных предприятий с 1990 г. по 2001 г. сократилась с 8,3 млн человек до 4,2 млн, т.е. более чем наполовину. Это означало, что в указанный период работы лишился каждый второй работник сельского хозяйства. Справедливость требует отметить, что в промышленности тоже прошло сокращение занятости, и оно тоже было масштабным — 30% (или на 6,4 млн человек)¹⁶.

Увольнения, коснувшиеся села, быстро породили массовую безработицу среди трудоспособных жителей. Прежде, в советский период и вплоть до начала рыночных реформ, российская деревня практически была незнакома с этим

14. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002. Официальное издание. Стат. Сборник. М., 2002. С. 109.

15. Сельское хозяйство в России, 2000. Стат. сборник. М., 2000. С. 34–35.

16. Российский статистический ежегодник. 2003. М., 2003. С. 188; Социальное положение и уровень жизни населения России. С. 55,74; *Бондаренко Л.В.* Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М., 2003. С. 123; Мониторинг социально-экономического потенциала семей за IV квартал 1996 г. М., 1997. С. 5.

явлением. В некоторой степени оно имело распространение лишь в густозаселенных районах Северного Кавказа, где существовали немалые излишки рабочей силы (примерно 2–2,5%). Однако создавшаяся качественно иная ситуация – острый кризис в российской экономике, наряду с прочими негативными последствиями, вызвала массовую безработицу. К середине 1990-х гг. в целом по сельской местности она уже превышала критический уровень, который ООН определяла в 10%. Во многих сельских местностях национальных районов Южного федерального округа и Дальнего Востока России безработица достигала 20–23% (Республика Адыгея, Бурятия, Коми, Читинская область, Карачаево-Черкесия, Магаданская область), а в Агинском Бурятском АО, Республике Тыва – 24–28%. Одновременно в Республиках Дагестане и Ингушетии уровень безработицы буквально зашкаливал (32,9–37%)¹⁷.

Но при столь высокой безработице в государственных органах занятости был зарегистрирован всего один из шести сельских безработных. Дело в том, что далеко не все селяне, потерявшие работу, вставали на официальный учет и регистрировались в качестве безработных, несмотря на то, что это вроде давало им право на соответствующее пособие. Для того, чтобы зарегистрироваться на бирже труда, было необходимо ехать в райцентр, но далеко не все сельские безработные имели деньги даже для оплаты проезда. Сверх того, в отдельных российских регионах местные органы власти, стремясь искусственно снизить реальный уровень безработицы, отказывались регистрировать безработных селян, ссылаясь на то, что у них, мол, есть приусадебный участок, они получили земельные паи – словом, им и так есть, где работать. Поэтому не удивительно, что Всероссийский мониторинг социально-трудовой сферы села фиксировал в 2001 г., что даже зарегистрированная безработица на селе была выше среднего уровня по стране в 10 и более раз. При этом посо-

17. См.: Бондаренко А.В. Указ. соч. С. 130.

бия получало всего 15% безработных от их фактического числа в сельской местности. Иными словами, преобладающее большинство безработных селян в социальном отношении не было никак защищено. Хотя даже тех, кто получал пособие по безработице, в действительности трудно было назвать социально защищенными, так как размер этого пособия был мизерным, и, кроме того, оно тоже выдавалось с огромными задержками¹⁸.

В это время закрытие сельхозпредприятий, которые в течение нескольких десятков лет предоставляли занятость жителям села, отнюдь не сопровождалось массовым появлением работодателей и созданием новых рабочих мест. Данное обстоятельство придавало безработице в сельской местности застойный характер, а сельский рынок труда на протяжении всего десятилетия 1990-х годов так и не был сформирован. Особенно много безработных было среди женщин, которые до реформ работали на объектах сельской социальной сферы, теперь практически повсеместно развалившихся. По данным Федеральной службы по труду и занятости, в 1990-е годы доля женщин в составе безработных на селе была не ниже $\frac{2}{3}$ от общего числа. Те женщины, которые еще сохраняли профессиональную занятость, в основном были сконцентрированы (более чем на 40%) в низкооплачиваемых бюджетных организациях сельской местности, где их насчитывалось втрое больше, чем мужчин. Работали сельские женщины и по найму (21,3%), в домашнем хозяйстве (20,6%). Крайне тяжело приходилось безработным женщинам, имевшим несовершеннолетних детей, особенно инвалидов с детства, а также многодетным и одиноким матерям. Проблема их трудоустройства осложнялась нежеланием работодателей, понимавших неспособность матерей, имевших тяжелое семейное бремя, полноценно выполнять свою работу. Этому контингенту сельских женщин без помощи государства решить проблему трудоустройства было нереально. В возникавших на селе новых

18. Там же. С. 128.

сферах приложения труда, например, в бизнесе, который практически полностью был монополизирован мужчинами, женщины встречались редко (менее $\frac{1}{3}$). Очень высок процент безработных был и среди молодежи (не менее 30), особенно среди девушек – не имевших ни образования, ни специальности, ни опыта¹⁹.

Проблема материальной обеспеченности сельских семей осложнялась тем, что даже работавшие селяне по несколько месяцев не получали заработанных денег. Хроническая невыплата зарплат, пенсий, различных пособий и пр. стала характерной приметой повседневной жизни россиян на всем протяжении 1990-х годов. Задержки зарплат объяснялись не столько экономическим упадком сельхозпредприятий, не получавших от покупателей денежных средств за произведенную продукцию и поэтому бывших не в состоянии рассчитаться со своими работниками, сколько стремлением руководства всех уровней таким способом придерживать развитие инфляции в стране. Все виды выплат населению задерживались на многие месяцы, а это еще больше ухудшало положение семей, заставляло буквально голодать. Несвоевременность выплат причитающихся средств приобрела огромные масштабы: например, в 1994 г. в целом по РФ задолженность по зарплатам составляла 3,22 млрд руб., а в 1997 г. – уже почти 70 млрд руб. К тому же реальные денежные доходы селян в годы рыночных реформ постоянно снижались (за исключением 1994 и 1997 г.). Особенно тяжелое положение с выплатами создалось осенью 1998 г. Ситуация дефолта и резкое падение курса российского рубля относительно доллара сопровождались стремительным ростом цен на все товары, включая продовольствие. Обострение кризиса и крайнее недовольство заставляло людей выходить на

19. См.: Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. Монография. (По результатам социолого-педагогического опроса родителей и детей). М., 2007. С. 18; Ельчанинов П.М. Женская безработица на селе // Соц. ис. 2001. № 12. С. 13; О положении семей. Аналитический материал по социально-экономическому положению женщин, проживающих в сельской местности. wcons.org.ru/news.

митинги протеста, устраивать массовые забастовки, требовать от правительства положить конец безумной инфляции и наказать виновных в невыплате зарплат, пенсий и пособий. Лишь после общероссийской массовой забастовки (в октябре 1998 г.) президент Б.Н. Ельцин клятвенно заверил бастующих, что берет это дело под собственный контроль. В действительности же вовсе не его действия, а объективные причины экономического характера, способствовавшие запуску механизма восстановления после того, как был пройден пик кризиса, постепенно переломили ситуацию к лучшему. С 1999 г. стало наблюдаться медленное, но неуклонное, урегулирование проблемы выплаты зарплат работникам предприятий, в том числе и в сельском хозяйстве, хотя в отдельных регионах тяжелая ситуация сохранялась. Например, в Пензенской области, по данным социологических опросов сельских жителей, в 1999 г. регулярно получали зарплату лишь 11,6% работников сельскохозяйственных предприятий, а в 2000 г. — всего 3%. Опрос показал, что почти 20% опрошенных жителей села в этой области зарплату не получало уже несколько лет²⁰. В Омской области на 1 января 2000 г. долги по зарплате работников имела 1/5 часть сельскохозяйственных предприятий, а их общая задолженность составляла 609,8 млрд руб., или 22% годового фонда оплаты труда в отрасли. Более того, со временем реальные денежные доходы населения в целом по РФ проявили тенденцию к росту и в 2002 г. приблизились к показателям 1991 г. (на 70%). Динамика реальных пенсий росла медленнее: в 1999 г. их средний размер равнялся всего 25% к уровню 1991 г., а чтобы он наконец максимально к нему приблизился (в 2009 г. — 93,3%), потребовалось целых 10 лет²¹.

20. Социально-трудовая сфера села: региональный опыт исследования. М., 2002. С. 95.

21. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг. С. 11,12; Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Кризис занятости в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1990-е гг. // Аграрная сфера в контексте российской модернизации XVIII–XX вв. Макро- и микропроцессы. Оренбург, 2010. С. 129.

По причине экономического кризиса в стране и его тяжелых социально-экономических последствий практически все категории работавших на селе (кроме фермеров) резко потеряли в величине доходов, особенно на первом этапе реформ (1992–1993 гг.). Затем ситуация на какое-то время выровнялась, хотя по-прежнему была далека от исходного уровня. Конкретные размеры зарплат различных категорий работников аграрного сектора, естественно, сильно различались, в том числе и в зависимости от формы собственности предприятия. В организациях с частной формой собственности, где в начале 2000-х годов работало почти $\frac{3}{4}$ общего числа официально занятых в сельском хозяйстве, зарплата была ниже, чем в среднем по отрасли почти на 10%, а по сравнению с организациями государственной формы собственности – на 32% ниже. В более крупных предприятиях зарплаты превышали средний уровень, что тоже свидетельствовало в пользу крупного аграрного производства. В то же время в малых сельскохозяйственных коллективах, где материальное вознаграждение теснее зависело от конечных результатов труда, заработки были немного выше средних по отрасли (107%)²².

При изучении проблемы жизненного уровня с целью более детального анализа исследователи используют специфический понятийный аппарат. Важно подчеркнуть, что с начала 1990-х годов в официальной документации взамен термина «семья» уже употреблялось «домохозяйство», которое полнее отражало процессы, происходящие в сельской семье, являющейся не только потребляющей, но и производящей единицей. В данном случае под «домохозяйством» понимается совокупность лиц, проживающих в общем жилом помещении (или его части), которые связаны (или не связаны) родственными узами, и которые совместно обеспечивают себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства. Домохозяйство может состоять из

22. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (шестой выпуск). М., 2005. С. 49.

одного человека, живущего самостоятельно²³. Наряду с чисто демографическим ракурсом, понятие «домохозяйство» подразумевает и экономический аспект — т.е. ведение домашнего хозяйства, которое в сельской местности нередко отождествляется с так называемым подсобным хозяйством семьи. На наш взгляд, в обычной практике вполне допустимо в соответствующем контексте использовать оба термина («семья» и «домохозяйство») как синонимы.

Столкнувшись с процессами быстрого и масштабного снижения доходов населения, для измерения порога бедности в России было разработано понятие минимального уровня потребления (прожиточный минимум). Под этим имелся в виду социально установленный уровень дохода, уменьшение которого ставило человека уже за грань нормальных условий существования. Величина прожиточного минимума (ПМ) была разработана в соответствии с Указом Президента России «О системе минимальных потребительских бюджетов населения РФ», а также на основе методических рекомендаций Минтруда РФ, и вскоре (с ноября 1992 г.) она стала употребляться в государственной практике. Прожиточный минимум выражал собой стоимостную оценку условной потребительской корзины, состоявшей из минимального набора продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для поддержания здоровья человека, обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы. Величина прожиточного минимума была научно определена на основе нормативно-статистического метода. По своему физическому объему она примерно в 2 раза уступала ранее действовавшему в СССР минимальному потребительскому бюджету (МПБ), установленному для поддержания малообеспеченных слоев населения. Введенный в кризисные 1990-е годы прожиточный минимум для отдельных демографических групп населения стал самым низким «бюджетом выживания».

23. См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сборник. М. 1998. С. 160–161.

Поскольку на этапе начала 1990-х годов Россия переживала острейший продовольственный кризис и нехватку основных продуктов питания, это не могло не отразиться соответствующим образом и на структуре продуктов, товаров и услуг, входивших в прожиточный минимум. В новый российский ПМ было включено 25 основных видов продуктов питания, но по сравнению с действовавшим в советские годы минимальным потребительским бюджетом (МТБ) он был существенно ниже. Нормы потребления в ПМ рассчитывались таким образом, что лишь по основным продуктам питания «для народа» – т.е. хлебу и картофелю, они на 8–12% превосходили нормы МПБ советского времени. По всем же остальным продуктам нормы прожиточного минимума заметно уступали: например, по молочным продуктам – на 39%, овощной продукции – на 20%, сахару и кондитерским изделиям – на 30%, яйцам – наполовину. Были сильно урезаны нормы потребления рыбы (на 80%), но более всего сократились нормы потребления мяса и мясопродуктов (в 2,3 раза против МТБ), из-за чего их потребление было ограничено всего 76 г в день. Анализируя нормы потребления, действовавшие в условиях новой России, исследователи отмечают, что даже на царской каторге суточная норма питания была выше (содержала 127,6 г мяса)²⁴. Остальные статьи бюджета ПМ (т.е. непродовольственные товары, услуги, налоги и обязательные платежи) рассчитывались на основании структуры расходов, имевшейся в самых бедных («наименее обеспеченных») домохозяйствах. В итоге расходы на питание занимали 68,3% от принятого потребительского минимума, на покупку одежды, обуви, товаров санитарии и гигиены – 19,1%, услуги (транспорта, квартплата, коммунальные платежи и др.) – 7,4%, налоги и обязательные платежи – 5,2%.

Устанавливая сверхнизкие нормативы прожиточного минимума в стране, правительство России исходило из того, что они будут действовать лишь в 1992 г. – год самых экс-

24. Бондаренко Л.В. Бедность в сельской России. М., 2005. С. 23.

тремальных ограничений. Но кризис затянулся надолго, и это вынуждало время от времени пересматривать установленные минимальные нормы потребления продуктов и их денежную оценку. Например, в 1999 г. в соответствии с федеральным законом «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» была рассчитана новая величина ПМ, в соответствии с которой увеличивался натуральный объем потребительской корзины: для трудоспособного населения – на 12%, пенсионеров – на 25%, детей – на 20%. В него включались некоторые дополнительные продукты и непродовольственные товары – как индивидуального, так и общесемейного пользования. Однако общая пищевая ценность рациона по-прежнему оставалась недостаточна: например, потребление мяса было ниже действовавших в СССР минимальных потребительских бюджетов на 55%, рыбы – на 30%, яиц – на 40%. Этот же прожиточный минимум продолжал действовать и в начале 2000-х годов. С 1992 г. цены в стране постоянно росли, но особенно заметно на услуги: если к 2000 г. в целом на продукты питания они повысились в 6,7 тыс. раз, на непродовольственные товары – в 4,8 тыс. раз, то услуги за это время поднялись в цене в 42,7 тыс. раз. Понятно, что в таких условиях подавляющему большинству населения России жилось чрезвычайно тяжело. При постоянной дороговизне цен на продукты, товары и услуги, величина прожиточного минимума, несмотря на периодический пересмотр, повышалась значительно медленнее, чем этого требовал реальный уровень инфляции в стране (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что величина установленного прожиточного минимума в Российской Федерации была дифференцирована по основным социально-демографическим группам населения. Максимальный его размер предусматривался только для трудоспособных работников (от 16 до 55–60 лет), чьи расходы, в том числе и на питание, были выше, чем у остальных групп. В действительности нормы питания для категории трудоспособных, включенные в про-

Таблица 2. Величина прожиточного минимума в 1992—1999 гг. (в среднем на душу населения; тыс. руб., с 1998 г. — руб. в месяц)

Год	Все население	В т.ч. трудоспособные	В т.ч. пенсионеры	В т.ч. дети
1992	1,9	2,1	1,3	1,8
1993	20,6	23,1	14,4	20,7
1994	86,6	94,4	61,0	87,4
1995	264,1	297,2	186,2	268,6
1996	369,4	415,6	260,5	373,2
1997	411,2	462,4	289,9	415,1
1998	493,3	554,7	347,9	498,2
1999	907,8	1002,8	639,9	901,7

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. М., 2001. С. 140.

житочный минимум, вне сомнения, тоже нельзя было считать достаточными. Для детей, и особенно пенсионеров, устанавливался прожиточный минимум, который на 10 и 37% соответственно был ниже, чем у работавших членов семьи. Примечательно, что в 1992—1995 гг. размер ПМ довольно часто менялся, хотя уровень реальной инфляции и общей дороговизны жизни в РФ требовал более частых перемен.

Введение прожиточного минимума официально определило **черту бедности в стране: все, что ниже ПМ, — бедность**. В бытовом смысле феномен бедности воспринимался как определенное социально-экономическое положение домашнего хозяйства или семьи, социальной группы или отдельного лица, при котором имевшегося объема средств было не достаточно для удовлетворения даже основных потребностей на нормальном уровне, сложившемся в данный период и в данной стране. Экономисты отмечали специфический характер бедности сельского населения, который заключался в самом факте возможности доступа к земле, поскольку при наличии свободного времени, заполненного трудом, земля способна приносить доход, т.е. создавать условия для устойчивого выживания²⁵.

25. Бондаренко А.В. Бедность в сельской России. М., 2005. С. 10, 11, 23, 24.

Большинство сельских жителей в 1990-е годы по всем показателям объективно относились к категории бедных. Кроме безработных, полностью лишенных возможности получения дохода, бедными являлись и работники, формально сохранявшие занятость в общественном аграрном производстве, но получавшие столь низкий уровень оплаты труда, что даже официально установленный в стране прожиточный минимум для них оставался несбыточной мечтой. Из-за своей крайней бедности они воспринимали ПМ не как минимум, требующийся для физического выживания человека, а как показатель относительно пристойного существования. Социологи сообщали, что население деревни в целом вообще не ассоциировало прожиточный минимум с бедностью, поскольку их реальные доходы были очень от него далеки. По мнению сельских респондентов, на самом деле состоянию бедности соответствовало положение, которое еще примерно на $\frac{1}{3}$ было ниже действовавшего ПМ в стране²⁶. Тем более, что фактический размер минимальной среднемесячной заработной платы в сельском хозяйстве был ниже официального прожиточного минимума (табл. 3).

Таблица 3. Соотношение минимальной начисленной среднемесячной заработной платы с прожиточным минимумом трудоспособного населения (%)

Показатель	2000	2001	2002
Всего по экономике	168	199	222
Промышленность	207	247	261
Сельское хозяйство	67	80	89

Источник: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (шестой выпуск). М., 2005. С. 46.

Данные о минимальном уровне среднемесячной заработной платы, действовавшем в целом по экономике и ее ведущим отраслям — промышленности и сельскому хозяй-

26. Обзор экономики России. М.: Рабочий центр экономических реформ при Правительстве России. 2002. №1 (33). С. 140–149; Пацюрковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М., 2003. С. 265–266.

ству, подтверждают, что в аграрном секторе он был значительно ниже не только по сравнению с другими отраслями, но и по сравнению с установленным в стране прожиточным минимумом. Например, в промышленности минимальные ставки зарплат все-таки обеспечивали работникам 2 и более прожиточных минимума, а в сельском хозяйстве они не обеспечивали даже одного, так как были заметно ниже. Средний уровень минимальной оплаты труда в целом по промышленности был втрое выше, чем в аграрной сфере. Естественно, очень многие работники аграрного сектора (75%) были недовольны такой низкой оплатой труда, хотя по отдельным квалификационно-должностным группам имелись некоторые различия²⁷.

Работавшие на селе социологи и специалисты Министерства сельского хозяйства при проведении мониторинга ситуации на селе зафиксировали многочисленные трудности, присущие периоду активных социально-экономических трансформаций. Показательны в этом плане результаты опроса представителей разных имущественных групп сельского населения Алтайского края, проведенного отделом социальных проблем ИЭиОПП СО РАН в 1993 и 1994 гг. (табл. 4).

Таблица 4. Оценка изменения материального положения у 20% наименее обеспеченных и 20% наиболее обеспеченных сельских семей в Алтайском крае

Оценка благосостояния	Малообеспеченные		Высокообеспеченные	
	1993	1994	19903	1994
Стали жить лучше	3	6	11	11
Без изменений	25	8	33	35
Стали жить хуже	72	86	56	54

Источник: Татлина В.С. Структура сельского населения по материальному благосостоянию: социально-экономическое неравенство и его отражение в сознании сельского населения // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск, 1996. С. 60.

27. Социально-трудовая сфера села: региональный опыт исследования. С. 95.

Этот эмпирический материал отразил изменения в материальном положении обследованных сельских семей всего за 2 года. При этом подавляющее большинство наименее обеспеченных групп (72% – в 1993 г. и 86% – в 1994 г.) отмечали ухудшение своего материального положения. Аналогичное положение прослеживалось и по ответам тех представителей данной социальной группы, которые всего год назад говорили об отсутствии у них перемен: их доля в 1994 г. уменьшилась втрое, зато одновременно увеличилась доля отметивших дальнейшее ухудшение своего материального статуса. В то же время ответы наиболее обеспеченных в материально-имущественном отношении групп свидетельствовали о стабильности их положения и даже некотором снижении доли тех, кто год назад считал, что стал жить хуже.

Социологические опросы селян подтверждали, что максимального результата в улучшении своего жизненного уровня (21%) добились те, кто перешел работать в рыночный сектор (фермеры, кооператоры, занимавшиеся индивидуально-трудовой деятельностью). Неплохо пошли дела и у представителей сельской хозяйственной элиты (семьи руководителей и специалистов), а также работников сферы управления, финансирования и кредитования и др., которым в процессе приватизации бывшего колхозно-совхозного имущества удалось получить далеко не самые худшие участки земли и вполне исправную технику и машины. Тем не менее, даже среди представителей сельской элиты улучшение своего материального положения отметило всего 12%. А среди рядовых аграриев и не имевших работы изменения к лучшему отметило минимальное число семей: материальный статус улучшился только у 2 и 4% соответственно²⁸.

О конкретном выражении существовавшей в эти годы средней зарплаты в сельскохозяйственных предприятиях, ее реальной покупательной способности, можно судить по

28. Татлина В.С. Структура сельского населения по материальному благосостоянию: социально-экономическое неравенство и его отражение в сознании сельского населения // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск, 1996. С. 61.

письму крестьянки из Ленинградской области. Она писала: «Моя зарплата 300 руб. со всеми надбавками. Буханка ржаного хлеба сегодня стоит 7 руб. 20 коп. Значит, я зарабатываю на 41 буханку в месяц. Раньше, когда буханка стоила 20 коп., а самая маленькая зарплата в деревне была 60 руб., получалось 300 буханок. Вот вам и уровень жизни!.. Поскольку мы живем в сельском двухэтажном доме, раньше мы ничего не держали – ни кур, ни огородов – все в магазине покупали, свое, отечественное. А теперь все иностранное, синтетическое. У меня в хозяйстве уже кое-что. е.: 2 козы и куры, выкармливаю поросенка, хоть и туговато с кормами! Овощи растим...»²⁹. Из процитированного письма следует, что крайняя нужда заставила сельскую женщину, жившую в доме-«высотке» (такие при «развитом социализме» строились для жителей села специально, чтобы они отвыкали от подсобных хозяйств), искать возможности для ведения собственного крошечного хозяйства. Иначе при ее зарплате ей жить было невозможно.

Учитывая важность зарплаты – одного из главных источников поступления доходов в сельскую семью, можно утверждать, что именно крайне низкий уровень, не говоря уже о случаях ее полного отсутствия, и послужил подлинной причиной быстрого распространения бедности в российской деревне, приобретавшей все более массовые масштабы. Уже к 1998 г. доходы ниже черты бедности имело 65% сельских жителей России, в 1999 г. – 73%, а к 2000 г. – уже 80%. Но среди огромного количества реально бедных селян насчитывалось немало еще более бедных – «беднейших из бедных», чьи доходы в 2 и более раз недотягивали до установленного в стране прожиточного минимума. В 1998 г. этих самых обездоленных в общей массе селян с доходами ниже ПМ, было 35%, а в 1999 г. – 43%³⁰.

Но наиболее многочисленной группой бедных селян были семьи с детьми, а также неполные семьи и семьи моло-

29. Крестьянская Россия, 2000. 21–27 августа. № 33.

30. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2000 г. (2-й вып.). М., 2001. С. 67.

доженов. Доходы этих категорий семей в 1994 г. были в 1,85 раза меньше, чем у бездетных семей. В целом уровень материальной обеспеченности семей напрямую зависел от наличия и числа детей в них. Как показывает статистика, среднедушевой доход в семье с одним ребенком до 16 лет нередко еще соответствовал прожиточному минимуму, но в семьях с двумя—тремя детьми был на 23 и 43% ниже. Появление в молодой семье даже первого ребенка повышало риск ее быстрого перехода в бедность почти на 10%, второго — на 12%, а каждого последующего — на 16%. Особенно тяжелое положение создалось в неполных семьях, где дети претерпевали еще большие невзгоды, чем их сверстники, живущие в полной семье. Весьма уязвимыми в материальном плане были и семьи (домохозяйства), в составе которых имелись безработные или нетрудоспособные члены. В 1993 г. примерно половина их была бедными, $\frac{1}{4}$ — очень бедными, т.е. имели доходы на уровне в 2 раза ниже черты бедности. Положение семей пенсионеров, несмотря на инфляционные процессы, постепенно улучшалось даже относительно работающих, поскольку размер пенсий индексировался чаще, чем зарплата. По этой причине пенсионеры попадали в категорию бедных на 10% реже, чем даже мужчины трудоспособного возраста³¹.

Наряду с обезцениванием сельскохозяйственного труда в результате обмена промышленной и аграрной продукцией, получившего неэквивалентный характер, серьезным фактором массового воспроизводства сельской бедности становились и длительные невыплаты работникам сельхозпредприятий причитающихся им денежных средств. Именно крайне низкий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве, по мнению специалистов, превратил данную отрасль в практически трудобеззатратный вид производства. Если бы сельхозпредприятия в течение 1990-х годов платили своим работникам зарплату хотя бы в размере прожиточного минимума, то у них неизбежно накопились бы убытки: которые, к примеру,

31. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1996. С. 26.

в 2000 г. могли составить 8 млрд руб. Однако в действительности вместо убытков они получили огромную прибыль — в 14 млрд руб.³² Получалось, что минимальные расходы на оплату труда, с одной стороны, до предела разоряли работников сельхозпредприятий, а с другой, сказочно обогащали их руководство.

Ценный материал о структуре доходов сельского населения в общероссийском масштабе содержит Всероссийская перепись населения 2002 г. Несмотря на предельно заниженный уровень оплаты труда в сельском хозяйстве, практически все взрослое население российской деревни (13,2 млн человек) главным источником средств своего существования назвало доход, получаемый от трудовой деятельности (кроме работы в ЛПХ), т.е. зарплату. Еще примерно столько же (12,2 млн) человек в качестве основного средства существования назвало свое личное подсобное хозяйство³³. Следовательно, несмотря на существенное снижение общего уровня заработной платы, получаемой в сельскохозяйственном предприятии, она еще оставалась важным компонентом общего дохода средней сельской семьи. В то же время ее крайне низкий уровень тормозил общий рост доходов селян, которые по этой причине только снижались.

С 1997 г. официальная статистика стала определять средний доход домохозяйства по новой методике, исходя из суммы произведенного им денежного расхода и сложившегося в результате этого прироста /или уменьшения/ финансов. Общую картину сельской бедности в 1990-е годы дополнительно усиливает сопоставление показателей номинальных денежных доходов в сельских и городских домохозяйствах относительно величины прожиточного минимума (табл. 5).

32. Социально-трудовая сфера села: региональный опыт исследования. С. 12; Родионова Г.А. Сельская бедность в России // Мир России. 2000. № 3. С. 129.

33. Источники средств к существованию. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (в 14 томах). Т. 5. Официальное издание. М., 2004. С. 8–11 (подсчет).

Таблица 5. Номинальные денежные доходы и их соотношение с величиной прожиточного минимума в сельских и городских домохозяйствах в среднем на 1 члена домохозяйства в месяц

Показатели	Сельские домохозяйства, год			Городские домохозяйства, год		
	1997	1998	1999	1997	1998	1999
Номинальные денежные доходы, руб.	379,6	398,7	640,4	703,2	744,2	1142,9
Соотношение номинальных денежных доходов и величины ПМ (%)	92,3	80,8	70,5	171,0	150,9	125,8

Источник: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2000 г. (второй выпуск). М., 2001. С. 56. (Величина ПМ в расчете на душу населения в месяц составила: в 1997 г. – 411,2 тыс. руб., в 1998 г. – 493,3 руб., в 1999 г. – 908 руб.)

Данные табл. 5, в том числе особенно за 1999 г., показывают, насколько низким оставался уровень номинальных денежных доходов в сельских домохозяйствах. Сравнение их с прожиточным минимумом показывает, что по своей величине на селе они в 1998–1999 гг. почти на $\frac{1}{3}$ уступали ему. Действительно, если в 1997 г. номинальный денежный доход сельского домохозяйства в среднем по обследованным регионам РФ уже начал было приближаться к уровню ПМ, то последствия дефолта 1998 г., негативно отразившись на его реальной величине, вновь усилили разрыв относительно прожиточного минимума. Все это подтверждало, что рыночная аграрная реформа в действительности обеспечила лишь резкое падение уровня оплаты труда. Иными словами, российские реформаторы фактически вновь подвели население деревни к критической черте – необходимости самостоятельного поиска путей физического выживания.

Как следует из табл. 5, новый виток инфляции в 1998 г. вызвал номинальное увеличение денежных доходов сельских домохозяйств: до 640 руб. в месяц в расчете на 1 члена семьи (в 1999 г.). Но на самом деле эта сумма быстро обесценилась даже относительно более твердого показателя – прожиточного минимума. Из табл. 5 видно также, что номинальные денежные доходы сельских домохозяйств значительно – прак-

тически вдвое уступали имевшимся у городских. Несмотря на их формальное повышение в 1998 и 1999 гг. (на 60 и почти на 70% соответственно), более трезвый показатель, т.е. отношение реального денежного дохода к ПМ, наоборот, снизился до 80,8 и 70,5%. Аналогичной была динамика и номинальных денежных доходов в городских семьях, хотя относительно величины ПМ они все же были заметно выше, чем в сельских семьях.

Такая картина неудивительна, поскольку из-за общего снижения объемов аграрного производства сельскохозяйственные предприятия подолгу не выплачивали зарплату своим работникам, тем более, в денежной форме. Фактически лишённые средств к существованию сельские жители были поставлены в униженные условия – буквально выпрашивать и вымаливать заработанное ими у сельской администрации. Материалы социологических опросов, проводившихся на селе в период наиболее активных общественно-экономических трансформаций, подтверждают присущее сельским работникам долготерпение («терпим, ждем»), с которым они дожидались получения своих законно заработанных средств и даже и отсутствие проявлений социального протеста. Сельские жители выживали, в отсутствие зарплат довольствуясь малым («живем за счет пенсий, детских пособий»). Сельская администрация, чтобы не допустить социального взрыва, практиковала использование такой архаичной формы оплаты как «отоварка». Работникам некоторых сельских предприятий взамен выдачи зарплаты «великодушно» разрешалось набирать в их магазинах продукты питания, хотя их продовольственный ассортимент был очень скудным, чаще всего ограничивался только хлебом³⁴.

Если иногда и производились выплаты, то исключительно в натуральной форме. Отношения на селе из-за крайнего дефицита денежной наличности приобрели полностью натуральный характер. Стараясь избежать серьезных проявлений

34. Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений / Рос. гос. социальный университет, Академический институт социальных исследований. М., 2009. С. 85–86.

социального недовольства, руководство сельхозпредприятий открывало и собственные пекарни, магазины, в которых работники имели возможность не покупать, а получать необходимые продукты товары «под зарплату». Например, в ряде районов Новосибирской области, денежные выдачи работникам осуществлялись только по распоряжению первых лиц предприятия и лишь в чрезвычайных обстоятельствах (болезнь или смерть) или особо торжественных случаях (когда дети заканчивали школу или намечалась свадьба). На многих СХП выдача зарплаты деньгами была превращена в особую привилегию, которой удостаивались лишь руководители верхнего и среднего звена, максимум – конторские служащие. Иногда деньги выдавались в качестве формы стимулирования труда передовых или особо ценных и нужных, но дефицитных, работников³⁵.

В стране имелось достаточно много предприятий, руководство которых, используя безработицу и свое монопольное положение на сельском рынке труда, не стеснялось прибегать к жестокой эксплуатации работников и при этом дискриминировать их в оплате труда, в том числе и на тяжелых видах работ. Например, в крупных хозяйствах Кубани каждый работавший акционер по норме за сезон должен был пройти с тяпкой по свекловичным делянкам в общей сложности до 67 км, а потом еще 26 км на огородных культурах. В награду за такой рабский труд работники много месяцев терпели задержки с зарплатой, вообще не получая ни копейки. Большинство сельхозпредприятий старалось расплачиваться с ними продуктами, но при этом все же придерживали натуральные выдачи. Рассказы местных крестьян были переполнены жалобами на колхоз, который систематически обворовывал их семьи. «Ведь гектар сахарной свеклы выдолоть – это страшная работа! Если вы будете здесь летом, посмотрите, как мы здесь пашем,

35. Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 2003. С. 224.

как ишачим! И что мы получаем за это? Смех и грех! Это ни в какие рамки не лезет...»³⁶.

Тяжелейший и крайне низко оплачиваемый труд на селе в годы рыночных преобразований способствовал еще большему распространению бедности, следствием чего становилось серьезное ухудшение материального положения сельских семей. Это подтверждало, что в постсоветской России посредством внедрения в экономику аграрного сектора новых форм хозяйствования утверждалось господство невероятно низкого уровня оплаты труда. В результате такой «реформы» работники сельского хозяйства окончательно лишились с таким трудом завоеванного к концу советского периода равенства в оплате труда с другими сферами экономики. Если в 1990 г. общий размер зарплаты в сельском хозяйстве уже практически достиг среднего уровня по экономике страны (95%), то буквально за пару лет, в том числе и вследствие проводимым аграрных реформ, это равенство было утрачено. С этого времени в развитии сельского хозяйства надолго закрепились опасные экономические тенденции (несправедливый порядок обмена произведенной продукцией, финансовые ущемления, ценовой диспаритет и др.), вследствие которых из аграрного сектора постоянно вымывались колоссальные денежные и материальные ресурсы, перераспределявшиеся в пользу других сфер экономики, прежде всего, промышленности и банковского сектора. Неизбежным следствием такого перекоса, получившего дискриминационный для сельского хозяйства характер, стало формирование тяжелейшей ситуации с оплатой труда и общим уровнем жизни сельского населения. Поэтому в структуре доходов сельских семей вместо заработка от сельскохозяйственного предприятия, ведущее место стали занимать натуральные поступления от личных подсобных хозяйств. Это свидетельствовало не только о резком падении уровня доходов сельских семей, но и об усиле-

36. Виноградский В.Г. Крестьянские общества сегодня // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 452.

нии их натурализации. Подобные процессы отражали общую деградацию аграрного сектора на этапе реформ. По данным мониторинга социально-трудовой сферы села, к 2000 г. среди сельских жителей России за чертой бедности, в том числе и в состоянии крайней бедности (с доходами в 2 с лишним раза ниже установленного прожиточного уровня в стране), находилась примерно половина их общей численности. Сельская бедность — явление специфическое, заметно отличавшееся своими масштабами от бедности городского населения. Основное ее отличие заключалось в крайней ограниченности сельского рынка труда и практической невозможности для аграриев найти новую работу, поэтому бедных семей, живших на доходы ниже прожиточного минимума, в 1990-е годы на селе насчитывалось на 30–50% больше, чем в городе³⁷.

Колхозно-совхозный строй в стране в процессе аграрной реформы был подвергнут основательному демонтажу, в то же время механизмы рыночной экономики заработали далеко не сразу, поэтому на этапе безвременья значительная часть селян могла существовать только за счет своих огородов. В эти годы роль личных подсобных хозяйств значительно повысилась, поскольку именно они спасали от голода и вымирания многие сельские семьи, оказавшиеся без стабильного заработка и регулярных выплат пенсий и социальных пособий. Особенно тяжело приходилось тем семьям, среднедушевые доходы в которых были ниже официально признанного минимального уровня физического выживания людей. Для большинства сельских семей значение экономики сельских домохозяйств (ЛПХ) становилось все более важным, что видно из следующих данных. Например, в 1998 г. фактический среднедушевой доход в расчете на 1 человека в сельской местности составлял всего 392 руб., в то время как биологически необходимый прожиточный минимум оценивался в 555 руб. Следовательно, для своего физического выживания

37. Социально-трудовая сфера села: региональный опыт исследования. С. 10; Родионова Г.А. Сельская бедность: проблемы измерения и сокращения // Сельская бедность: причины и пути преодоления. Никоновские чтения—2004. М., 2004. С. 4.

сельские жители должны были искать недостающие средства, а получить их реально они могли лишь за счет единственно доступного им источника доходов – семейных ЛПХ³⁸.

Потенциал семейно-домашней экономики проявился с наилучшей стороны у подавляющего большинства сельских жителей, даже в условиях гиперинфляции и небывалого роста цен. Когда структурный кризис в сельском хозяйстве привел к вынужденному оттоку рабочей силы из крупных и средних СХП, стабильную занятость ей обеспечили именно сельские подсобные хозяйства, которые официально относят к неформальной экономике. Другой возможности трудоустройства из-за крайней узости рынка труда в сельской местности не было. По этой причине сельские семейные подворья для многих из сферы вторичной занятости превратились в основную, если не единственную, сферу приложения труда.

Соответствующие изменения происходили и в структуре семейных доходов: вследствие превращения ЛПХ в основную форму трудовой занятости у многих сельских семей изменилось соотношение в бюджетах доли зарплат и доходов от ЛПХ. Поступления средств, произведенных в своем хозяйстве, в сочетании с рыночными продажами, заметно потеснили роль приоритета прежних лет – зарплаты. Уже в 1992–1995 гг. доля натуральных поступлений от ЛПХ в среднем по России повысилась до 20–25% при одновременном снижении удельного веса зарплат и государственных пособий (с 70 до 40%). К концу 1990-х годов, по данным официальной статистики, у значительного большинства владельцев сельских подворий доля получаемых от них доходов превышала удельный вес годового уровня оплаты труда в сельхозпредприятии. Зарплата быстро теряла свою былую первостепенную значимость в обеспечении сельских семей³⁹.

38. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2000 г. (второй выпуск). М., 2000. С. 56.

39. См.: О положении семей в Российской Федерации. М., 1998. С. 62; Малеева Т.М. Дифференциация доходов населения на фоне финансовой стабилизации // Мир России. 1998. № 3. С. 148.

Семейное подсобное хозяйство не только снабжало семью необходимыми продуктами, но и помогало ей преодолевать безденежье. Такое заключение основано на результатах бюджетных обследований семей и социологических опросов. До начала реформ — еще в 1990 г., оплата труда в СХП в среднем по России приносила в бюджет сельской семьи около $\frac{2}{3}$ ее совокупных доходов. В 1997 г. проведенный в Сибири мониторинг хода аграрной реформы показал, что в данном регионе роль зарплаты сельскими респондентами оценивалась уже неоднозначно: около 40% их подтвердило, что для них основным источником доходов еще остается зарплата, но ровно столько же назвало основным источником не только натуральных, но и денежных доходов, свое личное подсобное хозяйство. То же наблюдалось и в других регионах страны: например, в Саратовской области доля натуральных поступлений от ЛПХ, полученных огромными затратами тяжелого труда, в общем денежном доходе сельских семей выросла с 28,8% (в 1994 г.) до 39,0% (в 2002 г.), в то время как удельный вес зарплаты за это время снизился на 8%; в Воронежской области — доходы от ЛПХ поднялись с 18 до 51%, а зарплаты резко снизились: с 62,4% (в 1991 г.) до 8,7% (в 2002 г.) и т.д. В 1990 г. в Брянской области оплата труда в среднем обеспечивала не менее $\frac{2}{3}$ в совокупном доходе сельских семей, а к 2001 г. ее роль снизилась в 3,3 раза: до 19,1%. Соответственно в той же мере выросли доходы, получаемые от ведения ЛПХ (с 18 до 54,9%)⁴⁰. Приведенные факты говорят о том, что в рассматриваемый период в семейных бюджетах селян происходило прямое замещение оплаты труда доходами, получаемыми от натуральной продукции подворья. Иными словами, оплата труда в сельхозпредприятиях потеряла свою стимулирующую роль, в взамен нее на первое место выдвинулись доходы от ЛПХ.

Еще более наглядно соотношение видов источников дохода в семейных бюджетах сельских семей видно на сле-

40. Сельская бедность: причины и пути преодоления. Никоновские чтения—2004. М., 2004. С. 79.

дующих примерах. Так, в 2003 г. в обследованных семьях Липецкой области доля зарплаты составляла 41%, а поступления от ЛПХ – 48,4%; случайные подработки – 2,7%; пенсии, стипендии и социальные пособия от государства – 7,9%. В Белгородской области вклад крестьянских подворий в материальное обеспечение семей был еще более значимым: примерно 20% семей, занятых в общественном производстве, зарабатывали всего по 200–500 руб. в месяц (начало 2000-х годов). При этом столько же сельских домохозяйств получало значительно больший доход (по 1,5–3 тыс. руб.), в основном за счет продажи продукции своих приусадебных хозяйств (мяса, молока, картофеля, овощей и пр.), а 10% зарабатывали и по 6 тыс. руб. в год. Одновременно около 40% сельских семей области вообще ничего не продавали, и доходов от ЛПХ не имели. В среднем по сельским домохозяйствам, включая семьи пенсионеров и тех, кто не продавал «на стороне» продукцию своих хозяйств, ЛПХ в Белгородской области приносили неплохой доход – около 520 руб. в месяц (в ценах начала 2000 г.), т.е. в 2–2,5 раза больше, чем зарплата от общественного производства⁴¹.

Несмотря на то, что в кризисный период 1990-х годов личные подсобные хозяйства обеспечивали основу физического выживания сельских жителей и на всю их экономическую роль для семей, официальная статистика РФ прямых данных о них по-прежнему не публиковала. В этом окончательно убеждает внимательный анализ содержания статистических сборников о сельскохозяйственной деятельности хозяйств населения в 1990-е годы. Прямые сведения относительно доли ЛПХ в совокупном доходе крестьянских семей в них отсутствуют. Нижеследующая табл. 6 составлена по данным одного из таких сборников, которые частично раскры-

41. Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. 2000. № 3. С. 61; Великий П.П., Морехина А.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 57; Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. № 4. С. 92.

вают вклад подсобных хозяйств, но лишь в контексте денежной стоимости натуральных поступлений к общей сумме располагаемых ресурсов сельских домохозяйств (в среднем по России).

Таблица 6. Доля натуральных поступлений продуктов питания в сельских домохозяйствах (в руб. и %)

Показатель	1994	1997	1998	1999	2000	2001
Денежные расходы сельских домохозяйств в общем объеме располагаемых ресурсов, руб.	74,4	386,1	401,1	639,9	854,6	1113,2
В т.ч. стоимость натуральных поступлений продуктов питания (руб.)	12,1	148,7	157,2	219,6	252,7	342,1
То же, %	16,3	38,5	39,2	34,3	29,6	30,7

Источник: О положении семей в Российской Федерации. М., 2005. С. 172.

В 1994–1997 гг. инфляция в стране сделала бессмысленным сопоставление стоимости натуральных поступлений от ЛПХ, но, как видно из табл.6, их относительная доля в общем объеме располагаемых ресурсов сельских семей только за эти 4 года повысилась более чем в 2 раза: с 16,3 до 38,5%. Затем, в 1998–2001 гг., номинальная стоимость натуральных поступлений сельских семей продолжала оставаться высокой, хотя рост инфляции с 1998 г. уменьшил их реальный вес в общих доходах сельских семей практически на 10% (соответственно с 39,2 до 30,7%). Несмотря на колебания отдельных лет, удельный вес поступлений от ЛПХ с 1997 по 2001 г. держался на уровне не ниже 29,6% (2000 г.) и даже 39,2% (в 1998 г.) от общего объема располагаемых ресурсов средней сельской семьи. Это свидетельствовало о серьезном вкладе крестьянских подворий в их семейный бюджет, который в сочетании с другими источниками доходов в основном и обеспечивал сельским семьям физическое выживание.

Поскольку далеко не все городские семьи имели собственные подсобные хозяйства или дачи, то в сельских домохозяйствах доля натуральных поступлений в общих объемах располагаемых ресурсов была значительно выше. И это несмо-

тря на то, что общий валовой доход сельских домохозяйств, например в 2000–2001 гг., был на $\frac{1}{3}$, а общий денежный доход — наполовину ниже, чем у средней городской семьи. Доходы сельских домохозяйств опережали городские лишь по единственному показателю — общему объему натуральных поступлений от ЛПХ, который у сельских семей в 3,3–3,5 раза превосходил показатель городских семей. Зато по доле денежных поступлений относительно общей суммы располагаемых ресурсов городские домохозяйства значительно лидировали (90% и более — против менее 75%), что тоже закономерно, поскольку значительная часть жителей села вообще не получала зарплат, а если это и случалось, то лишь в натуральной форме. В итоге общая сумма натуральных поступлений от ЛПХ в расчете на каждого члена сельской семьи в 2 и более раз превышала данный показатель у горожан, что говорило в пользу значительно большей роли поступлений от подворья у сельских семей⁴².

Но эти деньги сельской семье вовсе не падали с неба, а достигались ценой огромного общего труда, включая подростков и стариков, самоотверженно трудившихся наравне с трудоспособными членами семьи. Иначе было нельзя, поскольку даже в случаях, когда крестьяне получали зарплату от сельхозпредприятия, ее размер не мог обеспечить даже минимального прожиточного уровня не только семье в целом, но и отдельному работнику. Выборочное обследование занятости, проведенное Госкомстатом РФ в 1999 г., показало, что из общего числа отработанных человеко-часов в сельском и лесном хозяйстве на всех видах работ (68,2 тыс.), в домашнем хозяйстве сельских семей было затрачено — 41,9 тыс. человеко-часов — т.е. более половины всего рабочего времени (61,5%)⁴³.

Таким образом, структура валового дохода сельских семей (домохозяйств), существовавшая в период с середины 1990-х по начало 2000-х годов, подтверждала приоритетное

42. Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения России. Стат. сб. М., 2003. С. 151.

43. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 2000 г. (2-й вып.). М., 2001. С. 57.

значение трудовых доходов, получаемых от работы на их хозяйственных подворьях. В переходный период личное подсобное хозяйство средней сельской семьи, особенно торговля выращенными в нем продуктами, превратилась в важнейший источник существования. Но решить проблему бедности сельских семей таким образом, т.е. за счет мелкой торговли выращенными продуктами питания, было нельзя. Продукция личных подсобных хозяйств сельских семей была в состоянии обеспечить им лишь физическое выживание, но не более.

Постепенно стало понятно, что аграрная реформа, начатая столь радикально и форсированно, позитивного эффекта не принесла, а переходный период явно затянулся. Планы российских реформаторов, сделавших основную ставку на расформирование колхозов и совхозов, чтобы освободить или расчистить место для фермерского уклада, оказались несостоятельными. В России 1990-х годов фермерство фактически потерпело крах, а большинство жителей села, лишившись занятости и нормальной зарплаты, оказалось в полной нищете. Тот факт, что в бюджете сельской семьи основным источником дохода стало ее натуральное подсобное хозяйство, на фоне утери былой роли зарплаты от сельхозпредприятия, подтверждал усиление натурального характера ее доходов и явной деградации в организации аграрного производства в целом.

В результате неудавшейся аграрной реформы сельское население — огромная социальная группа России, насчитывавшая 37 млн человек (в 2002 г.), на всем протяжении 1990 — начала 2000-х годов по большей части пребывала в бедности. Значительные масштабы сельской бедности придавали ей характер общенационального бедствия, поэтому решать эту задачу следовало на общегосударственном уровне. Однако меры, принятые в этом направлении во времена президента Ельцина, были абсолютно недостаточны и лишь еще больше загоняли ее вглубь.

И.В. Караваева¹

НАЛОГИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируется исторический опыт использования налогов в качестве эффективных инструментов реализации двух тесно взаимосвязанных явлений – индустриальные преобразования в экономике и изменение социальной структуры российского общества. Сопоставляются два периода развития отечественной экономики – двадцатилетие форсированной индустриализации начала века и период с конца 1990-х годов до настоящего времени. Автор доказательно обосновывает, что сегодня, как и в 1920–1930-е годы, последовательное реформирование отечественной налоговой системы направлено, с одной стороны, на модификацию инвестиционной структуры отечественной экономики (тогда – форсированная индустриализация, сегодня – формирование инновационной экономики); с другой стороны, на трансформацию социальной структуры российского общества (тогда – ликвидация класса собственников и создание экономических мотиваций, максимально ограничивающих объемы накоплений населения, сегодня – расширение границ среднего класса, стимулирование населения к капитализации доходов и развитию предпринимательской деятельности).

Ключевые слова: политическая экономия, налоговая политика, индустриализация, реиндустриализация, социально-политическая структура общества.

Налоги, и в особенности налоги на население представляют собой эффективный инструмент социально-политических преобразований национального социума на переломных этапах реструктуризации его экономической и политической структур.

К таким этапам глобальной реструктуризации отечественной экономики в совокупности с кардинальными пре-

1. Ирина Владимировна Караваева – д.э.н., проф., зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

образованиями социальной структуры российского общества правомерно отнести периоды *1920–1930-х годов и время с начала 1990-х годов до конца 2000-х годов*. Именно в эти годы произошли кардинальные изменения в производственной, социальной и демографической структуре российского общества. И в начале XX столетия, и на рубеже XX–XXI вв. были изменены принципы государственного устройства и отношений собственности, наконец, сами территориальные границы, объемы и структура ресурсов, которыми располагало российское государство. Как в 1920–1930-е годы, так и в течение двух десятилетий на рубеже XX–XXI вв. перед Россией со всей очевидностью стояла задача преобразования социальной и экономической структуры, причем с использованием экономических инструментов, способных не взорвать наметившийся хрупкий баланс социальных и хозяйственных условий существования российского общества.

Сегодня, как и восемь–девять десятилетий назад, последовательное реформирование отечественной налоговой системы направлено:

- *с одной стороны, на модификацию инвестиционной структуры отечественной экономики (тогда – форсированная индустриализация, сегодня – формирование инновационной экономики);*
- *с другой стороны, на трансформацию социальной структуры российского общества (тогда – ликвидация класса собственников и создание комплекса экономических мотиваций, максимально ограничивающих объемы накоплений населения, сегодня – расширение границ среднего класса, стимулирование населения к капитализации доходов и развитию предпринимательской деятельности).*

И хотя в осмыслении возможности использования опыта налоговых реформаций в 1920–1930-е годы, очевидно, придется опираться на методiku формирования предложений от противного, изучение исторических результатов эффективного использования тех или иных налоговых механизмов,

несомненно, окажется полезным и в современных условиях. Осмысление основных тенденций налоговых преобразований на переломных этапах развития отечественной экономики и преобразования структуры общества может стать методологическим ключом к оптимальному решению многих проблем современной российской социально-экономической политики.

Налоговые методы изменения социально-политической структуры общества в годы НЭПа

Первая в истории государственная программа индустриализации – план ГОЭЛРО – была принята в 1920 г., и начало ее осуществления совпало с переходом к НЭПу. По меньшей мере, 7–8 лет процесс централизованного управления строительством новой социалистической промышленности шел параллельно с развитием многоукладной экономики и ее рыночного механизма. Итогом осуществления новой экономической политики к 1928 г. стало преодоление разрухи в деревне, воссоздание сырьевой базы для работы существовавших в тот период промышленных предприятий, восстановление народного хозяйства в целом, но не его индустриальное преобразование.

Для того чтобы нагляднее проиллюстрировать сложившееся положение, сравним некоторые показатели плана ГОЭЛРО, реальные показатели советской экономики, а также развитых капиталистических стран к концу 20-х годов (табл. 1).

В конце 20-х годов СССР по производству черных и цветных металлов, добыче нефти и производству электроэнергии занимал последнее место среди крупнейших государств мира. В стране не было автомобильной, тракторной, авиационной промышленности. По сравнению с ведущими европейскими странами минимальным было производство станкостроительной и химической промышленности. Оснащенность промышленности и сельского хозяйства СССР современными средствами производства была в десять раз хуже, чем в крупных капиталистических странах Запада. Очевидно, что

Таблица 1. Соотношение производства важнейших видов промышленной продукции в СССР и ведущих странах мира

Виды продукции	1920 г., СССР	Задания плана ГОЭЛРО	1928 г.				
			СССР	Германия	Великобритания	Франция	США
Электроэнергия (млрд кВт/ч)	0,5	8,3	5	17	16	15	113
Чугун (млн т)	0,1	8,2	3	14	7	10	39
Сталь (млн т)	0,2	6,5	4	15	9	9	52
Уголь (млн т)	8,7	62,3	35	—	—	—	—

Источник: Составлено по данным: Белоусова Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль, 1987. С. 58; Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые—сороковые // Знание — сила. М., 1988, № 2. С. 29; 1988, № 3. С. 4.

при сохранении тех же темпов развития производства, что и до 1928 г., Советский Союз смог бы достичь показателей плана ГОЭЛРО только во второй половине 30-х годов. Но за это время ведущие капиталистические страны ушли бы далеко вперед. Очевидно, что в подобной ситуации было просто невозможно сделать качественный скачок в развитии производительных сил в ближайшие годы. На повестку дня была вынесена задача осуществления форсированной индустриализации, т. е. создания за максимально короткий срок промышленного производства, способного конкурировать с ведущими странами Запада.

Соответственно, возникла необходимость обеспечения основных ресурсных составляющих любой индустриализации:

- *финансовой базы масштабных инвестиционных вложений;*
- *необходимого объема трудовых ресурсов, способных реализовать эти инвестиционные вложения.*

Последовательная политика ужесточения налогового давления на самые широкие слои населения стала важным экономическим фактором в решении этих задач. В определенной степени выбор именно такого финансового источника индустриальных преобразований был связан с тем,

что программу глобальных инвестиционных вложений наша страна была вынуждена осуществлять исключительно за счет собственных источников накопления и внутренних ресурсов, не рассчитывая на какие-либо субсидии из-за рубежа.

Сопоставление структур налоговых систем, применявшихся в дореволюционной России, в 20-е годы и после налоговой реформы 1930 г., позволяет нам опровергнуть распространённую в отечественной экономической литературе точку зрения о минимизации роли налогов с населения в формировании доходов государственного бюджета.

Так, в годы НЭПа структура налоговых вычетов с населения была максимально заимствована из дореволюционной системы Российской империи. К налогам с населения, сохранившимся в советской налоговой системе времен НЭПа, следует отнести: *налоги, взимаемые непосредственно с граждан* — поземельный налог, подомовой налог, квартирный налог, налог на доходы от денежного капитала, налог на наследство, подоходный налог; и *налоги, перелагаемые на граждан через надбавку к цене или иные формы оплаты* — промысловый налог — посредством включения величины налога в стоимость реализуемого товара, акцизы, пошлины, за исключением экспортных как перелагаемых на заграничного потребителя экспортируемых товаров, винная монополия. В дополнение к «царским» налогам с 1921 по 1929 г. система фискальных изъятий у населения была расширена за счет введения ряда новых фискальных вычетов — натурального налога, налога на сверхприбыль, сельскохозяйственного налога, подоходно-поимущественного налога и ряда других, что существенным образом усилило налоговое давление на все слои населения.

Следует также отметить, что реальные фискальные изъятия из доходов населения после налоговой реформы 1930 г. не соответствовали ни по своей структуре, ни по своему объёму официально утверждённому перечню налогов и сборов с населения (официально доля налогов с населения в поступле-

ниях бюджета в 30-е годы составляла 6%), а значительно превышали его. С нашей точки зрения, объем принудительных, налоговых по своей природе, финансовых изъятий, взимающихся с населения в 30-е годы, должен учитывать: налог с оборота, перелагаемый через систему розничных цен на самые широкие слои населения; налоговые вычеты через систему государственного социального страхования; а также обязательные государственные займы, являвшиеся по сути вторым подоходным налогом.

На основе материалов официальных статистических источников, архивных документов и исследований российских экономистов начала XX в. нам удалось показать, что доля налоговых поступлений населения в объеме доходов государственного бюджета практически оставалась неизменной:

- в дореволюционной России (период 1901–1914 гг.) – в среднем 83% всех доходов обыкновенного бюджета;
- в годы НЭПа – в среднем немногим более 82% от общего уровня доходов бюджета;
- после налоговой реформы 1930 г. – несколько выше 84% доходов государственного бюджета.

Таким образом, со всей очевидностью сохранялась определяющая роль налогов с населения в формировании доходов государственного бюджета России вне зависимости от социально-политической структуры общества.

При этом последовательное увеличение абсолютных величин налоговых вычетов из доходов населения от периода к периоду, превышающее по своим объемам показатели роста оплаты труда, дает нам возможность утверждать о существовавшей в течение всех четырех первых десятилетий XX в. тенденции последовательного увеличения тяжести налогового бремени на самые широкие слои населения, и прежде всего – крестьянство.

Так, налоговые поступления в доходную часть бюджета с 1922/23 по 1926/27 гг. (соответственно составившие 474 646 и 2 333 566 тыс. руб.) возросли более чем в 5 раз, а сам объем государственного бюджета вырос за эти годы (с 1 460 017 до

5 002 373 тыс. руб.) более чем в 3 раза. Столь значительный рост налоговых поступлений, не имевший места ни в довоенных бюджетах России, ни в бюджетах иностранных государств 20-х годов, объясняется значительным увеличением налогового давления на все социальные слои населения советского общества.

Основным налоговым инструментом, обеспечившим решение задачи наполнения государственного бюджета, являлись косвенные налоги, перелагаемые на население за счет ценовой политики. Охватывая предметы массового потребления (продукты питания, одежду, керосин, спиртные напитки и табак), *акцизы и пошлины* смогли обеспечить государству достаточно крупный фискальный доход. За 8 лет сумма акцизных поступлений увеличилась в 25 раз. В относительном выражении акцизные сборы возросли с 17,7% от общего объема доходов государственного бюджета в 1922/23 гг. до 59,6% в 1927/28 гг. Роль косвенных налогов в целом в структуре доходов государственного бюджета также неуклонно возрастала: с 29,2% в 1922/23 гг. до 70% в 1927/28 гг.²

Методы налогообложения населения решали и важную *политическую* задачу. Применяемая в годы НЭПа методика взимания прямых налогов (промыслового, подоходного и пр.) обеспечивала значительную прогрессию налогового бремени в зависимости от величины доходов и стоимости имущества «классово чуждых элементов». Система прогрессивного возрастания сельхозналога в зависимости от количества пашни и скота приводила к сдерживанию процесса производственного накопления в сельском хозяйстве, дроблению крестьянских хозяйств и, в итоге, к свертыванию объемов сельскохозяйственного производства. Параллельно подоходно-поимущественное обложение в городской среде прогрессивно возрастало по мере роста размеров налогооблагаемого имущества.

Изменения, вносимые на протяжении 1921–1928 гг. в закон о продналоге, а затем о сельхозналоге, были направ-

2. Рассчитано по стат. сб.: Государственный бюджет СССР. М., 1965. С. 15, 47, 84.

лены на усиление дифференциации налогового бремени по классовым признакам. Они осуществлялись с целью последовательного снижения налога на бедняцкие хозяйства, незначительного его ослабления для середняцких хозяйств и значительного повышения для зажиточных «кулацких» хозяйств. В течение только двух последних финансовых лет периода НЭПа произошло существенное увеличение удельного веса налога с зажиточных и кулацких хозяйств: с 46,2% в 1927/28 г. до 60% в 1928/29 г. (табл. 2).

Таблица 2. Учет по РСФСР результатов взимания сельхозналога в РСФСР в 1927/28–1928/29 гг.

Группа хозяйств по размерам доходов на одно хозяйство	Распределение хозяйств, %	Распределение начисленного налога, %	
		1927/28 г.	1928/29 г.
До 250 руб.	55,8	22,5	13,6
251–400 руб.	22,3	31,3	26,4
401–700 руб.	13,4	31,5	37,2
Свыше 700 руб.	8,5	14,7	22,8
Итого:	100,0	100,0	100,0

Источник: Архив МФ СССР. 1930, опись № 6, дело 84. С. 16.

А к 1930 г. уже менее 16% зажиточных крестьянских хозяйств выплачивали 60% сельхозналога³.

Следует особо выделить конец 1920-х годов как период существенного ужесточения подоходно-прогрессивного налогообложения зажиточных слоев населения. Ряд налогов на имущество: подоходно-поимущественный, промысловый, также как и сельскохозяйственный налог, — последовательно реформировались с целью усиления их хозяйственно-политической роли (табл. 3).

В решении задачи регулирования частнокапиталистических накоплений важную роль играл и налог на сверхприбыль, введенный в 1928 г., посредством которого изымались конъюнктурные прибыли у «нэпманских элементов». Уже в

3. Архив МФ СССР. 1930. Оп. 6. Д. 84. С. 16.

Таблица 3. Налогообложение несельскохозяйственного населения в СССР (1927/28—1930 г.)

Размер месячного заработка (в руб.)	Размер налогов в % к доходу					
	Рабочие, служащие, кооперированные кустари		Некооперированные кустари и лица, имеющие другие трудовые доходы		Лица, имеющие нетрудовые доходы	
	1927/28 г.	1930 г.	1927/28 г.	1930 г.	1927/28 г.	1930 г.
Свыше 200	1,4	1,44	7,01	7,1	13,3	14,1
Свыше 1000	11,0	11,07	24,8	31,6	57,0	61,2
Свыше 2000	—	—	36,0	48,4	73,0	88,2
Свыше 3000	27,2	27,2	41,5	57,3	94,0	100

Источник: Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964. С. 108.

1928/29 г. обороты частных предприятий составляли всего только одну десятую часть всех облагаемых оборотов торгово-промышленных предприятий.

Именно политика последовательного увеличения налогового давления на население в целом и активного перераспределения налоговой нагрузки между различными слоями российского общества по принципу «политической благонадежности» стала одним из основных методов осуществления масштабных социально-политических преобразований 20—30-х годов XX столетия, получивших названия «форсированной индустриализации» и «коллективизации».

Налоги, несомненно, оказывали значительное влияние на изменение социальной структуры населения в СССР. Однако очень важно отметить, что, понижая уровень налоговых выплат пролетариата, беднейшего крестьянства и наемных рабочих в сфере прямого налогообложения, государство параллельно увеличивало объемы обложения самых широких слоев населения за счет косвенных налогов — акцизов и пошлин.

Для того чтобы ответить на вопрос, какие социальные группы населения обеспечивали основной объем акцизных

налоговых сборов, мы обратились к архивным документам, представленным в докладе Комиссии Совета Народных Комиссаров СССР по изучению тяжести обложения населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг., составителями которого являлись виднейшие экономисты своего времени: И.Д. Верминичев, М.М. Вольф, Л.Н. Крицман, Р.Я. Левин, Е.В. Пашковский, С.Г. Струмилин, М.И. Фрумкин.

В докладе приводятся следующие цифры (табл. 4).

Таблица 4. Переложимые и непереложимые налоги в общей сумме налогового бремени отдельных групп населения в 1926/27гг.

Группы населения	Непереложимые налоги			Переложимые налоги		
	в % к общей сумме платежа	на душу населения (руб.)	в % к дохо- ду	в % к общей сумме платежа	на душу насе- ления (руб.)	в % к дохо- ду
Все население	20,2	3,78	2,4	79,8	14,86	9,2
А. Сельскохозяйственное	29,7	3,23	2,8	70,3	7,66	6,8
I. Пролетариат	1,3	0,14	0,2	98,7	10,31	9,5
II. Бедняки	7,7	0,34	0,4	92,3	4,08	5,2
III. Средняки	31,0	3,27	2,9	69,0	7,29	6,4
IV. Предприниматели	40,1	15,70	6,5	59,9	23,46	9,8
Б. Несельскохозяйственное	12,7	5,48	1,7	87,3	3784	12,0
I. Пролетариат	3,2	1,36	0,5	96,8	40,32	12,0
В том числе рабочие	2,4	1,08	0,3	97,6	44,23	13,5
Служащие	4,9	2,13	0,5	95,1	41,63	10,7
II. Трудовое непростарское население	9,4	2,40	1,4	90,6	23,09	13,0
III. Мелкие полукapиталистиче-ские предприниматели	33,2	30,40	7,1	66,8	61,27	14,4
IV. Буржуазия	65,2	248,46	19,3	34,8	132,90	10,3
В том числе средняя и крупная	72,4	477,45	22,9	27,6	182,29	8,8
V. Прочее не сельскохозяйствен-ное население	3,0	0,42	0,2	97,0	13,81	4,8

Источник: Тяжесть обложения в СССР. Доклад Комиссии СНК СССР. М.: Госфиниздат, 1928. С. 70.

Анализ материалов доклада позволяет сделать вывод, что максимальная доля *перелагаемых налогов* от общей суммы платежей выплачивалась наименее обеспеченным слоями

населения: беднейшим крестьянством — от 92 до 98% от всей суммы налоговых выплат, в том числе пролетарским и трудовым непролетарским населением в городах — от 90 до 97% всей суммы налоговых выплат⁴. А учитывая постоянно увеличивающийся объем акцизных сборов и долю косвенных налогов, составляющих во второй половине 20-х годов до 70% налоговых доходов бюджета, основной объем налоговых доходов в этот период формировали именно «налоги на бедных», и налоговая нагрузка на наименее обеспеченные слои населения последовательно возрастала.

В подтверждение этого заключения приведем цитату из выводов Доклада Комиссии СНК СССР о тяжести обложения в СССР в 1925–1927 гг.: «Особенности структуры социального состава и доходов населения Советского Союза при значительной нивелировке доходов отдельных групп населения (за исключением небольшой части, измеряемой единицей процента) делают невозможным в данных условиях перенесение центра тяжести на непереложимые налоги. Советскому государству, ставящему себе задачу возможно скорейшей индустриализации промышленности и сельского хозяйства, неизбежно придется в течение ближайших лет пользоваться переложимыми налогами, как одним из главных источников средств для финансирования социалистического строительства. Прямые налоги — подоходный в городе и сельскохозяйственный в деревне, сохраняя все свое значение, как фактор регулирования накопления, не могут в настоящее время играть решающей роли в финансировании народного хозяйства»⁵.

4. Тяжесть обложения в СССР. Доклад Комиссии СНК СССР. М.: Госфиниздат, 1928.

5. Там же. С. 71.

Налоговая политика как метод изменения социальной структуры населения в промышленном и аграрном секторах советской экономики в 30-х годах XX в.

В начале 1930-х годов развертывание форсированной индустриализации потребовало нового увеличения объемов государственных доходов, а следовательно – разработки новых, более эффективных методов их аккумуляции и перераспределения. Изыскание финансовых средств на закупку колоссальных объемов импортной техники в годы первой пятилетки, на строительство крупнейших производственных объектов и развитие транспортной и энергетической инфраструктуры страны на протяжении 2-й и 3-й пятилеток закономерно требовали увеличения финансовых доходов бюджета. Объективно возникла необходимость разработки новых механизмов аккумуляции налоговых и неналоговых доходов.

Такие налоговые механизмы были реализованы в ходе налоговой реформы 1930–1932 гг., которая проводилась в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г. в комплексе с политическими, экономическими и организационными мероприятиями, обеспечивающими завершение процесса преобразования системы государственных финансов и денежно-кредитной сферы.

Основные направления налоговой реформы сводились к следующему.

В обобщественном секторе: *налог с оборота* заменил прежде существовавшие 54 платежа, отчисления от прибыли госпредприятий включили в себя 7 ранее существовавших платежей, сохранили самостоятельность 24 ранее существовавших платежа, в том числе подоходный налог с кооперации и единая пошлина.

В частном секторе: промысловый налог объединил 32 существовавших до реформы платежа, подоходный налог – 3, единая пошлина – 9, сохранился налог на сверх-

прибыль, 3 платежа были отменены, сохранили свою самостоятельность 28 платежей.

Основным источником доходов государственного бюджета был официально признан обобществленный сектор экономики, на долю которого к концу НЭПа приходилось свыше 90% валовой продукции, а основным источником налоговых доходов государственного бюджета в 30-е годы стал *налог с оборота*. В процентном отношении ко всем доходам государственного бюджета поступления по нему составляли: в 1931 г. – около 46%, в 1932 г. – 52%, в 1933 г. – 58%, в 1934 г. – 64%, в 1935 г. – 69%, в 1936 г. – 70%, в 1937 г. – 68%, в 1938 г. – 63%, в 1939 г. – 62% и в 1940 г. – 59%⁶. При этом во всех директивных документах и теоретических исследованиях советского периода налог с оборота характеризуется как налоговый платеж предприятий обобществленного сектора, не имеющий никакого отношения к налогам с населения.

В основе высоких поступлений от этого налога лежала политика государственного регулирования оптовых и розничных цен на основные группы промышленной и сельскохозяйственной продукции, соотношение которых, по сути, и формировало объемы поступлений налога с оборота.

Во-первых, налог с оборота изымался в форме сельских бюджетных наценок на промышленные товары, а также специализированных бюджетных наценок на товары коммерческого фонда в городах. *Во-вторых*, существенная часть налога с оборота формировалась за счет покупки хлебопродуктов заготовительными организациями и сельскохозяйственного сырья предприятиями легкой и пищевой промышленности по ценам ниже стоимости. Такое осуществление заготовок сельскохозяйственных продуктов по заниженным ценам уже в первой пятилетке стало основным экономическим механизмом привлечения части доходов колхозников и единоличников для покрытия расходов бюджета. *В-третьих*, сложив-

6. Составлено по: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М.: Госфиниздат, 1954. С. 174, 236.

шаяся в годы первой пятилетки практика установления цен на продукцию тяжелой промышленности ниже их реальной стоимости и сравнительно с низким уровнем налога с оборота способствовала занижению оптовых цен в отраслях, производящих средства производства. Возникающие таким образом потери бюджета компенсировались за счет налога с оборота, уплачиваемого предприятиями легкой и пищевой промышленности, а также производителями транспортных услуг в виде разницы между оптовыми и розничными ценами.

Таким образом, во всех трех рассмотренных ситуациях реальным плательщиком налога с оборота являлся розничный потребитель, на которого через механизм цен перекладывался основной объем фискальной нагрузки. Следует также учитывать, что почти 70% розничных потребителей в первой половине 30-х годов составляло крестьянство. Формально являясь налогом с предприятий в обобщественном секторе экономики, на деле налог с оборота выполнял функцию переложения финансового бремени инвестирования индустриальных преобразований на самые широкие слои населения.

Реформа 1930 г. ускорила процесс трансформации социально-экономической структуры общества.

С 1933 г. сельскохозяйственный налог был фактически преобразован в четыре налога: с колхозов, с колхозников, с единоличных трудовых крестьянских хозяйств, с кулацких хозяйств, которые вместе действовали как эффективный механизм стимулирования процесса коллективизации.

Для каждой из групп налогоплательщиков законом был установлен особый порядок обложения. Подлежащий обложению доход колхозов исчислялся на основании их отчетности, и для них был предусмотрен ряд льгот производственного характера, из которых особенно важными были: освобождение или льготное обложение технических культур, огородов, садов, виноградников, полное освобождение от налога всего дохода от скота в колхозах и у колхозников. Обложение единоличных трудовых хозяйств существенно отличалось от обложения колхозов и колхозников: применялись про-

грессивные ставки налога, облагаемый доход исчислялся по средним нормам доходности, устанавливаемым для каждого района, к обложению привлекались неземледельческие заработки, для этой категории плательщиков был также установлен меньший объем льгот. В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г. «О сельскохозяйственном налоге на 1935 г.» особо подчеркивалось, что во всех случаях оклад налога с единоличного хозяйства должен быть, как минимум на 25% выше ставок, установленных в данной местности для колхозников⁷.

Результатом проведения такой жесткой экономической, в том числе — и налоговой, политики, направленной на вытеснение частных землевладельцев, в течение 1930—1937 годов стало резкое уменьшение удельного веса платежей единоличных хозяйств — с 74,15 до 11,9%. При этом удельный вес платежей колхозов вырос с 7,6 до 32,8%, а колхозников — с 17,5 до 53,6%. В итоге к 1937 г. преобладающим социальным слоем в СССР являлось колхозное крестьянство, в то время как крестьяне-единоличники, объединявшие в 1928 г. 75% населения страны, к 1937 г. составляли всего одну двадцатую его часть.

Однако резкое сокращение числа единоличных крестьянских хозяйств способствовало значительному снижению поступления налоговых доходов из села. Соотношение поступлений по сельхозналогу в 1937 г. в процентном отношении к 1933 г. составило 93%, а по сбору на нужды жилищного и культурного строительства в сельских местностях — всего 58,7%.

Именно поэтому в 1936—1939 гг. была осуществлена новая налоговая реформа, направленная на увеличение фискальных сборов с колхозного крестьянства, представлявшего в новых условиях самые широкие слои населения в деревне. Наиболее крупным из таких налоговых преобразований стала замена в 1936 г. сельскохозяйственного налога с колхозов подоходным налогом с колхозов, которым облагались

7. СЗ. 1935, № 30. С. 232.

все натуральные и денежные доходы коллективных хозяйств. Применение новых методов налогообложения доходов колхозов дало видимые финансовые результаты. Объем налоговых поступлений по подоходному налогу в 1937 г. по сравнению с поступлениями от сельскохозяйственного налога в 1935 г. возрос более чем вдвое. А в сентябре 1939 г. Верховный Совет СССР принял новый закон о сельскохозяйственном налоге, существенно ужесточивший финансовое давление как на колхозников, так и на немногочисленные оставшиеся хозяйства крестьян-единоличников.

В целом в течение тридцатых годов в динамике налогов сельскохозяйственного населения произошли серьезные изменения. Резко уменьшился удельный вес платежей единоличных хозяйств: с 74,7 до 11,9% в течение второй пятилетки и до 2% в 1940 г. Если в 1932 г. удельный вес налоговых выплат колхозов и колхозников в общем объеме налоговых платежей села составлял немногим более 25%, то к 1937 г. он вырос до 80%, а в 1940 г. составлял 97%. При этом, в абсолютном выражении, объем налоговых выплат с колхозов и колхозников за 9 лет — с 1931 г. по 1940 г. увеличился более чем в 12 раз, а объем налоговых выплат крестьян-единоличников сократился в 20 раз. Существенно изменился классовый состав населения в деревне: доля колхозного крестьянства и кооперированных кустарей в общей численности населения с 1928 по 1939 г. возросла с 2,9 до 47,2%, а доля крестьян-единоличников и некооперированных кустарей снизилась с 74,9 до 2,6%⁸.

В реализации реформы 1930 г. в сфере прямого обложения доходов городского населения также существовал ряд особенностей.

Прежде всего, усилился основной принцип обложения, определяющих классовую природу подоходного налога и его социально-экономические задачи, а именно: изменились ставки и прогрессия обложения различных социальных групп

8. Расчитано по: *Плотников К.Н.* Очерки истории бюджета Советского государства. М.: Госфинимздат, 1954. С. 181, 184, 242, 245, 247.

населения. Общий уровень дифференциации налогового давления по различным группам плательщиков был значительно усилен за счет сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства, который взимался в СССР с физических лиц в 1931–1942 гг. (табл. 5).

Таблица 5. Уровень обложения в 1940 г. подоходным налогом и сбором на нужды жилищного и культурно-бытового строительства различных групп городского населения (% к доходу)

Размер месячного заработка (в руб.)	Рабочие и служащие	Кооперированные кустари и ремесленники	Литераторы и работники искусств	Врачи, адвокаты по доходам от частной практики	Некооперированные кустари и ремесленники
150	–	–	1,50	3,47	7,67
300	3,78	4,14	3,78	5,35	12,83
500	5,26	5,78	5,26	7,48	18,60
1000	7,98	8,78	7,98	17,89	30,53
2000	10,49	11,54	10,65	30,11	44,51
3000	11,32	12,46	12,10	35,41	52,34

Источник: рассчитано по: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М.: Госфинимздат, 1954.

«Культсбор» (сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства) был по существу превращен в дополнение к подоходному налогу. В основе его построения лежали те же принципы, что и в построении подоходного налога, применялся тот же порядок взимания. А благодаря резкой дифференциации ставок обоих налогов в зависимости от источников и размеров доходов они использовались как мощный регулирующий инструмент в преобразовании социальной структуры населения в городах.

Налоговые реформы периода двадцатых-тридцатых годов, несомненно, оказали значительное влияние на изменение социально-политической структуры населения в СССР (табл. 6).

При этом, конечно, следует помнить, что налогообложение являлось только одним из методов вытеснения капиталистических элементов из народнохозяйственного оборота. Не менее важную роль в этом процессе играл также ряд

Таблица 6. Классовый состав населения СССР (в %)

Классовый состав	1913	1928	1937	1939
Все население (с семьями)	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:				
Рабочие и служащие	17,0	17,6	36,2	50,2
Колхозное крестьянство и кооперированные кустари	–	2,0	57,9	47,2
Крестьяне-единоличники (без кулаков) и некооперированные трудящиеся кустари и ремесленники	56,7	74,9	5,6	2,6
Помещики, крупная и мелка городская буржуазия, торговцы и кулаки	16,8	4,6	–	–

Источник: СССР в цифрах. Стат. сборник. М.: Госстатиздат, 1958. С. 9.

политических и хозяйственных мероприятий: пересмотр законодательства о труде, аренде, земельная политика, классовый принцип в снабжении и кредитовании сельского хозяйства и т.д.

Вместе с тем, официально осуществляя политику либерализации налогообложения доходов рабочих и служащих, государство параллельно использовало дополнительные фискальные методы ограничения финансовых поступлений широких слоев населения. Такой действенной формой изъятия существенной части доходов рабочих и служащих в 30-е годы, и особенно во второй половине третьего десятилетия, становятся обязательные государственные займы (табл. 7).

Таблица 7. Поступления в госбюджет финансовых средств населения от государственного займа и подоходного налога в СССР в 1931–1940 гг. (млн руб.)

Наименование доходов	1931	1932	1933	1937	1938	1939	1940
Государственные займы, размещаемые среди населения	1 616,4	2 429,3	3 196,0	4 330,4	5 928,0	7 637,0	9 433,0
Налоги и сборы с населения	1876,2	2500,0	3480,1	4 027,7	5 051,9	6 967,2	9 435,3

Источник: составлено по: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 106, 126, 188, 248.

Сопоставление представленного в таблице динамического ряда дает возможность сделать вывод о том, что средства, изымаемые из бюджета населения в форме обязательных государственных займов, взимались в объемах, вполне

сопоставимых с общими объемами налогов и сборов с населения. При этом основными плательщиками государственных займов являлись рабочие и служащие государственных предприятий, на которых размещалось в начале 30-х годов свыше 70%, а в конце 30-х годов свыше 80% от их общих объемов.

В целом поэтапное реформирование отечественной налоговой системы в 20—30-е годы позволило решить комплекс задач:

- *максимизировать налоговые сборы для формирования финансовой базы индустриальных преобразований. При этом была сохранена традиция формирования основного объема доходов государственного бюджета за счет налоговых и иных изъятий фискального характера из доходов самых широких слоев населения;*
- *налоги явились одним из основных экономических инструментов преобразования социально-экономической структуры российского общества. Были созданы экономические условия, вынуждающие частных собственников земли и капитала к свертыванию процесса производственного накопления;*
- *в значительной степени благодаря налоговым преобразованиям, был сформирован комплекс экономических мотиваций, нивелирующих уровень доходов основной массы населения и максимально ограничивающих объемы накоплений граждан. Это способствовало формированию значительных объемов мобильных трудовых ресурсов, эффективно используемых в системе планового регулирования национальной экономики.*

Налоги в системе реструктуризации российского социума в период экономических преобразований начала XXI в.

В начале XXI в., как почти столетие назад, перед нашей страной стоит проблема формирования и эффективного использования в национальных масштабах финансовых ресурсов, способных обеспечить производственную и социальную реструктуризацию российского общества. Следует также отметить, что *доля доходов бюджета, формируемая за счет налогов с населения в начале XXI в., хотя и выглядит менее значительной, чем в 1920 – 1930-е гг. прошлого столетия, но имеет явную тенденцию к росту.*

К современным фискальным выплатам населения (*прямым и перелажаемым налогам*) целесообразно отнести: налог на доходы физических лиц (9,56% доходов консолидированного бюджета, по итогам 2007 г.), единый социальный налог (4,96%), страховые взносы на обязательное пенсионное страхование (8,99%), налог на добавленную стоимость (17,06%), акцизы (2,27%), налоги на имущество (3,1%), налоги на совокупный доход (1,07%). Таким образом, налоги с населения составили в объеме доходов консолидированного бюджета РФ в 2007 г. немногим более 47%.

По итогам 2014 г., они составили в рамках консолидированного бюджета 52,6%, в том числе:

НДФЛ – 10,4%;

взносы в ФСС – 18,4%;

НДС – 14,7%;

акцизы – 4,2%;

налоги на имущество – 3,7%;

на совокупный доход – 1,2%.

Что же представляют собой остающиеся и сегодня ведущими налоги с населения – НДФЛ, НДС, акцизы? Какие слои населения несут основное налоговое бремя при их уплате?

Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что данные налоги имеют выраженный регрессивный характер.

Налоговое бремя при взимании НДС и акцизов, оцениваемое как отношение суммы налога в цене приобретаемых товаров и услуг к общей сумме доходов физического лица, очевидно смещено в сторону низкодоходных категорий населения. Чем человек беднее, тем больше своих доходов, в процентном отношении, он тратит на приобретение жизненно необходимых благ и меньше инвестирует с целью получения иных видов дополнительных доходов. Высокодоходные же категории населения, с более высокой долей сбережений, имеют более выгодное соотношение выплаченного ими НДС и полученных доходов. Использование в отечественной налоговой практике пониженной 10%-ной ставки налога для ряда категорий социально значимых товаров и услуг (продукты питания первой необходимости, детский ассортимент и т.п.), хотя официально и направлено на нивелирование регрессивности НДС, однако практически не решает данную задачу.

Введение плоской шкалы налога на доходы физических лиц в 2001 г. явилось своеобразной системой договорных отношений между государством и высокодоходным слоем населения по принципу «отдайте хотя бы минимум, и мы откажемся от жесткого контроля за уровнем ваших доходов». Государство, таким образом, не только значительно упростило методику подоходного обложения населения, но и отказалось от реализации социальной направленности налогообложения в этом важном секторе фискальной политики: учета дифференциации облагаемых доходов и социального статуса налогоплательщика.

Дело в том, что в демократических государствах сегодня при взимании подоходного налога в качестве налогооблагаемой базы рассматривается расходный доход семьи. То есть доход главы семьи или работающих супругов с учетом социально необходимых затрат, в том числе на содержание нетрудоспособных членов семьи. Подобные затраты учитывают (в законодательно зафиксированных пределах) расходы на обучение детей, повышение профессионального

уровня самого налогоплательщика, содержание нетрудоспособных членов семьи и престарелых родителей, расходы на добровольное пенсионное страхование, добровольное медицинское страхование и страхование жизни плательщика и членов его семьи, выплаты по ипотечной задолженности и т.д. Рассчитанный таким образом налогооблагаемый доход облагается по дифференцированным ставкам в зависимости от уровня «свободных» от социальных обязательств доходов, оставшихся в распоряжении налогоплательщика.

Подобный метод формирования налогооблагаемой базы при взимании подоходного налога с физических лиц обеспечивает своеобразную налоговую неприкосновенность доходов семьи, направляемых на реализацию *общественно обоснованных социальных потребностей*. В семье с доходами среднего уровня такие потребности обычно обеспечиваются за счет 50 – 70% от общего объема доходов. В богатых семьях уровень расходов на реализацию общественно обоснованных социальных потребностей существенно ниже.

В российской же налоговой практике после реформы 2001 г. сформировалась внешне похожая, но обеспечивающая совершенно иные социальные результаты, система налоговых льгот при взимании НДФЛ:

- при приобретении медицинских страховок и оплате расходов на дорогостоящие медицинские услуги;
- при формировании инвестирования в рамках накопительных ипотечных схем;
- при налогообложении доходов от ценных бумаг;
- при налогообложении доходов при покупке и реализации недвижимости и т.п.

Подобная система налоговых вычетов, применяемая и сегодня в России при начислении НДФЛ без учета социального статуса налогоплательщика (уровень его доходов, количество детей и иждивенцев в семье) и в отсутствие прогрессивной шкалы налоговых ставок, превратила их, по сути, в механизм предоставления крупных налоговых льгот обеспеченным и богатым людям.

С 1 января 2015 г. произошли очередные изменения в начислении НДФЛ, принятые ФЗ от 28.12.2013 г. за № 420-ФЗ.

Изменение 1. Индивидуальный инвестиционный счет (ИИС).

С первого января 2015 г. в Федеральный закон от 22.04.1996 г. за № 39-ФЗ «Про рынок ценных бумаг» введена новая статья 10.3, где указано, что ИИС – это внутренний счет клиента, предназначенный для учета материальных ценностей и ценных бумаг клиента (физического лица), обязательств по контрактам, заключенным за счет данного клиента. Данный счет открывается и ведется брокером или же управляющим в соответствии с контрактом на брокерское обслуживание (договором на доверительное управление ЦБ).

На индивидуальном инвестиционном счете налоговая база будет определяться отдельно от других счетов. База определяется налоговым агентом самостоятельно. Для данного счета установлены свои инвестиционные налоговые вычеты, которые предоставляются на основании статьи № 219.1 «Инвестиционные налоговые вычеты (по НДФЛ)».

Данные вычеты предоставляются в сумме дохода от погашения (реализации) ценных бумаг, находящихся в частной собственности налогоплательщика более 3-х лет и купленных после первого января 2014 г. На основании в пп. 2 ст. № 219.1 данный вид вычета может быть предоставлен и налоговым агентом, и налоговым органом при сдаче налоговой декларации. Ограничение по данному виду вычета – не более 400000 руб. на ИСС за год. Данный вычет гражданин может получить при предъявлении налоговой декларации уже за 2014 год.

Изменение 2. Социальный налоговый вычет в 2015 г.

Социальный налоговый вычет можно будет заявлять по расходам на договоры страхования жизни, заключенные на срок 5 лет и более. Данным вычетом можно воспользоваться, если гражданин оплатил страхование не только своей жизни, но и жизни родственников. Социальные налоговые вычеты, касающиеся медицинских расходов и образования, можно

будет получить у работодателя (ст. 219 Налогового кодекса). Причем подать заявление на вычет можно по месту работы уже в течение налогового периода, когда сотрудник оплатил расходы, и не дожидаясь его окончания. Но вместе со своим заявлением он должен предоставить уведомление, которое нужно получить в налоговой. Уведомление выдается в течение 30 календарных дней после обращения гражданина в инспекцию с документами.

Изменение 3. Имущественный налоговый вычет 2015 г.

Порядок получения права на имущественный вычет при продаже жилья изменился. На сегодняшний день освобождаются от уплаты НДФЛ лица, в собственности которых жилье находилось более трех лет. С 2015 г. освобождение могут получить лишь те, у кого жилье находилось в собственности более 5 лет. Трехлетний срок останется для тех категорий граждан, у кого имущество приватизировано или получено в наследство (дар) от родственника. Во всех других случаях необходимо будет рассчитать налог с кадастровой стоимости имущества, умноженной на коэффициент 0,7. Причем сумма, на которую можно уменьшить имущественный вычет, остается прежняя — 2 млн руб.

Таким образом, льготы «для богатых» сохранены и получили конкретизацию. Следствием асоциального характера распределения налоговой нагрузки является то, что низкий уровень доходов основной массы населения ограничивает покупательный спрос, *сдерживает расширение внутреннего, в том числе инвестиционного, рынка* и, соответственно, возможности роста производства. *Развивается база для социальных противоречий и конфликтов.* Характерно, что сегодня уже и правительство не может игнорировать асоциальный характер распределения налоговой нагрузки — вопрос о необходимости обсуждения законопроекта о введение дифференцированной шкалы НДФЛ неоднократно выносился на обсуждение в ГД РФ.

Однако здесь необходимо видеть более глубокие экономические явления, чем лоббирование интересов 10% бога-

того населения РФ. В период «нулевого» десятилетия, как и в 1920—1930-е годы, происходил и сегодня продолжает развиваться процесс социальной реструктуризации российского общества, но уже с иными задачами.

В целом, осуществляемое в течение последних двух десятилетий последовательное реформирование подоходного налогообложения населения было направлено на осуществление комплекса задач:

- *создание экономических условий, стимулирующих процесс капитализации доходов населения и расширения социального слоя частных собственников.* Так, 9%-ная ставка НДФЛ на дивиденды подталкивала налогоплательщика к сокращению суммарной величины уплачиваемого налога и одновременно стимулировала процесс капитализации доходов, а низкие налоговые ставки на имущество стимулировали приобретение недвижимости и строительство жилья;
- *стимулирование предпринимательской и социальной активности граждан за счет использования личных доходов, зарабатываемых сверх социально необходимых и нивелирования, таким образом, уровня доходов основной массы населения.* На решение последней задачи направлено налоговое льготирование при приобретении дорогостоящих медицинских страховок; инвестировании в рамках накопительных ипотечных схем; при покупке и реализации недвижимости; и т.п.;
- *наращивание объемов непроизводственного имущества, находящегося в частной собственности.*

Некоторые выводы и предложения

Период использования плоской модели налогообложения доходов физических лиц составляет уже полтора десятилетия. При этом в отечественной системе подоходного налогообложения граждан традиционно остается сдвиг налогового бремени в сторону низкодоходных групп населения.

В РФ на наименее состоятельных налогоплательщиков (50% от общего числа налогоплательщиков) приходится 21,4% налоговых платежей, в то время как в Великобритании – 11,2%, а в США – только 8,2%. Интересна ситуация по наиболее обеспеченным налогоплательщикам: в нашей стране на их долю (1% от общего числа налогоплательщиков) приходится 5,1% платежей, в то время как в Великобритании – 26,5%, а в США – 34,0%.

Мы полагаем, что единственным направлением преобразования системы подоходного налогообложения граждан является перераспределение налоговой нагрузки пропорционально степени удовлетворения социальных потребностей налогоплательщика за счет получаемых доходов.

Для реализации этого положения следует осуществить ряд принципиальных изменений в системе налогообложения доходов физических лиц.

Во-первых, отменить все формы прямого обложения доходов, не превышающих прожиточный минимум работников (подоходный и социальный налоги, другие удержания). Очевидно, работники с такими доходами не могут и не должны участвовать в финансировании государственных расходов и в накоплении ресурсов на свое пенсионное обеспечение. Бессмысленно изымать деньги у этих лиц – ведь они тут же включаются в систему обеспечения пособиями за счет того же государства. *Доходы налогоплательщика в пределах прожиточного минимума семьи не должны подпадать под подоходное обложение.* Это предполагает введение необлагаемого минимума или стандартного вычета на самого налогоплательщика в размере прожиточного минимума и аналогичных вычетов на детей и супругу (супруга), если супруга не имеет собственного источника доходов.

Во-вторых, целесообразно восстановление прогрессивной системы ставок при взимании налога с доходов граждан. Под прогрессивное налогообложение должны подпадать все доходы налогоплательщика, независимо от источника. Не должно быть различий в налогообложении доходов от трудо-

вой деятельности, пассивных доходов, а также иных категорий доходов (роялти, доходы от сдачи имущества в аренду или наем, доходы в виде наследства и т.д.). Исключение должны составить только дивиденды от частных инвестиций в реальный сектор экономики. Налог на них должен быть минимальным и не превышать 5%.

В-третьих, представляется необходимой дифференциация величины социальных, имущественных и профессиональных налоговых вычетов относительно уровня получаемых налогоплательщиком доходов. Принципиально важным в создании системы социально ориентированного подоходного налогообложения, с нашей точки зрения, является необходимость изменения самого объекта обложения. *Обложению подоходным налогом должен подлежать не доход отдельного физического лица, а доход семьи, поскольку это позволит через налог осуществлять финансовую поддержку семьи, стимулировать ее рост.*

В целом, при сочетании фискальной и социальной функции подоходного налогообложения граждан обязательно должен использоваться *принцип ступенчатого начисления подоходного налога*, т.е. обложения по конкретной ставке не всего объема доходов налогоплательщика, а только их определенного диапазона. Плюс – регрессия при налогообложении максимального уровня доходов (табл. 8).

Таблица 8

Годовой облагаемый доход с учетом вычета необлагаемого налогом минимума на самого налогоплательщика, его супругу и детей (руб.)	Налоговая ставка, %
до 1500,000	13
от 1500,000 до 2500,000	23
от 2500,000 до 3500,000	28
от 3500,000 до 4500,000	33
от 4500,000 до 5000,000	38
свыше 5000,000	13

Цифры скорректированы с учетом ситуации текущей инфляции и представляют собой расчеты автора.

Достаточно крутая прогрессивная шкала налогообложения «свободных от социальных обязательств» доходов налогоплательщика, т.е. доходов семьи, превышающих ее объективные социальные потребности, будет стимулировать работающих граждан к инвестированию оставшихся в их распоряжении «свободных денег».

Это произойдет по двум причинам:

- применению, как было указано выше, *минимальной 5%-ной ставки налога на дивиденды от частных инвестиций в реальный сектор экономики;*
- *стремлению налогоплательщика реструктуризировать выплаты по НДФЛ при наличии прогрессивной ступенчатой шкалы налогообложения.*

Предлагаемое реформирование системы подоходного налогообложения граждан налоговой политики позволит, *с одной стороны* – сохранить и даже расширить экономические условия, стимулирующих процесс капитализации доходов населения, *а с другой стороны* – минимизировать социальные противоречия на основе переориентации существенной части доходов домохозяйств на социальную поддержку семьи. То есть создаст условия для приостановки процесса расслоения российского общества и предпосылки для расширения «среднего класса».

Г.Г. Костромина¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ
В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ
в 1970–2000-е годы

Структурная деградация российской экономики, продолжающаяся уже долгое время, все больше втягивает Россию в состояние доминирования топливно-сырьевого сектора. При этом опасность структурного перекоса усиливается по мере нарастания мирового кризиса, который накладывается на российский. По оценкам отечественных ученых, «сам кризис – совсем не только финансово-экономический, а гораздо более многоплановый – системный. И в основном не заморский, а наш родной – отечественный, и не внезапно он свалился, а оказался вполне рукотворным, долго нашими «мастерами от экономики и финансов» творившийся, хотя, как вскоре оказалось, и не вполне ведавшими, что творят»². В этой ситуации было бы полезно обратиться к историческому опыту Латинской Америки, где в течение не одного десятилетия происходила борьба за выход из проклятия моноотраслевой экономики.

Стоит учитывать, что экономическая ситуация в России куда более опасна. В странах Латинской Америки изначально существовала моноотраслевая структура. В России же, напротив, с дореволюционных времен, тем более в Советском Союзе, была создан, если и не достаточно сбалансированный, но, безусловно, многоотраслевая экономика с мощным обрабатывающим сектором, развитой сырьевой базой и пере-

-
1. Галина Гавриловна Костромина – научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.
 2. Лившиц В.Н., Тищенко Т.Н., Фролова М.Н. Кризис в России – взгляд позавчера, вчера, сегодня и завтра // Экономика и математические методы. М., 2011. Т. 47. № 1. С. 68.

работкой сырья, большим по объему продукции сельским хозяйством и развитой транспортной системой³.

Сейчас, по мере резкого ухудшения ситуации в обрабатывающей промышленности, разрушения сельского хозяйства, существенного сокращения перевозок все больше будет усиливаться проблема занятости. Высвобождающаяся рабочая сила создает очень серьезные экономические, социальные и политические проблемы.

Опыт борьбы латиноамериканских стран за сбалансированную структуру экономик, проходящий с переменным успехом, мог бы оказаться полезным для нашей страны.

Предыстория

Долгие годы странам Латинской Америки приходилось бороться с жесткой зависимостью от мировой конъюнктуры цен на ресурсы: минеральное сырье, крупный рогатый скот, зерно, фрукты. Ради избавления от моноотраслевой экономики предпринимались серьезные попытки создать обрабатывающую промышленность. Однако на этом пути их ожидали трудности, в основном связанные с отсутствием полноценной региональной экономической интеграции. Причина этого в большой степени заключалась в том, что Латинская Америка слишком сильно зависит от «северного соседа».

В отличие от некоторых азиатских и африканских стран, имевших возможности полноценно сотрудничать с Европой, Советским Союзом и другими странами Социалистического содружества, у латиноамериканцев отсутствовал такой фактор развития. СССР в разное время построил крупные металлургические комбинаты в Турции и Индии, мощную Асуанскую плотину в Египте, сделал крупные капитальные вложения в тяжелую промышленность в ряде других развивающихся стран. Но в Латинской Америке развитые евро-

3. Татевосян Г.М. Особенности российского кризиса и пути его преодоления // Мировой финансово-экономический кризис и особенности его протекания в России. Круглый стол. М: ЦЭМИ РАН, 2010.

пейские страны и США инвестировали в быстрокупаемые отрасли (пищевую и легкую промышленность), что и привело к развитию моноотраслевой экономики.

При этом внутри самих государств континента постоянно происходили военные перевороты, приводившие к власти то правые, то левые диктатуры, в некоторых странах начались партизанские войны. Тем не менее, помимо предпринимаемых силовых попыток решения экономических и политических проблем, многие государства проводили экономические реформы, имевшие целью уход от моноструктуры, что выражалось в ориентации на импортозамещающую модель экономики и усиление роли государства.

Экономические и политические реформы в Чили в 1970-е годы

В начале семидесятых годов прошлого века серьезную попытку построить сбалансированную экономику предприняло Чили. Движение за осуществление назревших реформ началось еще при правлении реформистской Христианско-демократической партии (ХДП), лидер которой Э. Фрей находился на посту президента в 1964—1970 гг. За это время была осуществлена аграрная реформа, ликвидировавшая огромные латифундии и выведшая страну из феодализма, начался постепенный частичный выкуп государством медных рудников у частных владельцев-олигархов.

В дальнейшем реформы затормозились, однако широкие слои общества требовали их развития. В политическом движении инициатива перешла к левой коалиции, в результате чего к власти пришел Блок народного единства, который возглавлял пользовавшийся большой популярностью руководитель социалистической партии С. Альенде. Был взят курс на радикальные реформы: многоотраслевую экономику и систему социальных гарантий по типу уже построенной на Кубе.

Подъем экономики предполагалось начать с создания развитой системы транспорта. Как ни странно, в Чили прак-

тически единственным видом грузового транспорта был автомобильный. Трудно представить более несуразную в условиях Чили ситуацию: в стране, вытянувшейся вдоль Тихого океана узкой полосой, не был развит морской каботажный транспорт, а железнодорожный вовсе отсутствовал.

Реформы проходили в очень неблагоприятных политических условиях. Консервативные силы всячески сопротивлялись реформам, не брезгуя борьбой без правил. Особенно активное сопротивление оказывала ультраправая политическая организация «Патрия-либертад». Антиреформаторские силы имели мощную поддержку за рубежом. Одной из акций сопротивления стала организация всеобщей забастовки водителей грузовиков, парализовавшая экономику страны. Она была организована в ответ на решение руководства страны начать строительство железной дороги, что ликвидировало бы их монополию в перевозках грузов.

Забастовка привела к тяжелой экономической ситуации. Резко ухудшилось продовольственное положение страны. Еще больше ухудшили положение разорванные экономические связи, определенные ошибки власти⁴ и беспрецедентный террор. В этих условиях после трехгодичного правления правительства С. Альенде 11 сентября 1973 г. произошел путч, возглавленный А. Пиночетом. В ходе военного переворота был убит президент Альенде, ранее выбранный подавляющим большинством голосов.

Была уничтожена демократическая власть, отменены все виды выборов. Во властные структуры вошли армейские офицеры в качестве «комиссаров».

Характерно, что попытка осуществления государственного переворота предпринималась еще до прихода к власти правительства Альенде. Во время выборной кампании был убит главнокомандующий Чилийской армией генерал

4. Хуан Кобо, корреспондент РИА «Новости» в Испании. Экономическое чудо или чудовище // Новая газета. № 1 (524) 11–17 января 1999 г. С. 10.

Р. Шнейдер, пользовавшийся абсолютным авторитетом как в армии, так и среди широких слоев населения.

Приход к власти правых сил привел к изменениям иного характера. Экономические реформы нового руководства страны подразумевали резкий переход на крайнюю степень либерализации экономики, вплоть до отмены любых социальных гарантий, включая временную отмену пенсий. Осуществились «самые радикальные рецепты экономистов-монетаристов так называемой Чикагской школы»⁵.

Реформа экономики в условиях политической диктатуры оказалась возможной. Однако серьезной структурной перестройки чилийской экономики не произошло. Удалось только создать небольшую по объему подотрасль машиностроения — электротехническую промышленность. В то же время значительная часть населения осталась без зарплаты, пособий и пенсий. Около четверти населения эмигрировала.

Реформы привели к явному оживлению экономики, которое, тем не менее, продолжалось недолго. Все рухнуло в 1982 г. во время глобального долгового кризиса, разразившегося в Латинской Америке. ВВП страны сократился почти на 14%, уровень безработицы достиг 20%. В середине 1980-х годов страна впала в депрессию.

Неолиберальные реформы и «левый поворот». 1980—1990-е годы

В более мягкой форме в 1980-е годы на неолиберальный путь вступило большинство латиноамериканских государств. Во всех этих странах события развивались почти одинаково. Вначале наблюдалось оживление экономики, но уже в девятые годы резервы неолиберальной модели исчерпали себя.

В то время, когда эти реформы находились в стадии подъема, в Латинской Америке доминировала пропаганда о пол-

5. Хуан Кобо, корреспондент РИА «Новости» в Испании. Экономическое чудо или чудовище // Новая газета. № 1 (524) 11–17 января 1999 г. С. 10.

ном крахе левой идеологии и о бесперспективности левых политиков. В дальнейшем оказалось, что это далеко не так.

В 1990-е годы на фоне дальнейшего ухудшения экономической ситуации произошел «левый поворот». Усилились позиции левых сил, представлявших собой очень разные течения.

А.Н. Данненберг, опираясь на исследования болгарского ученого Г. Коларова, выделяет две группы идеологических течений: социалистическое и леворадикальное.

Первая группа – ленинизм, троцкизм, маоизм и социал-реформизм.

Вторая группа – «национальное антиимпериалистическое движение, включающее «теологию освобождения», сандинизм, а также военно-революционные идеологии – вельскизм, торрихизм и перонизм»⁶.

Представитель первой группы – социалистической – У. Чавес в 1999 г. пришел к власти в Венесуэле. Режим Чавеса одни исследователи называют радикальным, другие – революционным.

Умеренные левые пришли к власти в Чили, Бразилии и ряде других латиноамериканских стран путем перехода на умеренно-левую стратегию, получившую название «ориентация на импортозамещение».

Своеобразным примером левых движений стала политическая активность индейского населения. Примером может послужить политическое движение индейцев Эквадора⁷.

Попытки перехода на импортозамещение в Аргентине. Начало 2000-х годов

Наиболее основательно и комплексно подошли к проблеме реформ в Аргентине. Следует отметить, что Аргентина в конце девяностых годов девятнадцатого века и в начале

6. Данненберг А.Н. Латиноамериканские левые глазами болгарского исследователя // Латинская Америка, 2003. № 5. С. 106.

7. Чумакова М.А. Эквадор: анатомия нестабильности // Латинская Америка, 2003. № 6. С. 7–8.

двадцатого века была самой развитой страной Латинской Америки.

В статье, посвященной «Плану Маршалла»⁸, проводится сравнение развития Аргентины с передовыми странами трех континентов. Развитие Аргентины можно было бы сравнить по уровню с Канадой, Австралией и большими странами Европы. Такой вывод делается посредством сопоставления показателя ВВП на душу населения и ряда показателей, характеризующих уровень жизни. Хотя из поля зрения авторов выпала такая серьезная характеристика экономики страны, как ее структура, можно утверждать, что Аргентина была самой развитой страной Латиноамериканского континента, так как все остальные страны были далеки от развитых стран по всем показателям.

К рубежу XXI в. в Аргентине произошел глубокий экономический и политический кризис. Это вызвало в 2001 г. социальный шок, который, в свою очередь, привел к широкому протестному движению, заставившему правительство страны отказаться от неолиберальной ориентации.

Кризис привел к очень серьезным социальным последствиям. Протесты выражались не только в глухом недовольстве, но и приняли такие радикальные формы, как перекрытие дорог, блокада предприятий, учреждений, банков. Это движение развивалось и охватило всю страну, превратившись в реальную, хорошо организованную политическую силу, руководимую социалистами и анархистами.

Появились такие опасные явления, как широкое распространение бартера (натуральный обмен), отказ работников признавать банкротства предприятий. В некоторых случаях наемные работники брали управление заводами, фабриками, типографиями и другими хозяйственными объектами в свои руки. Подобные явления официально признались резервами

8. De Long J.B., Eichengreen B. The Marshall Plan: History's Most Successful Structural Adjustment Program. Cambridge (MA), 1991. NBER Working Paper; № 3899, www.econ.ucdavis.edu/faculty/alolmstead/DeLong.pdf.

выживания⁹. Это был переходный период к «мягкому левому повороту».

Формат данной статьи не позволяет дать подробный анализ новой стратегии Аргентины. Здесь ограничимся рассмотрением структурной политики, которая стала одной из главных составных частей концепции развития страны. Направления структурной политики можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа отраслей: новые виды перспективных производств. Таковыми к моменту разработки стратегии были информатика и производство сжатого газа.

Вторая группа: биотехнология и сельскохозяйственная техника, т.е. производства, обслуживающие главную отрасль страны — производство зерна.

Третья группа: традиционные отрасли «второго» плана: текстильная, кожевенная и деревообрабатывающая промышленность, включая мебельное производство.

Кроме того, предполагалось способствовать развитию производства строительных материалов и культурно-просветительского сектора (издание книг и журналов, разработка телевизионных программ, развитие рекламы).

Реализация «левой стратегии» дала положительные результаты. К сожалению, успехи оказались временными. Узким местом стала интеграция с латиноамериканским миром, несмотря на крайнюю заинтересованность Аргентины в сотрудничестве и симпатии многих стран континента к событиям внутри нее. В 2002 г. некоторые государства оказали определенную поддержку Аргентине. Но серьезной интеграции осуществить не удалось.

В 2000-е годы общая неблагоприятная ситуация на латиноамериканском континенте сорвала реализацию импортозамещающей стратегии.

9. Яковлев П.П. Аргентина: пейзаж после дефолта // Латинская Америка, 2004. № 9. С. 6.

Возврат к неолиберальному направлению развития. 2000-е годы

Мировой опыт показал, что полноценное развитие невозможно без экономической интеграции, а успешная интеграция возможна только при условии совместимых экономик. В частности, попытка присоединить Мексику к Североамериканскому рынку не только закончилось провалом, но и нанесла колоссальный вред как младшему, так и старшему партнеру.

В таких случаях приходится идти под покровительство сильной державы или коалиции сильных держав. В настоящее время Латинской Америке пришлось принять неолиберальную доктрину. Особенность новейшей доктрины – комплекс макроэкономических установок без согласования (или почти без согласования) с микроэкономикой и мезоэкономикой (средний уровень) – отрасли и регионы.

Американский исследователь Р. Кауфман (Университет Рутгера) отмечает, что главным условием преобразований служит демократия. Таким образом, США отказывается от насаждения диктаторских режимов в странах Латинской Америки и ориентируется на демократически избранные правительства. Америка приветствует новейшие конституционные режимы, «еще далекие от идеальной демократии, но стремящиеся к большему политическому плюрализму». Второе обязательное условие: отказ от импортозамещающей стратегии. Остальные условия: внешнеторговая либерализация и снижение таможенных барьеров, приватизация государственных предприятий, глубокие реформы в налоговой сфере¹⁰.

Исследователи отмечают большие успехи латиноамериканских стран¹¹. В пяти самых больших странах Латинской Америки: Бразилии, Мексике, Колумбии, Перу и Чили (ЛА-5) –

10. Кауфман Роберт. Латинская Америка: новые вызовы. С. 1. www.xserver.ru/user/lanpr.

11. Экономические реформы в Латинской Америке. www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1275&type=news.

был создан в последние более десяти лет «один из самых сильных формирующихся рынков». Главными решающими факторами, обеспечившими успех, стали «институциональные реформы центральных банков и изменения основ денежно-кредитной политики».

Проявились такие положительные тенденции, как борьба с инфляцией, увеличение независимости и подотчетности центральных банков, увеличение прозрачности¹².

Благодаря успешной деятельности центральных банков были накоплены значительные резервы. Тот же источник приводит такие сведения. Бразилия и Мексика продали практически 10% собственных интернациональных резервов. Однако это сопровождалось девальвацией валюты до 30% в течение августа 2008 по февраль 2009 г. В Перу Центральный банк за два месяца израсходовал 20% собственных резервов, но сумел предотвратить падение своей валюты всего на 11%.

Страны Латинской Америки, получившие доступ к механизму финансирования МВФ («гибкая кредитная полоса»), позволили им получить необходимые заимствования.

Р. Кауфман более осторожно оценивает успехи Латинской Америки. Отмечая положительные тенденции, он указывает на то обстоятельство, что экономические и политические изменения дались нелегко. В частности, обращает на себя внимание то, что переход от стабильности к росту оказался проблематичным. Особенно трудно там, где «дело касается преодоления сопротивления рентоориентированных групп местного бизнеса»¹³.

Как видно, даже идеологи неолиберального направления не уверены в успехе неолиберальных реформ. К сожалению, альтернативные пути пока нереальны. Очевидно, успешные реформы возможны только в случае полноценной интеграции латиноамериканских стран.

12. Там же.

13. Кауфман Роберт. Указ. соч. С. 1–4.

Часть III

МАТЕРИАЛЫ ПОСТОЯННО
ДЕЙСТВУЮЩИХ
СЕМИНАРОВ
(тезисы докладов)

Б.М. Шпотов¹

РОЛЬ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГЕРМАНИИ И СССР В 1920–1930-е годы²

У Советского Союза, как и у Германии в межвоенный период, недоставало иностранной валюты для внешнеторговых расчетов. Но решалась проблема по-разному.

Экономический рост Германии был детерминирован валютными накоплениями, но, думается, не только ими. В условиях деления мира на финансовые зоны, среди которых доминировали стерлинговая и долларовая, Германия практиковала двухсторонние торговые договоры по бартерному типу со странами — поставщиками сельскохозяйственной продукции и поставляла в обмен промышленные товары, а в отношениях с США была заинтересована в притоке инвестиций.

Выбора практически не оставалось: США — это единственная страна, экономически выигравшая от Первой мировой войны, и не только богатая, но и самая развитая в промышленно-техническом отношении. Начавшаяся в конце 1920-х годов Великая депрессия причинила ущерб ее экономике, но не остановила начавшийся ранее процесс вывоза капитала на новые рынки — и не в колониальные страны, а в Европу.

При этом важно учитывать, что колониальный тип инвестирования обслуживал интересы метрополий — например организация промышленной добычи экспортируемого сырья

-
1. **Борис Михайлович Шпотов** — д.и.н., проф., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН (по совместительству).
 2. Тезисы выступления на заседании постоянно действующего семинара «Теория и практика экономических реформ». Институт экономики РАН, 4 декабря 2014 г.

и создание в портовых городах терминалов и транспортных узлов по его обработке и вывозу. На положение слаборазвитых стран это мало влияло. В Германии при Веймарской республике и в условиях Третьего рейха строились и функционировали предприятия американского происхождения, которые органично вращались в ее экономику.

В 1929 г. General Motors совершила взаимовыгодную сделку с крупнейшей автомобилестроительной фирмой Германии Adam Opel. В обмен на 80% акций последней американская компания провела ее техническую реконструкцию. Фирма получила американского хозяина, но сохранила свой торговый знак, персонал, поставщиков и дилерскую сеть, в том числе за границей, а главное — выпускала привычный покупателям автомобиль.

Ford Motor Company повела в Германии другую политику. Не акционированная и единолично управляемая Генри и Эдселом Фордом (сыном), она выбрала прямое инвестирование — постройку собственного завода легковых машин в Кельне, начатое в 1931 г. Форд-старший был уверен в успехе, полагался на трудолюбие и покупательную способность немцев, но свои производственные стандарты считал брендом и не менял их. Не желая приспособливаться к германским условиям, компания выстроила подобие своего автосборочного завода в США, основала дочернюю компанию Ford Werke и заново набрала дилеров.

Создание рыночной ниши потребовало дополнительного времени, импорт деталей для сборки увеличивал расходы. Но завод в Кельне работал, прибыль за 1935 — 1939 гг. выросла более чем в 20 раз — с 63 тыс. до почти 1,288 тыс. рейсмарок, и вскоре к нему добавился еще один в Берлине по выпуску грузовиков. Поскольку грузовики могли использоваться в армии, правительство Гитлера настояло на национальном стандарте комплектующих и их изготовлении в рейхе. В общей сложности GM-Opel и Ford Werke контролировали к началу войны около 70% германского авторынка, а к 1940 г. были национализированы Германией.

В общей сложности, в Германии до Второй мировой войны действовало 20 крупных фирм США. Это не только основные автомобилестроительные компании, но и Dupont de Nemours, производившая химические и взрывчатые вещества, нефтяная компания из группы Standard Oil (впоследствии Exxon), электротехническая фирма Westinghouse, производившая вычислительную технику компания IBM, и др.

Дочерние американские компании не вывозили прибыль, а вкладывали ее в расширение производства, уплачивая материнской компании небольшие отчисления – royalties. Иностраный капитал не утекал из Германии, а работал на ее экономику. Привлекательными для инвесторов факторами были пресечение нацистским режимом независимого профсоюзного и забастовочного движения, упразднение социал-демократии и компартии и курс на экономический подъем через политику максимальной занятости, промышленной модернизации и перевооружения. Мобилизационный деловой климат в Германии при сохранении рыночной экономики и частной собственности казался американским бизнесменам гораздо более надежным, чем мягкий «новый курс» Рузвельта, и даже официальный антисемитизм, неприемлемый в США, не мог серьезно поколебать германофильских настроений за океаном.

В отличие от Германии Советское государство в 1920-е годы ограничивало приток иностранного капитала, чтобы сохранить «командные высоты» за собой, но ввело концессии как вспомогательный экономический инструмент. Временно сданные концессионерам производства охватывали около 1% обрабатывающей промышленности, но являлось важным источником валютных поступлений в виде взносов в Госбанк с обменом на рубли по сильно заниженному курсу. В отношениях с Вашингтоном Москва рассчитывала через выдачу концессий добиться дипломатического признания, но эти демарши не удалось.

По мере свертывания нэпа советское правительство начало разными способами вытеснять концессионеров из

страны, в том числе с помощью профсоюзных акций, но пытались аккумулировать валютные резервы в своих руках, задерживало обмен рублевых прибылей на валюту. Одновременно оно усиливало экспорт сельскохозяйственной продукции, всевозможного сырья и всего, что можно было продать на Западе, включая антиквариат и церковные ценности, и ввело для концессионеров жесткие правила, которые вынуждали их расторгать договоры, оставляя основной капитал Советскому государству.

Относительно мягкий экономический курс в форме нэпа гораздо раньше, чем в Германии, сменился жестким мобилизационным курсом. Валютные инвестиции из-за рубежа сменились платной технической помощью. Советское государство стало *крупнейшим покупателем западных, особенно американских технологий*, приобретая их за счет собственных золотовалютных ресурсов, создаваемых за счет экспорта. Их ограниченность проявилась уже в середине первой пятилетки, но тем не менее, была заложена материально-техническая основа выполнения ее «по всему фронту», несмотря на незавершенность многих объектов, неэффективность цепочек снабжения, нехватку обученных кадров и др.

Военно-экономическая мощь Германии и Советского Союза имели в качестве источников то, что можно назвать мобилизацией всего необходимого для этой цели, и в кратчайший срок. С помощью, конечно, валютного рычага, но с опорой на внутренний порядок (*Ordnungen*), государственную идеологию и мобилизационное сознание.

Д.В. Диденко¹

НАКОПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР²

1. *Человеческий капитал* (теоретические основы сформулированы в конце 1950 – начале 1960-х годов Г. Беккером, Т. Шульцем, Д. Минцером) рассматривается как экономически ценная совокупность воплощенных в людях знаний, навыков, мотиваций, их способностей к продуцированию новой информации. Основная часть указанных характеристик проявляется как накопленный результат различных образовательных практик в течение индивидуальной предшествующей жизни, формирующих образовательный ресурс человека, социальной группы и общества в целом. Соответствующие расходы рассматриваются как производственные инвестиции, которые способны приносить частную и социальную отдачу, конвертируясь в совокупность материальных и нематериальных благ, оцениваемых в стоимостном (денежном) эквиваленте.

Человеческий капитал формируется и наиболее интенсивно используется в отраслях нематериального *интеллектуального производства*, в меньшей степени – в отраслях материального производства. Понятие «*интеллектуальная экономика*» покрывает оба сектора формирования и использования человеческого капитала как экономического ресурса.

2. В эпоху «современного экономического роста» (С. Кузнец) важнейшим фактором мирового и националь-

-
1. **Дмитрий Валерьевич Диденко** – к.и.н., аналитик 1-й категории Внешэкономбанка, с.н.с. Института социологии РАН.
 2. Тезисы доклада на заседании постоянно действующего семинара «Теория и практика экономических реформ». Институт экономики РАН, 5 марта 2015 г.

ного социально-экономического развития выступает *образовательная модернизация*.

На ранних стадиях системной трансформации аграрных обществ в *индустриальные* накопление человеческого капитала осуществляется главным образом посредством бурного развития системы массовых и институционализированных форм образования.

На современном историческом этапе в экономически развитых странах *постиндустриальная* системная трансформация сопровождается соответствующей модернизацией образовательной сферы. В отличие от раннеиндустриального периода приоритетное значение приобретают качественные показатели и нестандартные практики. В частности, по мере сокращения жизненного цикла экономически ценных знаний накопление человеческого капитала все больше реализуется в различных практиках дополнительного профессионального образования (ДПО). Они становятся ключевым элементом системы непрерывного образования (СНО).

3. Конкретно-исторические особенности процессов развития отечественной интеллектуалоемкой экономики характеризуются следующими долгосрочными тенденциями накопления и использования ее человеческого капитала:

- в республиках бывшего СССР на протяжении большей части XX в. наблюдался быстрый рост количественных показателей человеческого капитала, характерный также для других стран догоняющей модернизации (в частности, Китая). При этом значительная нисходящая коррекция наблюдалась в 1990-е годы. С начала 2000-х годов стали поступать обнадеживающие сигналы восстановления;
- сближение в уровнях накопленного человеческого капитала между республиками бывшего СССР имело ограниченный характер. Оно было заметным по средней продолжительности обучения и производной от данного показателя оценке человеческого капитала по восстановительной стоимости, но очень слабым по его

доходной оценке. По показателям выпуска книжной продукции между советскими республиками наблюдалась дивергенция. После распада СССР неравенство по всем показателям заметно усилилось и лишь в последнее время оно демонстрирует отдельные признаки ослабления;

- в советский период положительная социальная отдача на человеческий капитал во многом достигалась за счет снижения уровня его частной отдачи: динамика стоимости человеческого капитала (оцененного по доходам) в целом шла в противофазе с дифференциалом зарплаты работников интеллектуального труда и рабочих различной квалификации в промышленности. С началом перехода к рыночной экономике в середине 1980-х годов указанная тенденция развернулась в обратную сторону, и соответствующий дифференциал возрастал до начала 2000-х годов, после чего снова начал снижаться. Таким образом, проявилась закономерность: неравенство доходов возрастает в периоды системных социально-экономических трансформаций и ослабевает с переходом к эволюционному развитию;
- интеллектуалоемкость отечественной экономики по показателю доли расходов на образование и науку в ВВП имела тенденцию к повышению до 1990-х годов. При этом опережающий рост расходов на науку с конца 1940-х годов компенсировал их снижение на образование. В СССР в 1920–1930-е годы широко реализовывалась установка на увеличение государственных расходов в целях развития образовательного сектора и форсирования экономического роста. С середины 1950–1960-е годы роль внебюджетных источников финансирования образования, здравоохранения, а затем и науки, поднялась до уровня, характерного также для более развитых стран;

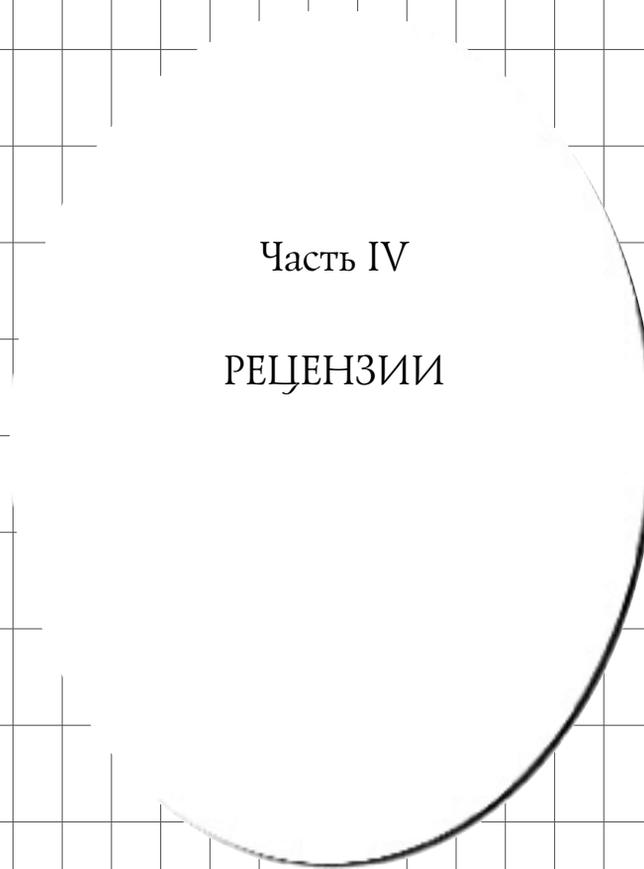
- экономический рост, основанный на увеличении нормы накопления факторов производства, в СССР сопровождался снижением их совокупной производительности. В то же время, в период системной трансформации в России отмечалось повышение эффективности использования факторов производства, несмотря на сильное падение (и последующее неполное восстановление) интеллектуалоемкости российской экономики по показателю доли расходов на образование и науку в ВВП.

4. Можно ожидать, что с повышением уровня человеческого развития неравенство в распределении его компонентов (доходы, образование и здоровье) в России и в других странах с переходной экономикой продолжит ослабевать. В то же время, в России, стране с сильной социальной, культурной и экономической гетерогенностью, по всей вероятности, уровень неравенства доходов будет продолжать оставаться высоким даже относительно стран с сопоставимым уровнем развития. Наиболее значительный потенциал сокращения существующего уровня неравенства Россия имеет в сфере здоровья населения.

5. Специфика современной российской ситуации состоит в сочетании постиндустриальных вызовов со стороны глобальной среды с незавершенностью индустриального развития и многоукладностью национальной экономики (как в технологическом, так и в институциональном отношениях). Достаточно сильными являются факторы исторически обусловленной институциональной инерции (path dependence). При этом догоняющий характер российской модернизации определяет повышенную роль государства в управлении экономикой как в период индустриализации, так и при переходе к постиндустриальному развитию.

6. В отношении практик формирования человеческого капитала в современном российском обществе одновременно наблюдаются признаки как постиндустриальной

образовательной модернизации, так и признаки демодернизации. Вступление России в стадию постиндустриальной образовательной модернизации проявляется главным образом в достижении высокого уровня количественных (но не качественных) показателей человеческого капитала страны.

Часть IV
РЕЦЕНЗИИ

К.А. Фурсов¹

РАБОТЫ ТИРТХАНКАРА РОЯ – НОВЕЙШИЙ ПЛАСТ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИНДИИ

С начала XXI в. одним из наиболее известных в мировой науке специалистов по экономической истории Индии / Южной Азии² является британский ученый бенгальского происхождения Тиртханкар Рой. В настоящее время он – профессор экономической истории Лондонской школы экономики и политической науки. Докторскую диссертацию (PhD) защитил на тему «Переходные процессы в индийском ручном ткачестве» (1989 г.). Занимается широким спектром проблем экономической истории Индии, прежде всего периода XIX–XX вв.

Т. Рой – автор многочисленных книг и статей на английском и бенгали. Среди его монографий: «Ремесленники и индустриализация: индийское ткачество в XX веке» (1993 г.), «Экономическая история Индии, 1857–1947 гг.» (2000 г.), «Переосмысливая экономические изменения в Индии: рабочая сила и средства к существованию» (2005 г.), «Компания родственников: община и предпринимательство в южноазиатской истории, 1700–1940 гг.» (2010 г.), «Индия в мировой экономике: от древности до современности» (2012 г.), «Экономическая история раннесовременной Индии» (2013 г.) и другие. Т. Рой – востребованный специалист, выступал с приглашенными лекциями в научных и образо-

-
1. Кирилл Андреевич Фурсов – к.и.н., старший научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН, старший научный сотрудник ИСАА МГУ.
 2. До раздела Британской Индии в 1947 г. Индией называлось все пространство Индийского субконтинента за исключением Непала и Бутана; после 1947 г. и образования государств Индия и Пакистан это пространство правомерно называть Южной Азией, а Индия из культурно-географического понятия превратилась по преимуществу в политико-географическое. Т. Рой занимается экономической историей как Индии до 1947 г., так и Индии – доминиона (1947–1950 гг.) и республики (с 1950 г.).

вательных заведениях Великобритании, Японии, Испании, Нидерландов, Дании, Швейцарии, Индии, США.

Пожалуй, главный тезис Т. Роя, который он проводит и доказывает (на мой взгляд, вполне успешно) во многих работах, заключается в следующем. Включение Индии в промышленный мир в XIX в. — сначала в качестве рынка сбыта и источника сырья для британской фабрики, затем в качестве все более самостоятельного игрока — не нанесло традиционному ремесленному производству (прежде всего ткачеству) Индии такого огромного ущерба, о каком писали историки-марксисты и ученые первых десятилетий независимой Индии. Из-за конкуренции британских фабричных тканей в Индии, действительно, было потеряно несколько миллионов рабочих мест, но это были в основном крестьяне и домохозяйки, подрабатывавшие на стороне за гроши, поэтому с точки зрения дохода упадок был существенно менее значительным, чем с точки зрения занятости; продолжавшие работать ткачи даже выиграли от снижения цен на пряжу, а импорт дешевых британских тканей вызвал рост спроса на ткани вообще; к тому же упадок производства не был внезапным катаклизмом и сопровождался ростом занятости в сельском хозяйстве³. Ремесло в Индии XIX—XX вв. не только продолжало существовать, но и развивалось. Более того, развитие ремесленного производства, происходившее уже в промышленную эпоху, существенно повлияло на ряд крупных отраслей промышленности независимой Индии, и представить их историю в отрыве от истории ремесла невозможно.

Развивая тезис симбиоза индийского ремесла и фабричной промышленности, Т. Рой отмечает: ранее считалось, что промышленная революция и втягивание Индии в мировой рынок в XIX в. ослабили, а, возможно, даже разрушили ее традиционные ремесла. Эта точка зрения предполагала, что традиционное и современное производство в Индии не были

3. Roy T. *The Economic History of India, 1857–1947*. Second edition. Oxford etc.: Oxford University Press, 2006. P. 65–67.

связаны друг с другом. К концу XX в. ряд специалистов по экономической истории, включая Т. Роя, оспорили данную точку зрения. Они настаивали, что торговля колониальной Индии с внешним миром негативно влияла только на один сегмент ее ремесленного производства. Другие сегменты не испытывали конкуренции со стороны фабричных изделий, поэтому могли выиграть от торговли, получая доступ к импортному сырью и зарубежным рынкам. Эти сегменты временами использовали новые возможности накопления капитала, что привело к изменениям в технологии и производственной организации и в конечном счете способствовало развитию современной мелкой промышленности в Индии. Т. Рой и его единомышленники утверждают идею значительной преимущества современной индийской промышленности по отношению к традиционной⁴.

Рассматривая эволюцию пяти индийских ремесел колониальной эпохи (ручного ткачества, золотой вышивки, медного, кожевенного дела и ковроткачества), исследователь оспаривает укоренившийся тезис, согласно которому ремесла пострадали в результате функционирования колониальной экономики и поэтому не смогли стать инкубаторами самостоятельной промышленной революции в Индии. Ставя вопрос, почему индустриализация не привела к стабильному росту дохода на душу населения, он видит истинную причину стагнации в слишком быстром росте населения и отсутствии государственного вмешательства в сфере образования и кредита⁵.

Занимаясь экономической историей Индии в целом, Т. Рой уделяет внимание и месту страны в мировой торговле досовременной эпохи. Он отмечает роль экспорта индийских хлопчатобумажных тканей в структурировании социально-экономических и политических отношений во многих регионах мира. При этом в разных регионах ткани индийского

-
4. Roy T. Out of Tradition: Master Artisans and Economic Change in Colonial India // Journal of Asian Studies. Ann Arbor, 2007. No. 66 (4).
 5. Roy T. Traditional Industry in the Economy of Colonial India. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

производства выполняли разную функцию: в Африке служили валютой, в Юго-Восточной Азии — заработной платой, а в Европе — предметом моды⁶.

Переходя к британскому проникновению в Индию, Т. Рой подчеркивает неоднородность этого процесса и дает любопытное объяснение крупнейшего в Индии антиколониального восстания 1857–1959 гг. с позиций экономической истории. Поскольку внутренняя (сухопутная) торговля Индии не обладала тем динамизмом, каким обладала внешняя (морская), в Северной и Центральной Индии Ост-Индская компания к середине XIX в. воспринималась скорее как узурпатор власти или даже паразит, чем как спонсор нового экономического порядка — тогда как в областях вдоль побережья индийские купцы и банкиры помогли новому режиму пережить худший кризис в его истории⁷.

С этой темой органически связана другая тема исследований британско-индийского экономиста — торговые организации колониальной Индии. Здесь он пытается восполнить недостающее звено в истории современного индийского бизнеса. В торговых фирмах Британской Индии Т. Рой усматривает ряд черт, которые роднят их с торговыми организациями по всему миру, а именно: высокую степень мобильности, институциональную адаптацию и подчас диверсификацию деятельности (через проникновение в банковскую и производственную сферы). Исследователь подчеркивает необходимость и далее изучать множественный смысл понятия экономической глобализации применительно к XIX — первой половине XX в.⁸

Т. Рой настаивает, что применение к экономической (и не только) истории Индии таких понятий, как «империя» или

-
6. *Riello G., Roy T. Introduction: The World of South Asian Textiles, 1500–1850 // How India Clothed the World: The World of South Asian Textiles, 1500–1850 / Ed. by G. Riello, T. Roy. Leiden: E.J. Brill, 2010; Roy T. India in the World Economy: From Antiquity to the Present. N.Y.: Cambridge University Press, 2012.*
 7. *Roy T. An Economic History of Early Modern India. L.: Routledge, 2013. P. 101–102.*
 8. *Roy T. Trading Firms in Colonial India // Business History Review. Harvard, 2014. No. 88 (Special Issue 1).*

«мировая система», приводит к рассмотрению ее сквозь призму европоцентричной идеи мира, а это искажает индийскую историю. По его мнению, необходим такой нарратив, который способен избежать расхождения между региональной и глобальной историей. Одно направление в экономической истории Индии считает участие страны в мировом рынке однонаправленным процессом вследствие ее включения в европоцентричную мировую систему (это мнение разделяет основатель мир-системного подхода американский историк И. Валлерстайн). Помещая в центр внимания проблему неравенства, исследователь рискует сделать историю глобализации Индии слишком зависимой от истории глобализации Европы. По мнению Т. Роя, это было бы ошибочно, поскольку каждый регион взаимодействует с другими автономным и особенным образом, который зависит от местных факторов, таких как политика и география⁹.

Другое направление отдает предпочтение менее иерархическому понятию глобализации — такому, при котором индийские и европейские фирмы взаимодействовали с взаимной выгодой. Подробно рассматривая организацию индийского бизнеса в колониальный период, Т. Рой переосмысливает процессы в этой сфере после достижения страной независимости в 1947 г. В историографии массовый уход иностранных предприятий из Индии в течение следующих 30 лет, как правило, объясняют их неспособностью к адаптации, например неспособностью избавиться от расовой исключительности среди топ-менеджеров. Т. Рой считает более вероятным объяснением то, что уход иностранцев отражал изменения в самом контексте торгового предпринимательства, особенно конец глобализации и сознательный уход Индии с мирового рынка (который продлился до 1980-х годов). Важнейшую роль в этом сыграла государственная политика молодой страны¹⁰.

9. Roy T. *India in the World Economy...* P. XIII, 5.

10. Roy T. *Trading Firms in Colonial India*. P. 40–41; Roy T. *India in the World Economy...* P. 224–237.

Важное место в работах Т. Роя с точки зрения методологии занимает критика довольно влиятельного в западной науке направления *subaltern studies* (основоположник – британско-индийский историк Ранаджит Гуха). Это направление появилось в начале 1980-х годов и призывает изучать историю исходя из коллективной исторической памяти угнетенных социальных групп. Т. Рой критикует данное направление за преуменьшение роли сотрудничества социальных групп с разным статусом и преувеличение роли протеста угнетенных. По его мнению, уход представителей *subaltern studies* от научного диалога с другими направлениями проявляется наиболее остро там, где этот диалог необходим больше всего, – в экономической истории. Исследователь видит серьезный недостаток указанного направления в неспособности включить в историю изучаемого предмета экономическую тематику. Экономика смотрит на экономический субъект шире, чем это позволяют примитивные инструменты эксплуатации и угнетения¹¹. Резкое противопоставление элит угнетенным слоям мало помогает ученому в ситуации, когда и те, и другие оказываются в экономическом выигрыше. Между тем экономические изменения при колониализме нередко приводили к такому выигрышу. Большому числу работников, например кожевников, колониальная экономика давала возможности спастись от зависимого положения и голода. Конечно, уход из сельской местности на кожевенные заводы близ Калькутты в период между двумя мировыми войнами мог вести и к возникновению нового неравенства, но подобные миграции служили для приниженных социальных групп способом попытаться изменить свой статус, играя в игру по тем же правилам, что и элита. Подключение экономической истории к исследованиям приводит к фундаментальному разногласию с парадигмой угнетения и сопротивления¹². Иными словами, Т. Рой призывает не рассматривать отношения пра-

11. Roy T. Rethinking Economic Change in India: Labour and Livelihood. L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 171.

12. Ibid. P. 172.

вщих и угнетенных слоев только через антагонизм: сквозь ее призму нельзя объяснить значительный срез реальности.

По мнению Т. Роя, рост дисбаланса между трудом и капиталом и формирование рынка в Индии показывают, что возможность изменений в отношениях элиты и неэлиты может проистекать не из политического гнета или сопротивления гнету, а из перераспределения экономических возможностей. Однако *subaltern studies* вынуждены игнорировать уроки экономической истории как дисциплины: ведь если поляризовать элиты и низшие группы не получается, данный подход становится неясным. Это и вводит его представителей в соблазн преувеличивать социальную полярность.

Subaltern studies сосредоточены прежде всего на критике колониального государства. Однако колониальные и местные политические сети взаимодействовали друг с другом и описывать их изолированно невозможно. Кроме того, многие бедные слои населения Южной Азии с колониальным государством почти и не контактировали. Так, ремесленные общины были группами, которыми оно никогда всерьез не интересовалось. Наконец, сводя все к колониализму, *subaltern studies* преуменьшают роль местных субъектов и форм угнетения. Между тем иные группы, которые при традиционной власти подвергались гнету, при колониализме обрели силу; пример — колониальное законодательство, связанное с арендой и ростовщичеством: введенные британцами законы оказались выгодны группам, которые до их прихода подвергались поборам и произволу со стороны властей. *Subaltern studies* вынуждены подчеркивать соучастие местных и колониальных элит, но на деле колониальная держава относилась к местным центрам власти двойственно¹³.

Т. Рой критикует *subaltern studies* за то, что этот подход неоправданно, на его взгляд, ограничивает изучение угнетенных

13. Roy T. Rethinking Economic Change in India: Labour and Livelihood. L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 174. См. также: Roy T. Rethinking the Origins of British India: State Formation and Military-fiscal Undertakings in an Eighteenth Century World Region // *Modern Asian Studies*. Cambridge, 2013. Vol. 47. No. 4.

слоев определенными рамками. Во-первых, термин *subaltern* относится к неясному кругу лиц, причем неясным образом. Если это бедняки, данное направление не отвечает базовому критерию адекватной историографии бедняков — экономической истории. Предполагается, что один из важных предметов *subaltern studies* — условия труда. Однако эти штудии обращают на удивление мало внимания на заработную плату, миграции, контракты, домохозяйство, средства к существованию. Во-вторых (как сказано выше), всецело исходя из нарратива «угнетение — сопротивление», данное направление упрощает опыт бедных слоев и углубляет разрыв с экономической историей, которая признает не только гнет, но и взаимодействие¹⁴.

Экономическая история Индии долгое время была полем боя двух подходов. Один из них, который в независимой Индии стал академическим мейнстримом, исходит из близости интересов колониализма и местных элит, объясняя отсталость индийской экономики их союзом. Согласно противоположному подходу, к которому причисляет себя Т. Рой, отсталость надо объяснять социальными, демографическими или экологическими факторами, а физический труд и бедность — результат их действия. Колониализм не играет для него важной роли как двигатель экономической истории. Т. Рой настаивает, что в постколониальной Индии не прекратился процесс экономического роста, элементами которого были коммерциализация, борьба за нетрудовые ресурсы, перемещение труда, культурные предпочтения. Эти элементы определили преемственность постколониальной Индии по отношению к колониальной. Вместе с тем британская и независимая Индия отличаются друг от друга с точки зрения влияния рынка, особенно мирового, на использование традиционных ресурсов. Постколониальный режим принял стратегию изоляции от мирового рынка. По мнению Т. Роя, именно политика правительства Индии 1960–1970-х годов была причиной отставания ее экономики от экономик

14. Roy T. Rethinking Economic Change in India... P. 177.

успешных развивающихся стран¹⁵. В результате получило стимул техническое развитие внутри Индии, зато были утеряны торговые возможности на мировом рынке¹⁶. Высокий уровень бедности в Южной Азии автор объясняет не столько наследием колониализма, сколько замедлением роста экономики в постколониальный период.

Т. Рой подчеркивает, что экономическая история Индии по сей день остается малоизученной сферой. Ее исследователи давно объясняют это тем, что экономическая история Индии колониального периода уделяет недостаточно внимания самому феномену колониализма и институту колониального государства. По мнению Т. Роя, этот подход во многих контекстах полезен, но вместе с тем ограничен. «Экономические изменения в колониальной Индии зависели не только от колониализма, но и от множества других факторов, включая географию, экологию, личные соображения, культуру и мировой рынок. Эти другие переменные действовали независимо. Колониализм формировал их, но и они формировали колониализм»¹⁷. Т. Рой настаивает, что историк должен отойти от монокаузальной модели и изучать взаимодействие между многими постоянными системы, а также их взаимодействие с колониальной властью.

Особенно яркий пример – соотношение между природными ресурсами и рабочей силой, тенденции в развитии которого при почти неизменном качестве земли сильно влияли на экономический рост, уровень жизни и бедность. Это соотношение испытывало влияние не только колониальной политики, но и принятия решений частными лицами в вопросах о том, сколько сберегать и вкладывать капитала в сельской местности или сколько детей рожать. Другой пример – роль мировой экономики. Т. Рой даже затрудняется сказать, породила ли фритредерская идеология колониального государства

15. Roy T. *India in the World Economy...* P. 224.

16. Roy T. *Economic History and Modern India: Redefining the Link // Journal of Economic Perspectives*. Princeton, 2002. Vol. 16. No. 3. P. 128.

17. Roy T. *The Economic History of India...* P. 375.

в Индии глобализацию ее экономики XIX в. — или наоборот. Природа режима определенную роль сыграла, но существовала сила, которая для трансформации экономики необязательно нуждалась в государственной поддержке. Торговля поощряет развитие специализации. Под воздействием внешней торговли Индия в XIX в. частично отошла от производства и развивала сельское хозяйство. Такая трансформация экономики, в свою очередь, создала государство, которое по своим взглядам на управление экономикой было аграрным и увидело своей целью индустриализацию неохотно и весьма поздно¹⁸.

По мнению Т. Роя, отойти от монокаузальной модели изменений и признать, что, кроме британской политики, у развития индийской экономики были и другие, сугубо индийские двигатели, важно по двум причинам. Во-первых, если поместить в центр исторического нарратива государство, возникает вопрос, почему смена режима в 1947 г. не покончила с бедностью и отсталостью Южной Азии. Хотя переход власти привел к изменениям некоторых переменных, которые влияли на экономический рост (важнейшие из них — включенность страны в мировую торговлю и ее платежный баланс), он не привел к решительным или быстрым изменениям в соотношении ресурсов и населения или земли и рабочей силы. Во-вторых, отказ от прежней модели должен помочь компаративной истории. Идея, согласно которой Индия — это особый случай в развитии мировой экономики потому, что она была колонией, выступает потенциальной помехой компаративистике. Одна из проблем этой дисциплины — недостаток сравнительного анализа в контексте Южной Азии за рамками истории империализма. Когда историки этого региона смотрят за его пределы, они намного чаще обращаются к Британии, чем к развивающимся странам¹⁹.

Работы Т. Роя по количеству, и, конечно, главное, по качеству, занимают видное место в корпусе мировой научной

18. Ibid. P. 376.

19. Ibid. P. 377.

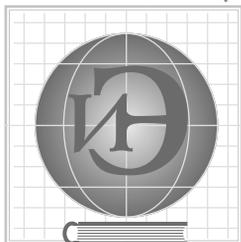
литературы по экономической истории Индии. Обращение к фундаментальным проблемам, в центре которых стоят традиционное и промышленное производство, а также внешняя торговля, уже позволило ему сказать веское слово в переосмыслении принятых концепций индийской экономической истории, которому те подвергаются с конца XX в.

Возможно, некоторые взгляды британско-индийского историка кажутся несколько политически ангажированными — особенно, подозреваю, последователям Эдуарда Саида и его концепции «ориентализма» как власти-знания. Это относится, например, к критике Т. Роем *subaltern studies* путем приглушения социального антагонизма чисто экономической тематикой. Сетования об утрате Индией возможностей на мировом рынке из-за импортзамещения при Дж. Неру и И. Ганди чреваты обвинением автора в предпочтительности для страны продолжать развиваться как сырьевой придаток Запада. Представляется неправомерным употребление Т. Роем некоторых терминов в определенном контексте, таких как «глобализация». Исследователь сам оговаривает, что понимает под глобализацией «увеличение обмена товарами, услугами, трудом, капиталом и знаниями на длинные расстояния»²⁰. К сожалению, он понимает термин в самом широком смысле, отождествляя его с интеграцией и интернационализацией вообще, что лишает термин конкретного исторического содержания. Между тем представляется верной точка зрения на глобализацию как на процесс, который развивается в мировой экономике с конца XX в. и имеет своей производственной основой НТР.

Однако в любом случае нельзя не признать широты интересов, владения теоретическим материалом, знакомства с достижениями предшественников и впечатляющей фактологической эрудиции одного из мировых специалистов по экономической истории Индии.

20. Roy T. India in the World Economy... P. 3, n. 2.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

История мировой экономики
выпуск 5

Научное издание

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Полякова А.В.

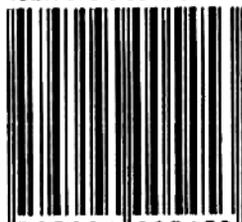
Компьютерная верстка – Гришина М.Ф.

Подписано в печать 11.04.2016.

Заказ № 17. Тираж 300 экз. Объем 17,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0545-3

9 785994 005453